

Начало века

2025

№3

Литературный и краеведческий журнал

НАЧАЛО ВЕКА 2025/3

ЛИТЕРАТУРНЫЙ
И КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Выходит с января 2007 года

ИЗДАНИЕ ТОМСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ

Главные редакторы:

Геннадий СКАРЛЫГИН
Владимир КРЮКОВ

Редколлегия:

Геннадий АНКУДИНОВ
Дмитрий ИВАНОВ
Елена КИРИЛЛОВА
Елена КЛИМЕНКО
Галина КЛИМОВСКАЯ
Софья РУБАКОВА
Оксана ЧАЙКОВСКАЯ

Адрес редакции:

634050, г. Томск, ул. Шишкова, д. 10.
Тел. 528-369.
E-mail: kryukov-49@mail.ru

Электронные версии журнала:

<http://elib.tomsk.ru/page/25940/>
<http://tompisatel.ru/proektyi/nachalo-veka.html>
<http://журнальныймир.рф/zhurnaly/nachalo-veka>

При перепечатке материалов
ссылка на журнал «Начало века»
обязательна.

Мнения авторов не обязательно
совпадают с мнением редакции.

**На обложке: «Деревья уходящего
лета». Фотоэтиюд Олега Карташова.**

Журнал выходит при поддержке
Администрации Томской области.

В НОМЕРЕ:

ПАМЯТЬ

Большой юбилей большого писателя:
Вадиму Макшееву – 100 2

ПОЭЗИЯ

Владимир ВАСИЛИНЕНКО 23

ПРОЗА

Сергей БОРИСЕНКО

Рассказы 28

Елена СИДОРЕНКО

Истории от Палыча 35

Елена ЛАНКИНА

Ландыши в тени высокой груши 48

ПОЭЗИЯ

Людмила КУТЕРГИНА 52

Станислав ФЕДОТОВ 56

ПРОЗА

Евгений ВЯЗАНЦЕВ

Исторические миниатюры 63

Елена КЛИМЕНКО

Изумрудные краски детства 71

ПАМЯТЬ

Оксана ЧАЙКОВСКАЯ

Год спустя 89

Елена КИРИЛЛОВА

Алгоритм улыбающихся глаз 92

ЗАМЕТКИ О НАШЕМ ВРЕМЕНИ

Владимир КРЮКОВ

Было или не было 95

Писательская биография 99

СЛОВО – 2025

Молодые голоса (от 14 до 19 лет) 107

Проза (от 35 лет) 118

БЫЛОЕ

Юрий СТЕПАНОВ

Откровенно говоря 129

ЧТО СМЕШНОГО?

Сергей ЯКОВЛЕВ

Пародии 148

КРАЕВЕДЕНИЕ

Анатолий ПШЕНИЧКИН

«Следы»

Александра Ивановича Иванова 150

АВТОРЫ НОМЕРА 158

БОЛЬШОЙ ЮБИЛЕЙ БОЛЬШОГО ПИСАТЕЛЯ

Вадим Николаевич МАКШЕЕВ

(4 сентября 1925, Ленинград – 7 февраля 2019, Томск)

Детство писателя прошло за рубежом, в Эстонии. В 1941 году, за неделю до начала войны, во время массовых репрессий в Прибалтике отец был арестован и вскоре погиб в концлагере на Северном Урале, а Вадим Макшеев пятнадцатилетним подростком вместе с матерью и малолетней сестрёнкой был отправлен в ссылку в Нарымский округ, на Васюган. Там в 1942 году мать и сестрёнка умерли, а он, единственный выживший из семьи, ещё двенадцать лет находился на спецпоселении. Трудовую деятельность начал во время войны. Работал в колхозе, затем на рыбозаводе, потом пятнадцать лет опять в колхозе.

В шестидесятых годах стал журналистом районной газеты, затем работал в областной. Стал членом Союза писателей России. Автор двух десятков книг художественной прозы и публицистики («Дождь надолго», «И видеть сны...», «Нарымская хроника», «По муромской дорожке», «Последнее перепутье» и др.). Повести, рассказы и очерки публиковались во многих центральных и региональных изданиях. Неоднократно печатался за рубежом в издающихся на русском языке журналах «Таллинн», «Радуга», «Вышгород» (все в Эстонии).

Заслуженный работник культуры РФ. Лауреат премий Союза писателей РСФСР, Союза журналистов России, журнала «Октябрь», фонда имени Макушина, губернаторской премии имени Шишкова. Награждён знаком отличия «За заслуги перед Томской областью».

Сегодняшняя подборка материалов к столетию Вадима Николаевича Макшеева не случайно представлена очерками и воспоминаниями авторов из Каргасокского района Томской области, где прошли тяжёлые годы ссылки будущего писателя. С этим краем и его людьми Вадима Николаевича связывала настоящая дружба.

В. К.

СЛОВО О В. Н. МАКШЕЕВЕ

«Сегодня был чудный день: я узнала о писателе-земляке Вадиме Николаевиче Макшееве!»

(из отзыва юной читательницы)

В ноябре 2019 года я была приглашена на встречу с учащимися католической гимназии города Томска. По дороге обратила внимание на яркую уличную рекламу, которая приглашала на встречу в ТГУ с российской всемирно извест-

ной писательницей Людмилой Улицкой (ныне иноагентом). Мелькнула мысль, что я тоже иду провести для учеников заочную литературную встречу с российским писателем-томичом Вадимом Николаевичем Макшеевым. Это будет скромная, безрекламная дань памяти автору, поднявшему трагический документальный пласт истории не только российского крестьянства, но и многих народов, прошедших через горнило репрессий XX века. Труды Вадима Николаевича – это уроки совести, пример любви, верности и преданности семье, для современного читателя они могли бы стать духовной опорой.

С Вадимом Николаевичем меня связывают двадцать лет личной дружбы. Но наше книжное знакомство началось гораздо раньше. Теперь, по прошествии времени, понимаю, что его книги и встреча в феврале 1989 года в Староюгинской школе стали предтечей, одной из тропинок, которая привела к муниципальному проекту «Прощение и память» в Каргасокском районе Томской области.

Вадим Николаевич Макшеев – свидетель трагических страниц истории российского крестьянства. В тридцатые годы XX века ссыльные крестьяне величались «спецами». Долгие годы будущий писатель жил и работал рядом с ними. Отсюда и особенность его литературного творчества – документальность. Вадим Николаевич взял на себя ответственность свидетельствовать о тяжёлых испытаниях, выпавших на долю российского крестьянства. Он говорил: «Кулаки — не хочу их так называть – это белая **крестьянская** кость». Эта тема стала, можно сказать, миссией всей жизни. Результатом стали написанные им книги, они литературно-исторические памятники. Они уникальны. Их сила в невыдуманности событий. Отсюда и особый язык повествования. Автор без надрыва, очень деликатно, не переходя границ, просто повествует. Замечательно об этом сказал почётный гражданин Каргасокского района Валентин Григорьевич Рудский: «Жизнь Вадима Николаевича Макшеева – пример деятельного добра, столь необходимого во всём мире сегодня!».

Счастливое детство в окружении папы, мамы и сестрёнки Светы было коротким, но достаточным для того, чтобы обрести «почву» под ногами. Удивительно чистое чувство любви к Родине, России было привито ему в детстве. Он не изменял ему в любую «погоду». Любовь ближних и его к ним позволила юному Вадиму пережить потери, голод, бездомовье и сиротство, остаться человеком и стать писателем. Делом чести для Вадима Николаевича стало установление на собственные средства в Новом Васюгане поминальных крестов маме и сестрёнке Светлане, М. В. Карамзиной и сыну эстонского архитектора Н. А. Паульсена Коле Паульсену, и всем жертвам репрессий, обретших вечный покой на Васюганье.

В 2011 году в Нововасюганской школе Каргасокского района Томской области Вадим Николаевич создаёт краеведческий книжный фонд «Светлана» (в память о сестрёнке Светлане), а в школе с 2012 проводятся Макшеевские чтения.

За большой личный вклад в развитие истории и культуры, повышение известности Каргасокского района 6 июня 2012 года Вадиму Николаевичу было присвоено звание «Почётный гражданин Каргасокского района».

30 октября 2012 года при установлении в Каргаске Камня скорби В. Н. Макшеев сказал:

«Дорогие мои земляки, каргасокцы!

Осуществилась мечта тысяч людей, как ныне живущих в Каргасокском районе, так и в разное время уехавших из него, но оставивших здесь часть своей жизни и могилы своих близких.

Сегодня в Каргаске установлен Камень скорби в память о жертвах сталинских репрессий на территории Каргасокского района. Неизбывная горестная память о насильно привезённых на необжитые берега таёжных рек и умерших здесь от голода, лишений и болезней десятках тысяч раскулаченных крестьян из сёл Западно-Сибирского края, обобранных, обездоленных, изгнанных из родных мест за то, что истово работали и снабжали страну хлебом, а их детей за то, что родились у этих родителей.

Неизбывна горестная память об умерших депортированных женщинах и детях из Эстонии, Латвии, Литвы, об умерших репрессированных жителях Белоруссии, Буковины, Молдавии, Поволжья, Абхазии.

В течение многих лет существовавшей властью вытравливалась память о трагических судьбах спецпереселенцев, «спецзах», как они себя кратко именовали. Будучи в своё время репрессированными, те из них, которые выжили, боялись говорить правду о том, что с ними было. И сегодня многие внуки спецпереселенцев не знают, где похоронены их погибшие родные. Посёлков, где те жили и страдали, непосильно работали и теряли своих близких, давно нет, заросли осинником и пихтачом погосты, где лежат в одиночных и братских могилах навсегда оставшиеся там, вдали от родных мест, мужчины и женщины, старики и младенцы.

Теперь к единому для всех Камню скорби в районном центре можно прийти почтить память погибших, зажечь у подножья свечку, помолиться за упокой невинных душ. Вечная память им!».

Литературное наследие Вадима Николаевича стало «мостиком» для ведения диалога по трудной теме репрессий народов бывшего СССР. В 2010 году Макшеев становится участником экспедиции по Васюгану в составе эстонской киногруппы... Хочется подробнее рассказать об одном эпизоде этой поездки.

Красноярка и Новый Васюган. В этих населённых пунктах прожил он около двадцати лет. Они стали территорией юности, молодости и взросления, здесь появилась семья и родились дочери. В сентябре 2010 года на месте бывшей деревни Красноярки, основанной спецпереселенцами в начале 1930-х годов, неподалёку от поминального креста жертвам сталинских репрессий появился памятный знак – локомотив.

История его появления такова. В начале XXI века на месте Красноярки возник посёлок нефтяников-вахтовиков. Как-то им в руки попала книга В. Н. Макшеева «Спецзах», где есть история деревни Красноярки и появления в ней первого локомотива. Вахтовики решили поставить на месте бывшей деревни памятник – локомотив. Он был обнаружен в тайге, восстановлен и установлен в сентябре 2010 года по инициативе вахтовиков – работников нефтеперерабатывающего завода ООО «Средневасюганское». «Солидные» люди с мальчишеской искрой в глазах» нашли локомотив, реставрировали его. Локомотив стал памятным знаком. Всякий проезжающий по зимнику будет видеть его, а желающие подойти поближе смогут прочитать надпись на

мемориальной табличке. Мемориальную табличку сделали вахтовики, а прикрутил автор текста В. Н. Макшеев, который вместе со съёмочной группой государственного телевидения Эстонии побывал на Васюгане и в Красноярске. Этот визит удивительным образом совпал с днём рождения Вадима Николаевича, вот такой необычный подарок он получил. Подарок дорогой, он, по сути продолжение дела, которому В. Н. посвятил свою жизнь – написанию книг о судьбах российских крестьян в период репрессий XX века, о их мужестве, стойкости, жизнелюбии.

Низкий поклон этим неравнодушным людям, благодаря которым появился на Васюгане, на месте Красноярки, локомотив-памятник:

Пилюку Валентину Васильевичу,
Вышеткевичу Александру Александровичу,
Семиренко Александру Сергеевичу,
Останину Валерию Олеговичу,
Вавилову Александру Павловичу,
Тимофееву Василию Ивановичу.

История памятника-локомотива получила литературное продолжение в стихах Виктора Никитьевича Новосельцева (Новосибирск):

*Пятьдесятые годы надежду дарили,
Первый двигатель прибыл в таёжный колхоз.
Узнавали сельчане о локомотиве,
Когда скатывать с паузка стали на взвоз.
Обвязали махину пеньковым канатом.
Каждый лямку тянул в этом деле свою:
С мужиками – и бабы, постарше ребята,
Малышня ликовала, резвилась вовсю.*

*Закатили всем миром наверх крутояра,
От эмоций остыла в тот вечер гурьба.
Паровая машина под действием пара
Облегчала процесс, когда шла молотья.*

.....
*Лет почти шестьдесят с той поры миновало,
Как машина увязла в болотном леске,
Как оставил минувшее сразу и даром
Местный житель последний, спускаясь к реке.
Не грозила машине отныне безвестность.
У нефтяников крепкий настрой на дела.
По морозу достали её на поверхность,
Отскребли и отмыли, считай, «добела»,
На фундамент поставили рядом с погостом.
Благородного дела свалилась гора.
Локомотиву из прошлого следует просто
Аплодировать стоя. Настала пора!*

Все годы нашего знакомства с Вадимом Николаевичем мы встречались в Академгородке, в его гостеприимном доме. Иногда я приходила с внучкой. Всякий раз он спрашивал её о возрасте. Я понимала, что в этот момент он вспоминал сестрёнку Светлану и представлял, как бы она выглядела, подрастая. Мы часто чаёвничали, случилось и посидеть на муромской табуретке. Табуретка напоминала о прожитых годах на Васюганье, в Муромке, о печалях и радостях тех лет. Вадим Николаевич всегда был открыт к встрече с теми, кто пережил годы лихолетья, или с их потомками. Иначе и не могло быть, потому что большая часть его литературных трудов была посвящена именно им.

Девятого февраля 2019 года в Томске прощались с российским писателем Вадимом Николаевичем Макшеевым. Скорбная церемония состоялась в Богоявленском кафедральном соборе. Проститься с Вадимом Николаевичем пришли томские поэты и писатели, музейные работники, библиотекари, друзья семьи и, конечно же, читатели, те, ради кого и для кого он творил. Они несли в холодный февральский день живые цветы: розы, хризантемы, от жителей дорогого сердцу усопшего Нового Васюгана – охапка красных гвоздик. Горели свечи, звучала поминальная молитва и последнее «прости».

Вадим Николаевич в силу воспитания, совести и веры добровольно нёс литературный крест Памяти во имя всех «спецов» Васюганья, потому что жил и выжил среди их. Он заложил мощный нравственный фундамент и ушёл в назначенный час (в канун православного дня памяти новомучеников и исповедников Российских) выполнив свою земную миссию: сына, брата, мужа, отца, деда и прадеда, гражданина и просветителя. Живущим он оставил код «спецы», он в его книгах, прочитав которые, можно многое понять в прошлом, настоящем и будущем.

Он видел первые шаги этого духовного строительства: поминальные знаки Васюганья и Мемориал музея «Следственная тюрьма НКВД» в Томске, литературные тематические труды коллег по перу. Он очень много уделял внимания работе с детьми, глубинно понимая основополагающую важность детства. Через всю свою жизнь он пронёс братскую заботу и любовь к своей сестрёнке Светлане, и ушёл к ней в день её рождения. Литературное творчество Вадима Николаевича «стирает» границы, примиряет враждующих, просветляет непонимающих. Вместе с нами в этот день скорбели «спецы» России, Украины, Латвии, Эстонии, Израиля...

Степан Михайлович Климов, тоже «спец» (Эстония, Тарту) сказал о трудах Макшеева верно и точно: «...работы Вадима Николаевича Макшеева современны, содержат жестокое прошлое земли Каргасокской и служат предупреждением всему человечеству будущего».

Я благодарна судьбе за радость знакомства с Вадимом Николаевичем, за его пример любви к Родине, который он передал мне, сделав меня духовно богаче.

Валентина ЗАРУБИНА

Валентина Михайловна ЗАРУБИНА – координатор проекта «Прощение и память» Каргасокского района Томской области (2006–2008 гг.), почётный гражданин Каргасокского района (2024).

ПЕРВАЯ КНИГА, ПЕРВОЕ ИНТЕРВЬЮ, ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Всё начинается с детства... Могла ли я когда-то подумать, что всего лишь один день из моей школьной жизни, а точнее, фраза, сказанная в этот день, предопределит моё будущее: и выбранную профессию, и интерес к своей родословной и истории родного края, – и приведёт к знакомству с Вадимом Николаевичем Макшеевым.

...1973 год, 29 октября.

Сегодня меня приняли в комсомол!

Радостная, я взахлёб рассказываю маме, что спрашивали, как отвечала на вопросы: «Кто является Генеральным секретарём ЦК КП Болгарии? Польши? Венгрии и других соцстран? Как называются детские организации соцстран? В каких государствах премьер-министры – женщины?»

Мама сидела за столом, водила пальцем по узору скатерти и молчала. И вдруг произнесла фразу, которая как холодной водой окатила меня:

– А знаешь, дочь, твои бабушка и дедушка были сосланы сюда, на Васюганье.

– Как сосланы? Что они сделали?

– Ничего.

– Просто так не ссылают. Они – преступники? Они кого-то убили? Украли что-то?

– Нет, тогда многих ссылали, когда раскулачивали в 30-е годы. Твой папа тоже был сослан, только в 1941-м.

– А его за что? Он же маленький был?

– Всех немцев с Волги тогда выслали. У нас в посёлке много таких.

Я стала наугад называть фамилии своих одноклассников, соседей, а мама кивала головой: «Да. Да. Да».

– Почему же они об этом не говорят? Почему об этом молчат??

– Значит, время не пришло... И ты об этом не говори...

Праздника не получилось. Мне было стыдно: я так гордилась своими знаниями о чём-то и о ком-то где-то там, далеко и, оказывается, совершенно не знала подлинную историю своей семьи, да и своей страны. И не потому, что не хотела, просто верила тому, что писали тогда в газетах, журналах, учебниках истории. А государство в то время не стремилось раскрывать «тёмные» пятна своей биографии.

Но зарубка в душе осталась: есть другая правда, страшная правда, которую все знают, но о которой предпочитают не говорить: ВРЕМЯ НЕ ПРИШЛО.

ПЕРВАЯ КНИГА

...Прошли годы... В печати публикуют документы о раскулачивании и коллективизации, ранее бывшие под грифом «Секретно», по телевидению показывают документальные хроники, издаются книги, где упоминаются «ссылка», «Западная Сибирь», «Нарымский край», но их нет в продаже, и до нас, потомков спецпереселенцев, они не доходят.

...Но вот в «Каталоге подписных изданий на 1998 год», помимо газет и

журналов, я увидела книгу *«Нарымская хроника. 1930–1945. Трагедия спецпереселенцев. Документы и воспоминания. Составление и комментарии В. Н. Макшеева (Москва, «Русский путь», 1997)*. С каким нетерпением я ждала её получения!

И вот открываю страницу «От составителя», и первые строки: *«Васюган, печальная сибирская река, медленно и долго несёт свою торфянистую воду из необозримых болот в привольную Обь. Эта стиснутая берегами тёмная река, на которой я прожил двадцать лет – с рокового 1941 по 1960 год, – словно символ того времени, всего того, что тогда было и там осталось, всего того, что невозможно забыть...»*. Наконец-то я узнаю, хотя бы по чужим воспоминаниям, как высылали на Васюганье из Большереченского района Омской области большую семью Кокотчиковых, родителей моей бабушки с детьми, в количестве десяти человек. Я не могла остановиться, пока не дочитала до конца. Переворачивая страницу за страницей, я надеялась увидеть фамилии моих родных, но нет...

...Бабушка моя не могла вспоминать о ссылке – начинала плакать, и мама запретила её расспрашивать, чтобы не расстраивать. Никаких документов о том периоде у нас на руках не было. Даже доказательств того, что она была выслана и проживала в Красноярске (только в 2005 г. моя мама сможет ознакомиться с документами своих родителей в Информационном Центре г. Томска). Хотя нет, у меня хранилось письмо Марии Дмитриевны Беспрозванновой–Карючиной, адресованное бабушке, где она пишет о том, как сложились судьбы общих знакомых- красноярцев. И тут, в «Нарымской хронике», я встречаю воспоминания Марии Дмитриевны и её сестёр, как их высылали и как они добивались до будущей Красноярки. *«На сколько-то день приткнулись к крутояру. Из тайги в реку лог, как ущелье, развёрстыи, землянка на яру, возле два коменданта дожидаются: «Большереченские и колосовские, выгружайтесь!...»*. *Померших в дороге из списков вычеркнули, живым объявили: сосланы вы сюда на вечное поселение, и название вам теперь – спецпереселенцы»*.

ПЕРВОЕ ИНТЕРВЬЮ

Читаю дальше в «Нарымской хронике»: *«Помню – давным-давно, летом 1945-го, под скатом нагретой солнцем крыши гулко от пустоты колхозного склада, где громко чирикали потревоженные воробьи, среди груды запылённых амбарных книг я обнаружил толстую тетрадь. Под тёмной клеёнчатой обложкой был список привезённых в нашу Красноярку первых спецпереселенцев. На пахнущем затхлым страницами выведенные каллиграфическим почерком имена, отчества, года рождений... Более тысячи человек. Взрослые, дети. Много детей... Имена, имена, имена... Столбцы имён. Словно поминальник...»*.

Этот комментарий автора позволял надеяться, что имена моих родных тоже были в этом списке. Как узнать? Мне помогли найти домашний телефон Вадима Николаевича. Я заранее записала вопросы, которые меня интересовали, оставив место для ответов.

Волновалась я? Да, волновалась, но не было и тени сомнений, что мне не пойдут навстречу и могут отказать в общении.

Я представилась, объяснила цель своего звонка. Вадим Николаевич согласился ответить на мои вопросы, поинтересовался, каким образом ко мне

попала его книга, и был удивлён, что она распространяется через почтовую подписку.

Вопрос: Вадим Николаевич, упоминалась ли фамилия Кокотчиковых в списках спецпереселенцев?

Ответ: За давностью лет не припомню, там было более тысячи фамилий, точнее 1844 человека (500 семей) в мае 1931 г. высадили на берег. Но на месте спецпоселения не должно быть более ста дворов, поэтому «лишних» на следующий год отправили на новые места.

Вопрос: Какова судьба тетради?

Ответ: Если бы я, Татьяна Ивановна, знал тогда, что стану писателем, конечно, я бы её сберёг. Теперь-то я корю себя... А так в ней оставались чистые листы, я их вырвал, т. к. ко мне часто обращались с просьбой написать письма, а бумаги никакой не было. Бывало такое, что приходилось писать на узких полосках полей газет.

Вопрос: Вот высадили раскулаченных с баржи на берег, а потом что?

Ответ: А потом создали неуставные кустарно-промысловые артели по заготовке дранки на крышу, клёпки на бочкотару, по сбору кедрового ореха, по выгонке пихтового масла. Сельскохозяйственная артель занималась раскорчёвкой 100 гектаров земли под пашню. Затем, в 1936 году, был образован колхоз «Заря», первым председателем был (только год, т. к. в 1937 г. расстреляли) Корниенко Иван Яковлевич, его сменил Рыжанков Арсений Васильевич (до 1946–47 г.), затем – Чёпин Пётр Антропович.

Вопрос: Вадим Николаевич, вы столько знаете о Красноярке, не всё из рассказанного вошло в «Нарымскую хронику». Где-то можно будет о ней прочитать?

Ответ: Я, пока собирал документы и воспоминания для «Нарымской хроники», понял, что их уже много для этого сборника, поэтому в задумках ещё одна книга, куда я обязательно включу и материалы по Красноярке.

Вопрос: А какое название будет у книги? Как мне не пропустить её выпуск?

Ответ: Я решил отталкиваться от фразы «...сосланы вы сюда на вечное поселение и название вам теперь – спецпереселенцы». «Спеццы», так называли тогда спецпереселенцев, так я и книгу назову. Не переживайте, я вам обязательно подарю экземпляр.

Вопрос: Спасибо! Вы знаете, кто из бывших жителей Красноярки проживает до сих пор в Каргасокском районе?

Ответ: В октябре 1950 года объединили колхозы Красноярки, Маломуромки и Сталинки в укрупнённый колхоз «Магнитострой» и сделали его отделением Павловской фермы. Поэтому в основном в Павлово переезжали. В Новом Васюгане – Крынин Иван, Мартынов Николай, Халев Василий Петрович.

Далее наш разговор перешёл на то, как сложилась дальнейшая жизнь наших родных и у каждого из нас. Выяснилось, что всё-таки одного Кокотчикова он знал по работе на рыбзаводе в посёлке Средний Васюган. *«Я сильно голодал, и одна учительница замолвила за меня слово, и меня взяли учеником счетовода на Васюганский рыбзавод. Там и работал плотником дядя Вася Кокотчиков, добрейшей души человек. Видя, что у меня нет никакой еды с собой, он мог поде-*

литься куском хлеба, варёной картошкой. Шла война, излишков продуктов ни у кого не было, тем ценнее было такое внимание, пока я не стал получать зарплату. Я даже помню, что он интересно так разговаривал, «окал». Действительно, у д. Васи, бабушкиного родного брата, была такая особенность речи.

Были ещё нечастые телефонные звонки-консультации. И всегда это были доброжелательные беседы людей, для одного из которых прошлое – это боль и страдания, через которые он прошёл, а для другого – это боль и страдания, через которые прошли его родные.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

К тому времени, работая учителем истории, я поняла, что темы «Раскулачивание», «Великая Отечественная война», «Послевоенная жизнь» не могу давать детям так, как преподносит учебник: обезличенно, выхолощено, без жизненного содержания, тем более, что часы на их изучение были значительно урезаны по сравнению с предыдущими годами. И дети с вопросниками по этим темам «пошли в народ». Стали накапливаться работы из воспоминаний участников и очевидцев исторических событий, которые и легли потом в основу сборника «Как это было». Эта работа получила Диплом 1-й степени в краеведческой секции Районной научно-практической конференции школьников в мае 2005 г. А уже в июне, приехав в Томск навестить родителей, я позвонила Вадиму Николаевичу, и он пригласил меня к себе домой.

Академгородок, «вот эта улица, вот этот дом...», нужный этаж и квартира... Непередаваемое волнение, звоню, открывается дверь, и невысокий, сухощавый, седовласый приветливый хозяин приглашает войти. Проводит меня в кабинет, и здесь волнение и некоторое смущение от встречи «вживую» с писателем... пропадает. Вокруг меня на полках книги, книги, книги и много фотографий, напротив окна письменный стол, а за окном – верхушки зеленеющих берёз и солнечный свет. И такое умиротворение охватило, такое желание просто поговорить с человеком, который знает и понимает ТО время, чтобы в какой-то степени понять себя: а зачем мне знать и понимать ЭТО нужно.

И снова вопросы, ответы. Вадим Николаевич рассказал о своих родителях и сестрёнке, показывая их на фотографиях, о жизни в Эстонии, о своей учёбе, о том, что и как происходило 14-го июня 1941 г., как он увидел в последний раз своего отца и получил от него наказ: сберечь маму и сестру. И здесь его голос дрогнул: «А я не выполнил его наказ. До сих пор в душе эта боль». Он продолжил вспоминать уже о жизни на Васюганье. И это был рассказ, наполненный светлой грустью (почему-то по ощущению именно эти слова подходят), где наряду с переживаемыми трудностями и бедами обязательно были доброта людская и помощь.

В конце встречи Вадим Николаевич сказал, что с компьютером «не дружит, надо ждать прихода дочерей или внучки, чтобы открыть электронную почту», а поэтому он предпочитает эпистолярный жанр – писать письма. «Когда рукой написано, тогда текст какой-то более живой, одушевлённый, что ли...». На прощание он подписал и подарил мне книги «И видеть сны...» и «По Муромской дорожке...».

«Добрый день, Татьяна Ивановна!

Когда Вы приезжали в Томск, то показывали мне краеведческие работы учеников. Поскольку я являюсь членом Совета Томского общества «Мемориал», то знаю, что в Москве обществом «Мемориал» проводится конкурс на тему «Человек в истории. Россия в XX веке». На него представляются и работы школьников на эту тему. Правда, у них сейчас какие-то сложности с финансами, но конкурс продолжается.

Если у Вас работы подготовлены и оформлены надлежащим образом на компьютере, то, если хотите, можете мне их прислать для нашего «Мемориала», а мы отсюда с соответствующей рекомендацией отправим их в Москву.

Гарантии на призовое место дать не могу, но, думаю, есть возможность. Тем более, что у вас тема спецпереселенцев присутствует.

Так что смотрите. Адрес мой знаете. Всего Вам доброго.

10.11.2005. В. Макшеев.

Р. С. Всё же вспомнил, что был в Вашей школе в Новоюгино, меня туда, насколько помню, Лаврушенко (забыл его имя и отчество)¹ возил на машине. Может, когда-нибудь ещё приеду».

«Добрый день, Татьяна Ивановна!

Ваш материал (вообще-то сделанное Вами можно назвать книгой)² получил и с рекомендательным письмом отправил в Москву.

Вы – молодец! Всё сделано отлично. И ребята, собиравшие воспоминания и записавшие их, все тоже молодцы, умники и умницы.

Я только заменил эпиграф. В данном случае цитата Калинина, на мой взгляд, менее уместна, как по значимости её автора, так и по содержанию. Поэтому нашёл высказывание академика Лихачёва, которым предварил Ваш труд. Думаю, что не обидитесь, поверьте моему опыту.

Теперь будем ждать оценки из Москвы.

Всего Вам доброго. Спасибо ребятам, принявшим участие в создании этой книги.

29.12.2005. В. Макшеев»

«Добрый день, Татьяна Ивановна!

Получил от Вас посылку. Большое спасибо за всё. Если, как и в предыдущий раз, будет отчёт о вашей экспедиции здесь, в Томске, приду со значком, который получил. Слава Богу, что всё прошло хорошо. Не собираетесь в будущем году доплыть до Нового Васюгана?

Книгу Маргит Феллер от Вас получил. У меня есть сборник её рассказов, который называется «И прошедшее не уходит...», но там те же рассказы, что и в присланной Вами книге.

Маргит я хорошо знаю, но её мироощущение и описание происходившего

¹ Лаврушенко Михаил Никитич, директор Новоюгинской средней школы.

² «Как это было...» (Сборник документов и воспоминаний односельчан о коллективизации и раскулачивании, о работе в тылу в годы Великой Отечественной войны, о послевоенной жизни родного края). Авторы – учащиеся Новоюгинской средней школы, учитель истории Фёдорова Т. И. п. Новоюгино. 2005 г.

на Васюгане отличается от моего тем, что она из другой среды, она – иностранка, попавшая в чужую страну, для неё многое непонятно.

У каждого пережившего ссылку тех лет свои воспоминания о прошлом, каждый пишущий о нём пишет по-своему, исходя из своего жизненного опыта и умения. Но всё вместе взятое – это история того трагичного времени.

Продолжение «Спецов», которое будет публиковаться ещё в двух номерах журнала (если он продолжит своё существование), я Вам и Валентине Михайловне³ вышлю. Быть может, «Спецы» выйдут и отдельной книгой.

Всего Вам доброго и Вашим близким.

Почтовый адрес Маргит Феллер: Israel. Tel Aviv...

Электронный адрес Аниты (дочери Маргит): ...

10.07.2007. В. Макшеев»

«Добрый день, Татьяна Ивановна!

На днях мне звонила Валентина Михайловна, я ей передал по телефону адрес Пауля Вексельבלата, который был сослан с родителями и сестрой в Красноярку, а сейчас живёт в Швеции. Хотел, чтобы Вы послали ему диск о Красноярке, но решил, что pošлю ему тот, который Вы дали мне, а Вы как-нибудь дадите мне другой.

Когда выйдет в свет книга «Спецы», я ему сразу pošлю одновременно её и диск. На почте я узнал, что диск можно послать, но надо указать, что на нём записано. Так будет проще.

Всего доброго Вам, Вашим близким и ребятам из Вашей школы.
28.03.2008. В. Макшеев»

«Добрый день, Татьяна Ивановна!

Получил книгу⁴, диск⁵ и ужаснулся – 1 000 рублей! Книгу с Вашим письмом я вчера отправил Паулю Вексельבלату заказной авиабандеролью, уплатив за всё про всё 340 рублей, так что Ваших денег у меня осталось 660 рублей.

Узнал у Вашей дочери, что Вы в двадцатых числах будете в Томске, тогда отдам Вам и для Валентины Михайловны две книги «Спецы» и оставшиеся деньги. Не заставляйте меня краснеть.

Книга издана хорошо, включено в неё более двадцати фотографий.

Рад, что состоится поездка до Нового Васюгана. Если туда на юбилей полетит отсюда делегация (на вертолёте), то, вероятно, смогу принять в этом участие. Очень хочу ещё раз побывать там... На катере не смогу, здоровье не позволит.

Кстати, когда будут праздновать этот юбилей, т. е. какого числа?

³ Зарубина Валентина Михайловна, соавтор и координатор муниципального проекта «Прощение и память».

⁴ «Прощение и память» (гуманитарная экспедиция). 2006–2007 гг.). Сборник материалов.

⁵ Видеопрезентация «Красноярка» (из цикла «Энциклопедия каргасокских деревень»), на основе документальных материалов из «Нарымской хроники», личных воспоминаний В. Н. Макшеева, М. Бартфельд-Феллер, семьи Беспрозванных, родных А. М. Лаврушенко (ур. Кокотчиковой).

Всего Вам доброго.
Поклон Валентине Михайловне.
6.06.2008. В. Макшеев»

«Говорят, время лечит душевную боль, но на излёте моей жизни душу мою всё чаще теснят воспоминания, и снова, более десяти лет спустя, я взялся писать книгу о спецпереселенцах. Жанр тот же – документальное исследование с использованием ранее не приводившихся документов и фактов того времени. Подвигло меня вновь обратиться к трагической участи спецпереселенцев и то, что сегодня всё громче звучат голоса тех, кто хочет, чтобы люди не знали всей правды о прошлом своей страны. Стремление скрыть целые пласты трагического прошлого – это не только нежелание извлечь уроки из истории, но и предательство по отношению к несметному числу людей, безжалостно раздавленных катком репрессий. По-прежнему манипулируя историей, пытаются убедить несведущих, что иначе было нельзя, так было надо, и вообще не нужно об этом вести речь.

Порой казалось мне, что минет ещё два-три десятилетия, уйдут из жизни старики, пережившие всё то страшное, но много лет боявшиеся о нём рассказывать даже своим детям, и окончательно порастёт то трагическое былое горькой травой забвения. Так же, как поросли травой и крапивой елани по берегам таёжных рек, где были посёлки, в которых жили и погибали подневольные поселенцы, как поросли полынной травой и чащевником возле тех посёлков погосты, где зарыты в неприютную нарымскую землю тысячи и тысячи невинных людей. Взрослых и младенцев...

И как же рад я был, когда в прошлом году узнал о проекте «Прощение и память», инициаторами которого стали три славные учительницы из Каргасокского района: Валентина Михайловна Зарубина, Севилле Рушитыевна Кереджи и Татьяна Ивановна Фёдорова. Родившиеся и выросшие в совсем иное время, сколько же много они сделали для того, чтобы их ученики, изучая историю родного края (Каргасокский район в своё время был частью Нарымского округа), знали правду о том, что происходило здесь в тридцатых и сороковых годах!

Осуществлённый на деле проект «Прощение и память» – это записанные ребятами рассказы стариков о трагическом прошлом, экспедиция по Васюгану, на берегах которого тысячи и тысячи подневольных людей корчевали тайгу, строили убогое жильё, засевали пшеницей первые поля... И погибали от голода, лишений, болезней. Сегодня на этих прижатых надвинувшейся тайгой лоскутах земли не слышно людских голосов, струхли и упали кресты на заброшенных погостах. Но, побывав там, ещё можно ощутить, что там происходило. Непосильный труд, голод, безысходность, разлуки навечно...

Разумеется, без помощи администрации Каргасокского района, «Газпрома», других организаций и энтузиастов, участвовавших в осуществлении проекта «Прощение и память», не состоялись бы две экспедиции по Васюгану и не были бы воздвигнуты на местах исчезновения посёлков памятные кресты. Но начало всему положили три учительницы, вложившие в это светлое дело частичку своей души.

Я встречался с теми, кто принимал участие в экспедиции по Васюгану,

разговаривал со школьниками и видел в их глазах что-то открывшееся им в тех поездках. Думаю, что ощущение сопричастности к прошлому сохранится для них на всю жизнь. И я, проживший на Васюгане без малого двадцать лет, потерявший там мать и сестрёнку, низко кланяюсь всем, кто организовал и осуществил поездки по этой печально знаменитой реке. Пройдут годы, на смену нынешнему поколению придут другие, но установленные на берегах Васюгана памятные кресты будут стоять, как скорбная память и назидание потомкам.

Склони голову. Помни...

Вадим Макшеев, писатель.

2008 г.».

(Послесловие к сборнику материалов «Прощение и память» (гуманитарная экспедиция). 2006–2007 гг.)

Вадим Николаевич, несмотря на свой почтенный возраст, все годы нашей дружбы поддерживал наши начинания: он был внимательным читателем и консультантом сборника по материалам проекта «Прощение и память» и книги «Реки печали», ставших победителями областного и межрегионального этапов в номинации «За лучшую программу духовно-нравственного воспитания детей и молодёжи» и «Лучший издательский проект Всероссийского конкурса «За нравственный подвиг учителя».

Ещё не раз мы, авторы проекта «Прощение и память», встретимся с Вадимом Николаевичем: и на каргасокской земле, когда он участвует вместе с киногруппой эстонского телевидения в гуманитарной экспедиции «Прощение и память» по Васюгану (2010 г.), и на Всероссийской научно-практической конференции «Томский север: земля Каргасокская – боль и гордость России» (2011 г.); и в Томске – на приёме в честь вручения ему государственной награды Эстонской Республики – ордена Креста Земли Марии 4-й степени (2011 г.), на презентации муниципального проекта «Прощение и память» (2012 г.) и на презентациях его собственных книг. Были и гостевые встречи, где за чашкой чая воспоминания о прошлом перемежались рассказами о нашей работе, о трудностях и их преодолении, о планах на будущее. Его тактичные советы и предложения давали понимание, каким должно быть преподавание истории и какую роль играет в этом краеведение.

Вадим Николаевич – российский писатель, произведения которого вызывают гордость и уважение к людям, выдержавшим тяжкие испытания тридцатых годов, вырастившим детей, в сороковые защитивших страну от фашизма. И это – наши деды и прадеды. И это – наша история, которую мы должны знать...

Татьяна ФЁДОРОВА

Татьяна Ивановна Фёдорова в 1992–2012 гг. – учитель истории Новоюгинской средней общеобразовательной школы Каргасокского района Томской области.

РОДНОЙ И БЛИЗКИЙ ЧЕЛОВЕК

В. Н. МАКШЕЕВ для Нового Васюгана – личность значимая.

Для нас это не только известный томский писатель, отразивший в своих книгах историю и быт сибирской русской деревни, запечатлевший страшные годы репрессий, прочно вошедшие в историю страны и Нарымского края в 30-е годы. Для жителей села Новый Васюган – это родной и близкий по духу человек, оставивший здесь, в далёком Васюганье, частичку себя. На кладбище репрессированных, где теперь располагается памятник спецпереселенцам, покоится прах его матери и сестры, умерших от голода в Новом Васюгане в 1942 году.

В сентябре 2010 года В. Н. Макшеев приезжал в село Новый Васюган с экспедицией эстонцев. В Нововасюганской школе состоялась встреча писателя с учащимися и педагогами, жителями села, была проведена литературная гостиная, посвящённая памяти репрессированных. С этого времени началось активное сотрудничество с В. Н. Макшеевым.

В декабре 2011 года по инициативе писателя был создан Благотворительный фонд имени Светланы Макшеевой, младшей сестры Вадима Николаевича. Этот Фонд существует до сих пор, а книги, подобранные писателем, не обходят стороной читатели.

А с 2012 года в Нововасюганской школе стали проводиться Макшеевские чтения. И толчком к этому мероприятию послужила та первая незабываемая встреча. Её никак нельзя назвать формальным мероприятием. Вадим Николаевич рассказывал о себе и своём творчестве, отвечал на вопросы, подарил свои книги. Между ним и детьми, педагогами завязалась переписка. Надежда Герасимова, в 2010 году ученица Нововасюганской школы, так вспоминает эту встречу: «С этим удивительно простым человеком хотелось говорить, не останавливаясь. Непривычно было услышать от него фразу, когда я подошла с просьбой подписать книгу: «У Вас удивительно красивые глаза». Он был добр и внимателен. Расспросил меня о жизни и моих интересах и стремлениях. Наше общение продолжалось и после его отъезда. Уже из Томска он прислал мне письмо и книгу с автографом. За эти годы не раз перечитывала его книги, а сейчас читаем их с сыном. Я рассказываю ему о встрече с писателем и читаю ему письма человека, который научил меня верить в добро и прощать обиды».

Для нас переписка с В. Н. Макшеевым бесценна. В своих письмах он делится не только личными воспоминаниями, но и своей жизненной мудростью.

«Отец и мать были прежде всего родителями, вместе с которыми мы переживали наши детские радости и заботы, в которых видели опору и защиту, которых считали самыми сильными и всемогущими. Это как у всех детей... Вместе с тем, с позиции прожитых лет, я позволю выделить некоторые особенности, которые господствовали в нашей семье и, безусловно, оказывали влияние на формирование нашего мировоззрения.

Дело в том, что в условиях эмигрантской жизни наши родители отдавали предпочтение всему русскому. Это проявлялось в быту, в православии, в

праздниках, в выборе знакомых, в подборке книг, в посещении кино, в уважении русских военных традиций, русской военной формы и так далее. Конечно, всё это, несмотря на очень малое время, отпущенное нам для совместного общения в семье, явилось стержнем нашего воспитания.

Общим для родителей, как и для большинства эмигрантов того времени, была тоска по Родине, по России, в которой они выросли и которую беззаветно любили.

И когда в 1939 году нужно было сделать выбор, уезжать в Германию или нет, их выбор оказался единодушным и однозначным – в пользу России. Мало того, в форме, которая отразила невозможность изменить своё решение в последующее время. В Эстонии при плановой зачистке с нами обошлись так, как обошлись. Вины родителей там нет». (Из письма В. Н. Макшеева)

В одном из ответных писем В. Н. Макшееву учитель, директор нашей школы Валентина Павловна Егорова писала: «Любовь, страдание и сострадание – это то, на чём держится душа человека. И всё это есть в Ваших книгах. И эти строки я посвящаю Вам.

*Поэт в России больше, чем поэт.
А Вы – писатель – больше, чем писатель.
Желаю много долгих, добрых лет,
И пусть любовью дарит Вас читатель.*

*Вы учите добру и красоте,
Любви и мудрости, надежде и терпению.
И в этот день примите от меня
Слова участия, любви и уваженья.*

*Пусть в прошлом всё, и пусть бегут года.
Вам есть что вспомнить, есть Вам чем гордиться.
А мы Вас любим, помним, и всегда
У Вас мы будем счастию учиться».*

Книги, воспоминания, встречи и переписка с Вадимом Николаевичем – всё это позволило педагогам нашей школы разработать программу Макшеевских чтений начиная с 5-го по 11 класс. В последние годы к участию в эти чтения стали привлекаться и 4-е классы. И если в 4–8 классах формой проведения стали чтение и обсуждение прочитанных книг, обзоры, выставки, то в старших классах – это совместные мероприятия, где принимают участие и жители посёлка. Формы работы разные: уроки-экскурсии, литературные гостиные, театральные постановки, конференции и викторины. Интерес ребят и жителей к этим мероприятиям огромен.

По предложению учителя истории, руководителя проекта «Прощение и память» В. М. Зарубиной нами был подготовлен сборник, в котором были собраны все материалы: сценарии уроков и поселковых мероприятий, а также работы учащихся, иллюстрирующие результат проведения Макшеевских чтений. Хочется отметить, что в районе и, наверное, в области мы единственная

школа, которая на протяжении 15 лет проводит такую работу. Педагоги нашей школы щедро делятся опытом проведения Макшеевских чтений, выступают на заседаниях районных методических объединений. В школьном музее бережно хранятся все письма и материалы, присланные Вадимом Николаевичем.

Сегодня его нет с нами. Но мы продолжаем начатую работу, расширяя её знакомством не только с творчеством В. Н. Макшеева, но и с творчеством других томских писателей. Благодаря Г. К. Скарлыгину и В. М. Крюкову наши ребята приняли участие в литературной конференции в рамках проекта «Путь памяти», проводимой областным отделением Союза писателей России. И мы очень надеемся, что эта ниточка, протянутая Вадимом Николаевичем, не оборвётся.

Надежда ТАРНОВСКАЯ

Елена СТАНКЕВИЧ

Надежда Анатольевна Тарновская, Елена Александровна Станкевич
– учителя русского языка и литературы Нововасюганской средней школы Каргасокского района Томской области.

ДВА КРЕСТА – ЧЕТЫРЕ СУДЬБЫ

*Мы их все, уцелевшие, знаем,
И забыть, и увидеть боясь,
По ночам в сновиденьях встречаем,
И крепка наша горькая связь.
Мы дрожим от стыда и смятенья,
Но напрасен, не нужен испуг.
Величавы и кротки движенья
Побледневших протянутых рук.
Ни укора в глазах, ни тревоги,
Смотрят нежно, о чём-то моля...
Так прощают почившие в Боге
Тех, к кому благосклонна земля.*

Мария Карамзина

17 мая 2017 года исполнилось 75 лет со дня смерти Марии Владимировны Карамзиной, похороненной на кладбище репрессированных в с. Новый Васюган, где в 1996 году был установлен мемориальный памятник жертвам сталинских репрессий.

Знакомство жителей села Новый Васюган с историей жизни и судьбы М. В. Карамзиной начинается отсчёт с 1994 года, когда бывшая жительница села Валентина Васильевна Ерилина передала в школу газетную вырезку из статьи В. Н. Макшеева «Такая страшная нежность и жалость» («Красное знамя», 7 сентября 1994 года, № 235–236).

В 2002 году Нововасюганская телестудия сняла фильм «Мы не увидимся с тобой», посвящённый судьбе и творчеству М. В. Карамзиной и приуроченный к 60-летию со дня её смерти. В 2003 году вышел сборник В. Н. Макшеева «Последнее перепахать» с одноимённым очерком о Марии Владимировне и её судьбе. Очерк этот был также напечатан в книге В. Н. Макшеева «Я встретил Вас...» (Томск, 2008 г.).

В марте 2012 года Вадим Николаевич Макшеев обратился в Нововасюганскую сельскую администрацию с просьбой установить памятный крест на предполагаемом месте захоронения М. В. Карамзиной на кладбище репрессированных. Вот выдержка из этого письма.

«На окраине села Новый Васюган на уцелевшем участке старого кладбища покоится поэтесса Мария Владимировна Карамзина, писавшая прекрасные стихи и одновременно занимавшаяся изобразительным искусством.

Родилась она в 1900 году в Петербурге, там прошла её юность, но после революции и гражданской войны вместе с родителями покинула Россию, некоторое время проживала в Чехословакии, а в 1927 году, будучи замужем, переехала в Эстонию. Её стихи были высоко оценены такими корифеями серебряного века, как И. А. Бунин и В. Ф. Ходасевич, с которыми она переписывалась, а с приезжавшим в 1938 году в Эстонию Буниным общалась лично, написав этюд о поездке с ним в поезде из Тарту. Прочитав этюд, Бунин написал ей из

Парижа: «Дорогая моя, я несколько раз прочитал Ваш этюд – и много бы дал за возможность поговорить с Вами о нём устно... Всё в нём прекрасно и бесконечно грустно... Целую Вашу руку. Ив. Б.». Классик мировой литературы, он дорожил дружбой с этой оригинальной, незаурядной и красивой женщиной. В Москве в архиве хранится 31 письмо Бунина Карамзиной, в которых он пишет не только о своём творчестве, но и о личной жизни.

В 1939 году в Нарве вышел первый и, к сожалению, единственный сборник стихотворений М. В. Карамзиной «Ковчег». Наступившие вскоре события в мире оборвали творчество, а затем и жизнь Марии Владимировны Карамзиной. В 2008-м году в Таллине сборник «Ковчег» был переиздан, в него вошли также письма Бунина к Карамзиной и воспоминания о ней.

Трагический перелом в жизни М. В. Карамзиной произошёл в марте 1941 года. Её муж, Василий Александрович Карамзин – правнук брата знаменитого историографа и писателя Н. М. Карамзина, был арестован органами НКВД и расстрелян, а Марию Владимировну вместе с двумя малолетними сыновьями во время массовых репрессий в Прибалтике 14-го июля 1941 года отправили на так называемое спецпоселение в Сибирь, а именно – в Васюганский район. 17 мая 1942 года Мария Владимировна скончалась от голода. Вместе с ней в одной могиле похоронен мальчик Коля (Николай) Паульсен, сын известного архитектора Николая Александровича Паульсена, который был в 1941 году арестован и погиб в концентрационном лагере на Северном Урале. Сын его, похороненный в одной могиле с Марией Владимировной, умер от голода 19-го мая 1942 года».

В 30-е годы Вадим Николаевич, проживавший вместе с родителями в Эстонии и будучи тогда ещё маленьким мальчиком, часто бывал в семье Гриммов (Иван Давидович Гримм – первый муж М. В. Карамзиной) и был знаком с её сыном Костей, впоследствии переехавшим в Австралию, похороненным на этой земле и так никогда и не узнавшем о судьбе матери.

«...Остались в памяти терпкие запахи ёлки, мешающиеся с ароматом тонких духов, исходивших от одетой в тёмно-фиолетовое платье хозяйки дома с восточными миндалевидными глазами, в которых словно затаилась улыбка леонардовской Моны Лизы», – так описывает свои детские впечатления о Марии Владимировне Карамзиной В. Н. Макшеев в своей статье «Такая страшная нежность и жалость».

Вадим Николаевич, будучи на спецпоселении в посёлке Волково, а затем в Новом Васюгане, был дружен также с сыном Карамзиной Александром, пережившим вместе с матерью страшные годы ссылки и трагически ушедшим из жизни уже в наше время.

Младший сын Марии Владимировны Михаил Карамзин ныне проживает в Санкт-Петербурге.

В школьном музее хранится письмо Михаила Васильевича Карамзина, присланное в Нововасюганскую среднюю школу 1 февраля 2013 года. Описывая жизнь семьи Карамзиных, М. Карамзин отмечает некоторые её особенности, ставшие стержнем в воспитании детей: «...в условиях эмигрантской жизни наши родители отдавали предпочтение всему русскому. Это проявлялось в быту, в православии, в праздниках, в выборе знакомых, в подборе книг,

в посещении кино, в уважении русских военных традиций, русской военной формы и т. д.». Михаил Карамзин говорит также о том, что «к новой России, настигнутой идеологией, но реально восстановившей статус великой державы, у них был живой интерес, они стремились познать её».

31 мая 2012 года на кладбище репрессированных в Новом Васюгане был установлен памятный крест М. В. Карамзиной и Николаю Паульсену с табличкой, специально присланной В. М. Макшеевым для этого креста. Крест сооружался при содействии Нововасюганской сельской администрации и при непосредственном участии главы администрации Нововасюганского сельского поселения А. Р. Кергандта.

1 июня 2012 года при участии представителей сельской администрации, работников Центра культуры, учащихся, педагогов и жителей Нового Васюгана состоялось открытие этого креста. Он располагается рядом с крестом, установленным ранее также по инициативе В. Н. Макшеева в память о его матери и сестре.

Ольга Фёдоровна Макшеева, Светлана Макшеева, Мария Владимировна Карамзина, Николай Паульсен...

Два креста – четыре судьбы, четыре безвинно погубленных жизни.

Невозможно сосчитать, сколько ещё на этом месте захоронено трагически ушедших из жизни спецпереселенцев, о страшной судьбе которых напоминает нам мемориальный памятник.

Пока живы те, кто знал и любил их; пока живы те, кто знает и рассказывает о них; куда не зачерствели наши души, будет жива наша память.

*Валентина ЕГОРОВА,
Надежда ТАРНОВСКАЯ*

**Валентина Павловна Егорова, Надежда Анатольевна Тарновская –
учителя русского языка и литературы Нововасюганской средней
общеобразовательной школы села Новый Васюган.**

Статья опубликована в сборнике «Актуальные вопросы гуманитарных наук: теория, методика, практика» Департамента образования города Москвы.

НЕИЗГЛАДИМАЯ ПАМЯТЬ

С произведениями Вадима Николаевича Макшеева я познакомилась в сельской библиотеке. Повести и рассказы «Чужие люди», «Последний парень», «...И видеть сны» были очень близки мне, выросшей на Васюгане, родившейся в Нововасюганской комендатуре. С героями его книг я была знакома, мы жили в одном посёлке, наши родители общались и дружили семьями. Вадим Николаевич не использовал псевдонимы, поэтому мы знали, о ком идёт речь в его произведениях. В повести «По Муромской дорожке» я прочитала о своих родственниках, это было потрясением для меня и моих родных...

В Маломуромке и Красноярке жила моя депортированная бабушка и её дети (по маминой родословной ветке). Из Нового Тевриза мы, учащиеся школы, выезжали в Маломуромку с концертами, посёлок был на грани исчезновения, нас всегда тепло встречали сельские жители, в основном пожилые и одинокие, доживавшие свой век.

С Вадимом Николаевичем судьба свела меня в 2008 году в Томске во время презентации гуманитарного проекта «Прощение и память». Я подобрала фотографии репрессированных, с которыми жили на Васюгане, учились в одной школе и из одного посёлка переезжали на новое место жительства. А прикреплены мы все были к Нововасюганской и Средневасюганской комендатуре. У нас было много общих знакомых. Уже после его выступления я подошла к Вадиму Николаевичу. Для меня, деревенской, это была первая в жизни встреча с мастером пера, с известным писателем. Приготовленные к встрече слова улетучились. Вадим Николаевич поразил своей простотой, спокойствием, и в то же время он мне показался печальным и уставшим. Я понимала, что встреча с земляками всколыхнула в сердце память о годах, проведённых под комендатурой (теперь уже в Каргасокском районе, в 1959-м Васюганский район вошёл в состав Каргасокского).

Только через год мы встретились в Томске – 30 октября в день памяти жертв политических репрессий. Мы приезжали в город с презентацией своего проекта и постепенно сблизились с Вадимом Николаевичем настолько, что с В. М. Зарубиной и Т. И. Фёдоровой стали бывать у него в гостях. Наши тёплые встречи заканчивались, естественно, чаепитием с бальзамом из Эстонии. Домашняя, уютная обстановка располагала к воспоминаниям о годах, проведённых в депортации как семьёй Макшеева, так и нашими семьями. Мы трое были из семей репрессированных, нам было что и кого вспомнить, встречи наши трогательные, проникновенные до глубины души оставили неизгладимую память...

В 2016 году у Макшеевых дома, в кругу близких друзей, мы отмечали юбилей Вадима Николаевича, много тёплых слов было сказано о юбиларе. Такая невидимая ниточка связывала нас, выживших на Васюгане, за нами идут наши дети и внуки, и через них эту связь мы стараемся сохранить. Пока не иссякнет Васюган, историю сталинских репрессий наши потомки будут изучать по произведениям наших васюганских писателей: Вадима Николаевича Макшеева, Вениамина Анисимовича Колыхалова, Валентина Михайловича Решетько...

...Последняя наша встреча состоялась 2 ноября 2018 года. Я уезжала на два месяца в Калифорнию, и мне хотелось с Вадимом Николаевичем пообщаться. Я договорилась с ним о встрече, он себя плохо чувствовал, но от встречи не отказался. Ольга Вадимовна меня предупреждала о плохом самочувствии Вадима Николаевича, а я настойчиво добивалась встречи. И теперь мне было очень стыдно, что я своим визитом побеспокоила Вадима Николаевича. Мы вспоминали о том, что люди разных конфессий, национальностей, традиций и языков очень быстро освоились на Васюгане, обрели новых друзей. Языковой барьер не препятствовал созданию смешанных браков, одной компанией отмечали все праздники, помогали друг другу и – выжили!

Теперь я порывалась уйти, а Вадим Николаевич всё время просил ещё побыть с ним, и мы разговаривали, и пили на кухне чай...

Время было позднее, мы распрощались. Обнимая его, почувствовала, как меня обожгло недоброе предчувствие.

Вернулась в Томск в январе 2019 года. 7 февраля этого года ушёл из жизни НАШ Вадим Николаевич Макшеев, оставив неизбежную память о себе...

Севилле КЕРЕДЖИ

Севилле Руштыевна Кереджи – ныне младший научный сотрудник и экскурсовод музея «Следственная тюрьма НКВД» г. Томска, а в прошлом учитель истории Мыльджинской школы имени Ляшенко Каргасокского района Томской области. Севилле Руштыевна – один из авторов гуманитарного проекта «Прощение и память» Каргасокского района Томской области в 2006–2008 годах.

Владимир ВАСИЛИНЕНКО

КАК ЧАСТЬ САМОЙ ПРИРОДЫ

* * *

Веру чудом не пресытишь,
А скорей – наоборот.
Кто не знает город Китеж
Посреди озёрных вод?

Город славный. Город чудный.
Спят давно его творцы.
Не стояли в нём лачуги –
Только храмы и дворцы.

Город дивный. Город древний
Тайной силой обладал.
Ни одной вокруг деревни –
Только стены и вода...

Пробегал ли зверь рысучий,
Путник страждущий бродил –
В глубине лесов дремучих
Светлый образ находил.

Незаметно и случайно,
Как награда за труды,
Открывался взору тайно
Город в зеркале воды...

Красотой дворцов блистая,
Поражал всех наповал.
Показался и... растаял.
Будто вовсе не бывал.

Кто увидит – не поверит,
Не игра ли облаков?
А волна несёт на берег
Пену лёгкую веков...

* * *

Река кипела. Шевелилась.
Играла, как живая плоть...
И в берега упрямо билась,
Пытаясь камень расколоть...

Кого в волнах упругих носит
Слепой стихии вопреки?
К истокам движутся лососи,
Здрав крутые плавники...

Мерцая глазом воспалённым,
Ощерив вогнутую пасть,
Они спешат на отдалённый,
На ключ затерянный попасть...

Туда, где крохотной икринкой
Однажды выбрались на свет...
И в тишине, без слёз и криков,
Хотят любить и умереть...

* * *

Стоял наш катер на ремонте.
В борту пробоину латал.
И вдруг – почти на горизонте –
Забил искрящийся фонтан...

– Ах, чтоб тебя! Совсем некстати! –
Наш капитан переживал.
Резвился малый полосатик,
И нас от дела оторвал.

Вмиг побросав болты и гайки,
Откинув ветоши запас,
Мы все у рубки сбились стайкой,
Не отводя от моря глаз...

Неужто это не причина?
Спокойно тут не устоишь –
Плескался кит в морской пучине,
Как в ванне плещется малыш!

Вдруг затихал. Дышал натужно.
Хвостом раздвоенным мелькал.
Вздыхался в воздух неуклюже
И с шумом воду рассекал...

Брызг водопад. И туча пены.
И грохот пушечной пальбы...
Он так летал самозабвенно,
Как звук ликующей трубы...

* * *

Храмик тот индийский –
Вовсе не дворец.
Крохотный и низкий –
Вылитый ларец.

На его фасаде
Жизнь кипит ключом:
Боги – в тонких сари
И к плечу плечом...

Голые по пояс
И в улыбке рот,
Чтоб не беспокоясь,
Шёл туда народ.

Сам трёхликий Вишну
Трижды рассмешит,
Что бы там не вышло –
Надо жить и жить!

Шестирукий Шива
Усмиряет нрав:
Жизнь полна ошибок –
Не ленись, исправь!

А Ганеш сметливый,
С головой слона,
Подмигнёт игриво –
Жизнь грехов полна!

Царь же обезьяний,
Хитрый Хануман,

Усмехнувшись, глянет –
Жизнь – сплошной обман!..

* * *

Под сводом даосского храма,
Где шум не смолкает и гам,
Народ собирался упрямый
Своим поклониться богам.

Дородным, с упитанным брюхом,
Одежда на них разошлась...
С улыбкой от уха до уха
И щёлками спрятанных глаз...

Неужто косые уродцы –
Любимцы своих прихожан?
Откуда же святость берётся?
И кто её больше стяжал?..

А может – лукавый и сытый –
Другим помогает скорей?
Внимая смиренным молитвам,
От щедрости дарит своей?!.

Людская известна природа.
А боги? Кто их разберёт?..
Пылает жаровня у входа.
Лоснится огромный живот...

* * *

Вслед за казачьей ватагой
Мы шли упрямо на восток.
Упорством, силой и отвагой
Нам хвастать было невдомёк.

Был путь извилист. Долог. Мрачен.
И не сулил несметных благ.
Потери. Горе. Неудачи
Тут отмечали каждый шаг.

Глухая, брошенная местность.
Синеют сопки вдалеке.

И поджидает неизвестность
В любом таёжном уголке...

Лихой задор она остудит.
Ты только знай маши веслом.
Ведь если здесь бывают люди,
То ограниченным числом.

Они не жаждут доброхотов,
Что свысока на них глядят –
Живут рыбалкой и охотой,
Но живность всякую щадят...

Как существа иной породы –
Чужда нажива им и власть.
Они – как часть самой природы,
Её достойнейшая часть...

* * *

Приди ко мне не от нужды,
Унынья, скуки, праздности,
Тревоги, горя и беды –
Приди ко мне от радости.

Не умолять, не упрекать,
Не сокрушаться в тщетности...
Я буду ждать тебя века –
Приди ко мне от щедрости.

Сквозь мрак, грозу, пургу, туман,
Запреты и опасности,
Презрев соблазны и обман –
Приди ко мне от ясности...

Изведав тысячи дорог,
Уверься в неизбежности:
Они упрутся в мой порог –
Приди ко мне от нежности!

Сергей Борисенко

СТУЛЬЯ НА ПРОДАЖУ

– Всё! С завтрашнего дня я в отпуске! – громко, чтобы все слышали, объявил Владимир Васильевич.

Такому наглому заявлению не удивился и не возмутился даже директор. Он только ответил ему:

– Васильич, ты только не завтра, а с понедельника уходи в отпуск. А завтра-послезавтра я дам команду, и тебе начислят отпускные и премию. Так что пару деньков повремени.

Владимир Васильевич Пахомов имел полное основание вести себя столь вызывающе, даже при высоком руководстве. Наследство он получил от строителей – хуже не бывает: фундамент залит не по проекту, анкера заложены неправильно... А ведь ему предстояло монтировать производственное оборудование. Его на «колхозном поле», как оценил работу строителей начальник монтажного участка, не установишь. Пришлось со строителями ругаться, заставлять переделывать большие участки, перемонтировать анкера в соответствии с проектом. Пока все недостатки устранили, на монтаж оборудования времени почти не осталось. Но он посчитал для себя делом чести уложиться в сроки. Вот и досталась ему и всей его бригаде авральная работа. Парни поддержали своего старшего. Работали, не считаясь со временем, по двенадцать-четырнадцать часов в сутки, без выходных, забыли о праздниках. Но в срок уложились! Когда перерезали красную ленточку и загудела станками производственная линия, Пахомов чувствовал себя настоящим именинником. Да и руководство работу его монтажников без внимания не оставило, парней премировали от всей души.

– Ну, теперь извините, я ухожу в отпуск, – заявил Владимир Васильевич. И, несмотря на то, что на дворе наступал октябрь, рванул в Анапу.

О благословенный Юг! Это вам не начало октября в Сибири, где периодически идёт снежок и каждый день может остаться окончательным, до весны. Здесь продолжается лето, отличное для коренного сибиряка лето: каждый день не ниже двадцати тепла, зато нет пекла и духоты. Море ещё позволяет пользоваться нежностью воды, поскольку остывает медленнее воздуха. Деревья и кустарники, даже экзотические, ещё зелены и полны сил, цветники, как ни в чём ни бывало, ещё благоухают под нежным солнечным теплом...

Натоптанной тропой Пахомов шёл к излюбленному месту на пляже и вдруг впервые за всё время, что здесь ходил, обратил внимание на пожилого, не очень ухоженного мужчину. Он весь выглядел выходцем из двадцатых-тридцатых годов прошлого столетия: чёрный несвежий костюм со слегка проглядываемой полоской, под пиджак надето что-то белое – у Пахомова возникло сомнение, что это рубашка, поскольку рукава рубашки из-под рука-

вов пиджака не выглядывали. На голове сидела мелкая шляпа типа канотье с узенькой чёрной ленточкой на тулье, физиономия была покрыта щетиной, а самое интересное, что щетина изо дня в день совсем не менялась. «Паниковский, ну вылитый Паниковский из «Золотого телёнка!» – определил для себя Пахомов.

На первый взгляд Васильич оценил мужика как бывшего интеллигентного человека, БИЧа по-нашему, по-северному. Не стоит внимания. Однако внимание он всё же чем-то привлекал. Периодически около него собиралось до десятка любопытных, что-то с интересом рассматривавших, обсуждавших, а потом неспешно расходившихся.

Любопытство взяло верх. Когда никого не было рядом, подошёл к мужику и Пахомов.

Он ожидал увидеть самодельные порнографические карты или засаленные иностранные журналы на ту же тему, возможно, самопальные звукозаписи шансона – мало ли чем промышляют на пляже. Однако того, что увидел, никак не ожидал! Рядом со складным рыбацким стульчиком, на котором сидел незнакомец, стоял маленький складной столик, а на нём красовалось рукотворное чудо: совсем миниатюрный, вырезанный из жестяной пивной банки изящный стульчик. Владимир обомлел. Он, конечно, слышал о людях, которые этим ремеслом занимаются, и даже в какой-то телепрограмме видел нечто подобное, но чтобы живьём, да ещё в Анапе, на пляже!

Пахомов не замечал, как летят минуты, очарованно созерцал волшебство. В чувство привёл голос сидящего:

– Ну что, мужик, пучишь глаза без толку? Брать-то будешь мебель?

– А? А, да! Сколько стоит твой стульчик?

– Цена у меня твёрдая, триста рублей!

– Я бы сказал, жёсткая, как «десять стульев из дворца». За двести хотя бы продай.

– Нет, я говорю, цена твёрдая, давно установленная. Не хочешь – не бери.

– Да хочу я, только дорого мне!

– А дорого – не стой, не загораживай товар от покупателей...

Отпускник пошёл на пляж.

Он плавал в море, наслаждался отдыхом, а ещё тем, что в это время, когда и «бархатный сезон» уже фактически завершён, отдыхающего народу очень мало. Можно отойти в кафе и перекусить лёгкой едой прямо здесь, на пляже, почти без очереди купить себе бутылочку пива, рожок с мороженым, в конце концов, обмыться в душе после морского купания. И всё это свободно, без давок и очередей! «Вот, оказывается, когда надо ездить отдыхать на Юг! Теперь в другое время не поеду», – думал он.

В хорошем расположении духа возвращался в свой пансионат, мысли плыли лёгкие, отпускные.

– Эй, мужик! – услышал хрипловатый оклик.

Оказывается, он проходил мимо торговца стульями, того самого.

– Мужик! Так и быть, бери стульчик за двести, согласен!

То ли торговля сегодня не задалась, а деньги нужны, то ли сжалился-таки над отпускником продавец, только досталась изящная мебель Пахомову с высоким дисконтом.

Владимир Васильевич моментально расплатился и, счастливый, направился в свой гостиничный номер, весь вечер очень внимательно рассматривал покупку. «Ну до чего же тонко и изящно всё сделано! – восхищался он. – Прямо ювелирная работа! Вот бы мне так научиться делать! Пожалуй, нужно иметь руки, особым образом устроенные.

А каким это «особым», спрашивается? Взять, к примеру, этого мужика. Утром просыпается – руки явно трясутся с похмелья, голова ничего не сообщает. Вот он тащится в магазин, покупает банку пива, чтобы здоровье поправить, а потом из этой же банки вырезает стульчик, идёт на пляж, продаёт, и всё возвращается «на круги своя». А у меня голова светлая, в смысле я не алкаш, руки, соответственно, не трясутся, и в мою пользу, что я разбираюсь в конструкциях. Всё-таки по образованию технолог-монтажник производственного оборудования, да и производственный опыт очень не маленький. Дома разберусь!»

Дома жена его восторга не оценила.

– Нашёл куда потратить деньги! Двести рублей отпускных на какой-то игрушечный стульчик – да лучше бы ты домой купил четыре новых стула. Так нет, не допросишься! Какую-то дрянь с помойки приволок, да ещё за такие деньги! Видеть не могу этот стул и тебя вместе с ним!..

Владимир Васильевич скандалить не любил и не хотел, поэтому спокойно оделся, забрал с собой свой сувенир и отправился в гараж. Он был недалеко от дома, капитальный, а стало быть, всё там сделано, как у хорошего хозяина. Чистота и порядок, нигде ничего не валяется, есть рабочий верстак – хорошо оборудованное слесарное место, множество разного инструмента. А главное, имеется отопление. Всё свободное время он проводил в гараже.

Осторожно и аккуратно, по деталям, он разобрал купленный стульчик, каждую детальку старательно промерил, зарисовал и пронумеровал. Кропотливой работы ему хватило на три месяца. По окончании этого срока Владимир легко собирал и разбираал чудо ручного творчества. Он мог довести это до автоматизма, вот только стремился совсем к другому. Очень хотелось изготовить такую вещь самому.

Постепенно, деталь за деталью, он вырезал новый комплект на второй стульчик. В итоге к концу холодного сезона в гараже уже стоял второй стульчик его собственного изготовления.

На лето работа прервалась. Была, как обычно, плотная занятость на производстве, «пахота» на даче. Однако в голове конструктора зрели идеи на всю зиму. И зимой Владимир сконструировал и изготовил уже два кресла, а к имеющимся двум стульям и двум креслам посчитал просто необходимым изготовить миниатюрный столик.

После этого он рискнул показать «гарнитур» жене. Он ожидал какой угодно реакции – только не детского восторга.

И куда девалась её обида за потраченные двести рублей! Почти не дыша,

супруга приняла из его рук стульчики, кресла, столик и расставила на самом видном месте в квартире, чтобы каждый гость первым делом мог их увидеть. А что нужно начинающему художнику? Признание – у собственной жены, близких, друзей.

Друзья и соседи зачастили к ним в гости. Ходили часто, просто как на экскурсию в художественный музей. Автору это внимание было приятно, только вот в музее экспонатов больше. И это стало мучить художника.

К новой зиме появились новые идеи. Вначале они воплотились в расчётах и чертежах, а уже затем...

К весне он вынес на суд свои новые изделия: бюро в стиле ампир, шкатулку в стиле русских краснодеревщиков, настольный светильник, канделябр, вазу для фруктов, плафоны для люстры и настольную медаль для жены в честь юбилея совместной семейной жизни. Эта медаль окончательно расположила к нему супругу. Уж очень ей хотелось похвастаться – даже не умелыми руками мужа, а именно медалью, какой больше нет ни у одной женщины в мире. Сам же автор довольствовался снимками своих поделок, запечатлёнными в памяти смартфона.

Однако напряжённая жизнь на производстве и дачном участке вылезли ему боком, обострились старые болезни. После излечения врачи посоветовали продолжить восстановление у моря, и Владимир Васильевич вспомнил, как отдыхал в Анапе в постбархатный сезон. «Поеду, точно поеду туда же, да и время сейчас именно такое: ни жары, ни толчеи, – решил он. – Спокойный отдых – то, что мне надо!»

И поехал – в тот же самый пансионат, только на сей раз с женой.

И первый же выход на пляж принёс неожиданный сюрприз. У самого начала пляжа на невысоком раскладном стульчике сидел человек, застывший во времени: тот же костюм, канотье, белая рубашка без выглядывающих рукавов, недельная щетина на физиономии... Только сама физиономия ещё больше осунулась, углубились морщины. Зато стоявший перед ним складной столик был всё тот же, и на нём – всё тот же малюсенький стульчик из металлической пивной банки.

– Добрый день! – громко поздоровался Владимир Васильевич.

– И вам не хворать!

Пахомов взял в руки стульчик и осмотрел его опытным взглядом.

– За столько лет ничего не изменилось, – сказал он всё так же громко.

– За сколько?

– Да лет за семь.

– За семь лет многое изменилось: страна изменилась, приезжающие изменились.

– Вот только ты всё тот же и всё так же одет, и торгуешь одним и тем же стульчиком. Почём продаёшь?

– Пятьсот рублей.

– Да, и цена изменилась. Раньше за триста продавал.

– Знаешь? Стало быть, мы с тобой встречались уже здесь?

– Встречались. А ты меня не помнишь?

Продавец пригляделся не очень внимательно.

– Да много вас мимо проходит, разве всех упомнишь?

– А ты вспомни, кому продал свой стульчик не за триста, а за двести рублей... Ну, напряги память!

В лице «Паниковского» появилось некоторое напряжение и движение мысли.

– А... Было дело, точно, лет семь назад. Ну и что из этого?

– А вот, смотри, – и Владимир Васильевич открыл в смартфоне галерею со снимками своих поделок, показал собеседнику. Тот моментально сошёл с лица, настроение его испортилось, в голосе зазвучали жёсткие нотки.

– Слушай, мужик, ты где живёшь?

– А зачем тебе мой адрес?

– Где живёшь, я тебя спрашиваю?

Пахомов заулыбался.

– А! Вот оно в чём дело! Да ты не волнуйся, живу далеко, в Сибири, и тебе конкурентом на твоём пляже не буду. Торгуй спокойно. Мне просто хотелось тебе показать, как ты меня этим заразил, на какие идеи натолкнул. Сейчас это моё любимое хобби. Всю зиму мастерю поделки у себя в гараже и, кстати, не продаю.

– Не конкурент... – успокоился «Паниковский». Волнение его прошло, голос смягчился.

– Ну-ка, дай, я ещё рассмотрю твои изделия.

– Пожалуйста, – Пахомов снова протянул смартфон.

– Да! Ты меня превзошёл, и здорово превзошёл! Молодец!

– Ученик обязан превзойти своего учителя, – гордо вставила умную фразу жена.

ФЕРАПОНТ, ДОРМИДОНТ, НИКИФОР И ДРУГИЕ

– Да вы не поверите мне, из-за чего я сюда попал. Это же уму непостижимо! В доказательство у меня ещё и отметина осталась, правда, на таком месте, что даже мужикам стыдно показывать. А всё из-за них, из-за гусей! Пока моя не захотела завести гусей в хозяйстве, я и представить не мог, что они такие твари!

– А ты что, в детстве в деревнях не бывал, в гости к дедам не ездил на лето?

– Да ездил я, ездил. Но там были гуси как гуси. Ну, проходишь мимо, они шипят, бывало, и погонятся за нами, мальчишками. Пнём их под мягкую гузку, и им хватает, чтобы отстать. А тут жена завела себе отраду...

Я никогда не интересовался породами гусей, были для меня одни серые, другие белые, как в детской песенке – и вся разница. А моя завела какую-то породу, и где только нашла! Когда выросли до взрослого состояния, то с вытянутой шеей стали почти с меня ростом! Жена их всех по именам называет, они откликаются. Да имена такие, что непонятно, где она их выискала: Прохор,

Ферапонт, Дормидонт, Никифор, Августин... Я их вообще не различаю, а она сразу безошибочно скажет имя.

А главное, я никогда не думал, что они территорию охраняют не хуже собаки. Да что там – лучше! У них слух собачьему не уступает, а нюх такой, что собака в вольере дрыхнет, а эти несутся во всю прыть к забору, когда чужак приближается, гогочут так, что мёртвого поднимут. А, если одновременно с собакой бросились, то помогают себе крыльями и прибегают раньше собаки.

– Так ведь это замечательно!

– Я бы с тобой согласился, если бы они только на чужих так кидались. Они же и мне проходу не дают! С женой рядом иду – молчат, только пошёл по двору в одиночку – вся стая на меня кидается. Уж им пинков от меня доставалось – не счесть. Один особенно любит на меня охотиться, кажется, Никифор.

Вот и в тот раз так же случилось.

Мы с женой собирались на работу уезжать. Работаем в разных местах, по времени никогда не стыкуемся, поэтому ездим каждый на своей машине. Просто получилось, что случайно вышли из дому вместе, включили машины на прогрев. К благоверной моей, как заведено, прибежала вся гусиная стая, я у своей машины в одиночестве просматриваю документы, с которыми надо ехать по делам, вспоминаю, не забыл ли чего нужного.

Вдруг порыв ветерка вырывает у меня из рук документ, проносит недалеко, опускает в траву. Я не ожидаю никакого подвоха, наклоняюсь за документом, а тут меня сзади, да не просто сзади, а прямо в причинное место щиплет гусак. Да больно, как пассатижами!

Был бы на его месте мужик, я бы ему сразу по физиономии врезал, но это ж птица! Однако птица тоже не дурная. Она сразу поняла, что мне больно, и сейчас ей за это обломится, и рванула наутёк. С желанием отомстить за свои страдания и поруганную мужскую честь я хватаю первую попавшуюся под руку палку и бегом за гусак, поливаю его заслуженными ругательствами.

Пробегаю всего метров двадцать и вдруг падаю лицом вниз. Дальше всё... ничего не помню. А нет, вру. Помню, как сквозь небытие, чей-то незнакомый голос: «Василий, ты там посмотри, живой мужик или уже нет. А то, может, его сразу в морг, а не в клиники везти...».

Очнулся в реанимации. Немного поташнивает, пить хочется. А надо мной склонилось лицо врача, улыбается и говорит: «Вот и замечательно, вот и пришёл в себя. Значит, ещё поживёшь. Всё нормально, парень, самое неприятное для тебя уже прошло. Теперь быстренько на поправку пойдёшь».

После уже мне жена так рассказала. Погнался я за гусем и вдруг упал. Она быстро сообразила, что со мной плохо, позвонила в «Скорую», а сама меня в свою машину запихнула и поехала навстречу медикам. Где-то на полпути они встретились и уже на «Скорой» доставили меня в кардиологию.

Оказывается, у меня оторвался тромб. Здесь его моментом удалили, уж не знаю этих технологий – говорят, отсосали. Это случилось, когда я, разъярённый, погнался за гусем. И если бы не оказалось рядом жены, то аккурат сегодня по мне бы отметили девять дней. Короче, гусь, сволочь, во всём виноват! Вот выпишусь домой, жарю гада и под самогоночку пушу его. Будет знать, как на хозяина нападать!..

Когда, разгорячённый и возбуждённый, Борис закончил своё повествование, лицо его покраснелось от справедливого гнева. Во время рассказа соседи по палате и ахали, и смеялись, а после наступила тишина. Все затихли.

– Послушай, Борис, – наконец, подал голос один из слушателей, – а ведь ты не прав. На мою оценку, так ты должен поставить этого гуся на божничку и молиться на него, как на своего спасителя. А ещё лучше закажи скульптору, чтобы он гуся изваял, установи у себя во дворе и надпиши: «Мартин». Помнишь, есть мультик про путешествие Нильса с дикими гусями? Там гусь Мартин постоянно спасал маленького мальчишку.

– Это за что ещё ему честь такая?

– А вот не щипнул бы он тебя за это самое место, не погнался бы ты за ним, а спокойно поехал на работу. А по пути случись такое с твоим тромбом... Жены рядом нет, никто тебя не видит и не знает причину, почему вдруг твоя машина съехала в кювет и уткнулась в берёзу. Пока сориентируются, пока вызовут «Скорую»... Вот и был бы сегодня твой девятый день.

Вновь наступило молчание. Потом рассказчик подал голос:

– Слушай, а ты прав! Получается, ведь спас он меня. Только Мартином его уже не назовёшь. У него имеется имя... Никифор, кажется. Узнаю у жены точно.

Елена Сидоренко

ИСТОРИИ ОТ ПАЛЫЧА

(Продолжение. Начало см. № 3, 2024)

СКИТАНИЯ ПО УГЛАМ

Николай Палыч немного помолчал, вспоминая, а затем продолжил своё повествование:

– Снимали мы угол в одной избе на Черемошниках. Хозяйка с пятью детьми. Работала у них только старшая дочка – на железной дороге. На её деньги семья и жила, ну и с нас, жильцов, плату брали. Одна комната и две кровати было. На одной хозяйка спала с дочкой. На другой – моя мама с сестрёнкой Наташей. А все остальные ребятишки, в том числе и я, спали на полу вповалку. Когда холодно было, особенно поутру, печка уже остыла и горница выстудилась, прижмёмся друг к другу – и хорошо так, тепло. У всех вши были. Вечерами вычёсывали гребешком и сжигали в печке...

А сестрёнка моя Наташа в три года умерла от менингита. Заболела, и её забрали в больницу. Но не спасли. Мама после этого курить стала. Так ей было легче. Но через полгода отказалась от этой пагубной привычки. А хозяйка сказала тогда, что видела сон накануне, что Наташа сидит за решёткой и протягивает оттуда ручки, будто помощи просит... И остались мы вдвоём с мамой одни на целом свете. Хозяйка тоже переживала. Привязалась она к малышке.

Но потом её дочь замуж вышла, привела мужа в дом, тесно стало, и нам отказали в жилье. Опять нашли семью и сняли другой угол. Несколько раз мы так переезжали с места на место. Долго так и жили, как цыгане.

Помню и ещё одну казённую комнатку в деревянном бараке на Черемошниках, которую мама получила от работы. Жили мы там, как и везде – на первом этаже. А мне всегда хотелось высоты. И я думал, что вот когда-нибудь я смогу обозревать окрестности и видеть с высоты, как живут другие люди. В том бараке в каждой комнатке была своя печка, ею обогревались и на ней же готовили еду. Печку топили кто чем, кто дровами, кто углем, у кого что было запасено в сарае. Весь наш двор по периметру занимали сараи, в которых хранились дрова и всякие разные старые вещи.

Тогда люди вещи не выбрасывали, каждая вещь должна была послужить и на второй, и на третий срок, прежде чем её отправляли в окончательное тряпье, которое тоже использовалось в хозяйстве. Одежда и обувь носились несколькими поколениями, из взрослых вещей выкраивали детские, рваные и обветшалые простыни и полотенца шли на пелёнки, а из голенищ старых валенок делали прочные подошвы для других валенок. Годами носились, а затем годами хранились телогрейки и старые драповые пальто с воротниками из цигейки. Их часто стелили вместо матрацев на кровати или даже на пол. Это было нормально. Так жило большинство. В бедности и в тесноте, но не в оби-

де... В Томске новое жильё до начала шестидесятых годов почти не возводилось, а семьи росли, было и много приезжих, эвакуированных вместе с заводами во время войны, а затем прижившихся на новом месте. Многих подселяли по постановлениям властей, другие сами искали возможности снять комнатку или хотя бы угол за занавеской...

Нас с мамой было всего двое, и мы не страдали от перенаселения. Но комнатка была такая маленькая, что я спал на сундуке, ноги высывались, и я подставлял под них стул, который часто падал по ночам, и я просыпался от этого звука. Но спартанские условия в детстве меня закалили. Я потом мог спать хоть где, даже на полу, подложив под голову кулак. И в армии мне моя неприхотливость и непритязательность очень даже пригодились.

Но однажды у нас с мамой всё-таки появился свой дом. Николай Палыч улыбнулся и начал рассказывать новую историю:

Только в 70-е годы мы с мамой накопили денег и купили наконец-то дом, вернее, полдома из двух комнат в районе второго Томска, на Старо-Деповской улице. Во второй половине жили две сестры – старые девы. Всю жизнь они подрабатывали тем, что нянчились с чужими детьми, которых им приводили на дом. Ну а потом, после их ухода друг за дружкой в мир иной, эта половина дома досталась новой семье. Семья состояла из деда, его взрослой дочери и внучки. Дед тот – Василий Петрович – высокий, статный – сразу положил глаз на мою маму. Предложил ей жить вместе. Нравилась моя мама многим – открытая, добрая и весёлая, на гитаре играла, романсы пела. Но мама отказалась. Хватит мне двух мужей, сказала.

Второй муж у неё появился, когда мне было лет восемнадцать, сразу перед армией. Мама моя вдруг сошлась с одним инвалидом. Сказала, что из жалости. Но я видел, что она счастлива... Иван Васильевич был младше мамы намного, лет на десять, наверное, и она говорила: – Ну, вот, теперь я знаю, как чувствовал себя твой отец, когда сошёлся со мной. Я для него была, как дочь, он всё время переживал за меня. Вот и своего второго мужа мама опекала, как будто второго сына. Приезжала и мать этого Ивана Васильевича из дальней деревни. Кажется, Авдотья Фёдоровна её звали. Она низко поклонилась моей маме за то, что за сына своего она теперь не беспокоится, он в хороших руках...

Надо сказать, что Иван Васильевич был человеком умным, он очень любил шахматы и даже выигрывал какие-то городские турниры. Ходил он всегда с палочкой, так как одна нога была короче другой на пять сантиметров. И он носил на этой ноге специальную обувь на высокой подошве. Мама всё делала по дому сама. Но от двора Иван Васильевич её ограждал. Руки у него были сильные. Он лихо колол дрова, складывал поленицы, любил мастерить что-нибудь во дворе.

Ни в первый, ни во второй раз отношения мама не регистрировала. Говорила, что не нужно всё это. И я носил всю жизнь фамилию мамы и деда: Смокотнин. А ведь мог быть Тихоновым, как отец.

Помню, как отец мечтал дать мне эту фамилию...

Николай Палыч снова улыбнулся и задумался.

– Как вы жили, спросила я, впервые задав ему вопрос. – Не осуждали маму?

– Нет, что ты! Конечно, нет, это её выбор... Разве можно осуждать родителей? Да и лучше мы жить стали при Иване Васильевиче. Он был молчаливый и спокойный. И он ведь работал. Была тогда такая фабрика в Томске, куда брали инвалидов. Она была открыта в историческом здании. До революции в нём было кондитерно-булочное производство купца польского происхождения Бронислава Бороздича. Знатные были конфеты и кулинарные изделия у него. Занимали даже золотые медали на разных выставках. В районе главпочтамта фабрика эта была – на переулке Татарском. И сам он там же и жил, при фабрике этой. На фабрике было современное оборудование, настоящая паровая машина, приводящая в действие все станки. А ещё Бронислав имел собственный сбыт: булочные и кондитерские.

После революции фабрику его, как водится, реквизировали, а хозяина арестовали. Томская ЧК приговорила его к заключению в концлагере «за спекуляцию и торговлю колчаковскими деньгами», но потом, правда, отпустили на свободу. И старожилы даже говорили, что в 1922 году, с введением нэпа, Бороздич попытался возродить производство, но ничего не получилось. Куда он потом делся, неизвестно, может, успел куда-то уехать, скрыться подальше от глаз большевиков, как делали тогда многие «бывшие». Кстати, мама моя в детстве лакомилась конфетами (именно так назывались тогда конфеты) фабрики «Бронислав и К^о», и даже собирала от них фантики. Говорила мне, что у неё в коллекции были фантики с гороскопами, азбукой, загадками и пословицами, и даже с таблицей умножения.

Здание фабрики на Татарском переулке (сейчас это улица Трифонова) уже снесено. Но в советское время ещё живо было. Там даже продолжилась кондитерская история здания. Был магазин от кондитерской фабрики «Красная звезда», и мы ходили туда за конфетами «Птичье молоко».

А вот дом, где Бороздич арендовал помещение под свой кондитерский магазин, до сих пор цел. Сейчас там аптека, как и до революции. Раньше она называлась «Вторая вольная аптека Ковнацкого». Вольная – это значит частная. И до сих пор здесь аптека, которой уже более 130 лет. Удивительное дело! Ведь здания-то купцами раньше строились как доходные. И до революции в этом доме на улице Магистратской (название от здания Магистрата неподалёку) были не только разные магазины, но и аптека.

Кстати, в этой аптеке работала приятельница моей мамы. Она рассказывала маме, что была в аптеке первой женщиной, в 1919 году поступила туда работать учеником аптекаря. А до революции там работали только мужчины. Работали тогда в две смены. С утра и до полуночи. Работа тяжёлая была, всё время на ногах, за день даже присесть не полагалось, да и не на чем было. Но, правда, кормили работников бесплатно. Первой смене полагался обед, а второй – ужин. Еда одинаковая каждый день, но сытная: щи и молочные пенки для всех желающих. В то время управляющим аптекой был Михаил Короневский. Кстати, сейчас в коридорчике этой аптеки номер 2 есть доска с портретами и фамилиями всех директоров, начиная с Короневского, которого потом советская власть обвинит почём зря и расстреляет в соответствии с порядками того времени.

После революции улицу Магистратскую, также в духе того времени, пе-

реименовали в улицу имени Розы Люксембург. Да и все переулки вокруг тоже получили новые, революционные названия. Но мама моя ещё помнила эти чудесные старые названия. Она рассказывала мне, что Совпартшкольный переулок когда-то был Приюто-Духовским, а переулок 1905 года носил название Хомяковский, современный Ванцетти назывался Русаковским переулком, а Красный был Прасоловским. Дореволюционный Серебренниковский переулок стал в советское время Сакко, а Белозерский переименован в Островского.

Николай Павлович вздохнул и добавил: – Эх, до чего ж красивые были названия томских улиц! И кому мешали? Можно же было давать революционные имена только новым улицам. Нет, мы разрушим до основания, а затем... Ну, да я отвлекусь, и весьма. Так вот, слушай дальше.

Здание фабрики на Трифонова уже не увидишь. Но именно там Иван Васильевич сколачивал ящики, мастерил какую-то мебель, приносил зарплату в семью, денег стало хватать даже на мясо. Через какое-то время мама ушла с работы и стала хозяйничать в доме. Приготовит обед, в доме приберёт, а затем вышивает или вяжет. А летом, как водится, – огород и сад. Мама любила цветы. На рынок они ходили по воскресеньям и всегда вместе, также любили гулять в городском саду; ходили медленно под руку, Иван Васильевич постукивал палочкой. Затем сидели на скамейке, держась за руки, как молодые...

Холодильников тогда в нашей стране ещё не было, вернее, были, но редко у кого. И дорого, да и достать трудно. Только в семидесятые годы советские люди стали повсеместно обзаводиться холодильниками, да и то брали в кредит, так как стоимость этого сильно гудевшего агрегата была около трёх средних зарплат. Хранили мясо зимой в сараях да погребах, либо прямо за окнами в сетках-авоськах подвешивали, а летом – в сарае на леднике. Куски льда привозили с реки и укладывали на солому. На таких ледниках мясо и другие продукты хорошо хранились и не портились. Мы хранили мясо тоже в сарайчике, но в ведре с холодной подсоленной водой, которое ставили в земляную яму, примерно в метр, сверху закрывали еловыми ветками. Хватало на неделю, до следующего похода на рынок.

Мама каждый день варила щи. Это единственное, что мне не нравилось. Особенно после армии. Там солдатики хоть и недоедали, но разнообразие было, супы разные – то с перловкой, то с лапшой или рисом. А дома – всё щи да щи. Вечером ели щи обеденные, утром доедали остатки на завтрак, а к обеду мама опять новые варила. Просил я её: «Ну хоть борщ сделай». «Нет, – отвечала мама, – Иван не любит свёклу». Иван Васильевич всё детство ел свёклу, и так она ему осточертела, что смотреть он на неё уже не мог ни в каком виде. Я его понимал. Сам когда-то в детстве этой свёклой отравился. Ну да к тому времени, после армии, я уже работать пошёл, и обедать стал на работе.

А перед армией я успел поработать киномехаником. Со своим другом Лёнькой. Благодаря этому знал почти наизусть все советские фильмы. Крутили их сотни раз. А вот после армии не сразу устроился, долго ходил искал работу. Попросил тётю Риту, сестру мамы, устроить меня на Сибкабель. Она там бухгалтером трудилась. Но она была принципиальной. Не хочу, говорит, за тебя ответственность нести. А вдруг будешь плохо работать? Меня это сильно обидело тогда. И мама тоже обиделась на сестру, и какое-то время они даже не

разговаривали. Ну а потом всё наладилось, у нас с мамой характеры отходчивые. Да и место киномеханика освободилось...

Тётя Рита к нам забегала по два-три раза на неделю: поговорить-посудачить, разные новости рассказать. Иногда они с мамой и жизнь свою вспоминали в родительском доме, тот уют, любовь и спокойствие, которые они запомнили из раннего детства. Сейчас я жалею, что мало спрашивал маму, и могу рассказать об их детских годах лишь коротко.

СЕМЬЯ СМОКОТНИНЫХ

Мама моя, Тамара, родилась 15-го апреля 1910 года, а её сестра Виктория – в семье её звали Рита – на два года позднее: 6-го мая 1912-го. Они росли в хорошей, дружной и образованной семье. Отец их, мой дедушка Александр Феофанович Смокотнин, имел очень красивый, каллиграфический почерк. Я храню Библию на церковнославянском языке, подписанную его рукой. До революции он работал в Городской Управе столоначальником (начальником отдела). Я узнал, где была Городская Управа в Томске. И когда прохожу мимо этого здания, то представляю, что вот здесь когда-то сидел мой дедушка, которого я никогда не видел. Это красивое двухэтажное здание подарил городскому самоуправлению известный купец-золотопромышленник Фёдор Пушников. Здание стояло на самом углу улицы Миллионной и переулка Ямского. На втором этаже были помещения для Городской Думы и Управы, а первый этаж сдавался под магазины. Средства с этой аренды по завещанию Пушникова шли на поддержку образовательных учреждений в Томске. Вот такой был купец – меценат, настоящий патриот дореволюционного Томска.

После революции 1917 года здание досталось советской власти, и там тоже стали размещаться разные учреждения. Я помню, когда там был кинотеатр «Детский зритель», который потом переименовали в «Пионер». А сейчас там зрелищный центр «Аэлита» – на углу современных улиц Ленина и Нахичевана.

Отдел, где работал мой дедушка, занимался «делами инородцев» – неславянскими народами Сибири. Инородцев делили на оседлых, кочевых и бродячих. К инородцам тогда причисляли и евреев, которые в большинстве своём были весьма зажиточными. Для того, чтобы решить тот или иной вопрос, часто «подмазывали» чиновников. Как только об этом становилось известно, очередного взяточника снимали с этой должности. И вот наконец-то в лице моего дедушки нашли честного человека. Он был человеком строгих правил, неподкупным, взяток он не брал, и на службу ходил пешком за неимением лишних средств. А жили они тогда в районе улицы Духовской (сейчас К. Маркса), в доме с флигелем. Он стоял неподалёку от здания бесплатной народной библиотеки. Флигеля того уже давно нет, а вот красивое краснокирпичное здание бывшей библиотеки и кинотеатра – первых в Сибири, сохранилось до сих пор. Сейчас это К. Маркса, 25, и всё здание занимают магазины. А ведь когда-то оно несло знания и культуру в массы.

По рассказам моей бабушки, библиотека эта была открыта в середине

1880-х. А потом в ней открыли ещё много других полезных заведений. Кино-театр с большим залом и народный театр, большой музей прикладных знаний. Еще там были рисовальные классы, работали начальная и рукодельная школы. А по воскресеньям проходили народные чтения, которые были очень популярны. Вообще все заведения в этом здании пользовались популярностью у томичей. По сути, это был центр культуры для любых сословий. Например, можно было взять на дом почитать книги совершенно бесплатно, но «под ручательство». Кстати, Пушкинская библиотека первоначально была филиалом этой библиотеки, она открыта была только в 1901 году. Томичи с удовольствием ходили на кинопоказы, лекции, брали книги на дом.

После революции всё это здание, так же, как и флигель, который снимала семья Смокотниных, национализировали, и кинотеатр и библиотеку закрыли. Они долго стояли пустыми, тем более что вскоре началась Гражданская война. В начале 20-х годов из этого здания вывезли все книги и экспонаты. Организовали там клуб имени товарища Карла Маркса, ну и улицу Духовскую тоже переименовали тоже в честь этого пролетарского кумира. Но кинопоказы всё-таки проходили, и потом весь клуб стал уже называться кинотеатром. Тоже менял названия. Сначала был «Темп», потом «АРС», а после войны его переименовали в кинотеатр имени Ивана Черных. Хорошо что хоть улицу не стали опять переименовывать. Я ходил в этот кинотеатр, он ведь работал довольно долго, до нулевых годов. Затем дом снова стоял заброшенным, ремонтировался какое-то время. Ну а сейчас там сплошные магазины. Хорошо что хоть вывеску повесили, что когда-то это здание было бесплатной народной библиотекой и приносило пользу томичам.

Вот, по словам моей бабушки, неподалёку от этого здания и был флигель, который снимали Смокотнины. И мой дедушка каждый день утром и вечером в любую погоду: в мороз, дождь и грязь, ходил пешком до Городской Управы. Сейчас это примерно пять автобусных остановок. Над ним подсмеивались его же подчинённые, ездившие на работу в экипажах. Жалованье тогда у чиновников было довольно скудное, поэтому многие пробивались взятками, но дедушка, по словам бабушки, так не мог. Претило это ему.

А расходов было много. Оплата жилья, покупка дров (за зиму уходило 2 воза)... Лёд для хранения продуктов тоже покупался (продавцы кололи лёд на Томи). Моя бабушка Надежда Михайловна занималась воспитанием детей, каждый день пекла ржаной хлеб (тогда считалось, что хорошая хозяйка в магазине хлеб не покупает), а по воскресеньям – пекла пироги из белой муки. На извозчике вся семья выезжала не более двух раз в год: на природу в окрестности Университетской рощи (тогда это были целые леса вокруг университета), обычно на Пасху и летом. Готовились к этому событию задолго, пеклись пироги, пряники. С собой также брали хлеб, соль, варёные яйца, сало. Всё заворачивали в узелки из ткани и укладывали в корзинки. Везли с собой и самовар, а также угли к нему. Ехать в экипаже было счастьем, особенно для детей. Гуляли в Университетской роще, отдыхали на поляне, расстелив на траве покрывало. Выезжали на целый день. Вспоминали эти выезды затем целый год.

Сохранились фотографии 1913 года, где маме три года, а её сестрёнке – годик. И они стоят в красивых кружевных платьях и с фарфоровыми куколками

в руках. У младшей Риты заплаканные глаза, так как потерялась тупелька у куклы. И на фотографии видно, что у куколки одна ножка босая. Фотография была с красивой надписью и сделана в известном фотоателее Артемия Ароновича Хаймовича на хорошей фотобумаге, наклеенной на твёрдую основу – паспарту. А внизу красовалась авторская подпись с завитушками: «А. Хаймовичъ». Фотографии тогда были дорогим удовольствием, но томичи не скупились, хотели память о себе и близких сохранить.

Сёстры имели разницу в два года и были разными во всём: по внешности и по характеру. Маму мою бабушка называла «больша корма» за хозяйственность, а Риту – «блоха попрыгунья», за её непоседливость. Девочкам по воскресеньям давали утром в постель по чашке горячего шоколада. И всю жизнь моя мама вспоминала об этом, она очень любила шоколад и мечтала когда-нибудь наесться им вдоволь, как в детстве...

Но судьба и время были суровые. Дедушка мой простудился, да так сильно, что вскоре умер.

По рассказам моей бабушки, после потери её мужа и кормильца семьи, они потеряли и жильё. Флигель, который они снимали у одного купца, забрала советская власть. Освободить они его должны были в два дня. Моя бабушка пошла мыть полы. Заработала экземе рук. Пришлось искать другую работу. Помогло то, что до замужества она работала белошвейкой, и её взяли в Бактериологический институт (НИИ курортологии) на должность кастелянши. Занималась учётом, пошивом и штопкой белья, шила также рубашки и директору заведения – Якову Штамову, по его просьбе. Весь институт тогда уже, да и сейчас часто так и называют: Штамовским, по имени его первого директора и создателя. Бабушка его очень уважала. И когда узнала, что Штамова репрессировали, очень сожалела об этом.

Когда съехали с флигеля, семья временно подселилась к знакомым, но стала искать новое жильё. Через какое-то время узнали, что в роддоме № 2 также требуется кастелянша, и при этом даётся служебное жильё – небольшая комнатка. Опять переехали. В этой комнатке вся семья и прожила более двадцати лет. Бабушка умерла вскоре после Великой Отечественной войны, в 1948 году. Через год после неё ушёл в мир иной и мой отец Тихонов Павел Петрович. Об этом я уже рассказывал, описывая наше житьё в роддоме № 2. После смерти бабушки и отца в жильё нашей семье в очередной раз отказали, и мы ещё долго мыкались по разным избам и углам в районе Черемошек.

Моя мама Тамара Александровна и её сестра Виктория закончили курсы бухгалтеров, и так ими и проработали всю жизнь. Вот только в паспортах у девушек напутали: записали Смокотины, вместо Смокотнины. Я потом отстоял своё право носить настоящую фамилию деда – через суд, и в паспорте у меня уже была фамилия Смокотнин.

ВИКТОРИЯ-РИТА И СЕМЬЯ РУКАВИШНИКОВЫХ

У сестры маминной – Виктории, в просторечии Риты, тоже интересная судьба. Фамилия у неё была по мужу Рукавишникова, и муж её был в родстве

со знаменитым космонавтом, памятник которому стоит у нас в Томске на Белом озере.

Тётя Рита была очень подвижной барышней и до старости лет сохранила живость движений. Хотя всю жизнь проработала бухгалтером. Казалось бы, спокойная, сидячая работа, и ею занимаются обычно такие же спокойные и медлительные люди. Но тётя Рита никогда не медлила. Все её движения были скоростными. Она быстро считала и быстро записывала, стуча костяшками на старых деревянных счётах со скоростью заправской машинистки. Работала тётя Рита до старости. Выгнать её с работы никто не мог, как ни старался, даже на пенсии. В последнее время она сидела на работе бесплатно. Считала каждую копейчку, и перепроверяла и выверяла всё по несколько раз. Всё это раздражало начальство, к тому времени копейки стали при счёте отбрасывать за ненадобностью.

Тётя Рита и в личной жизни была интересной особой, впрочем, как и моя мама. Но в отличие от мамы она вышла замуж официально и стала по мужу Рукавишниковой. А затем родила трёх сыновей, первых двух от мужа Сергея Рукавишникова, а третьего – неизвестно от кого, и почти что в пути. Но это когда уже жила без мужа. Младший, Юрка, отличался от всех – был рослым и крупным. Так же, как и начальник. Это послужило поводом считать его сыном этого начальника... А как уж на самом деле было, никто уже не скажет. Родился он у тёти Риты после войны, в 1945-м году. Её высадили из поезда в другом городе, когда начались схватки, и там она пробыла неделю в местном роддоме. Чтобы завернуть ребёнка, ей перед выпиской всем миром собирали вещи: одеяло и пелёнки.

Тётя Рита не была наседкой, в семье считалось, что она всегда была замужем за своей работой. Детей воспитывали две соседки-монашки, которые со временем стали членами семьи. Они помогли тёте Рите вырастить и старших двух, и младшего, Юрку, родившегося через десять лет после первого сына. Я общался со своими двоюродными братьями. Они были очень разными. Даже два родных брата Иннокентий и Александр очень отличались между собой.

Тётя моя была Ритой только для мамы и для меня, для всех остальных она была Викторией, внуки её звали баба Вика.

Не очень сладкая была жизнь у тёти Риты. Рано лишилась она мужа, тянула детей одна, работая с раннего утра и до позднего вечера. И она была очень благодарна двум монашкам, Фенечке и Марковне, за то, что они добровольно нянчились с её мальчишками. Эти две женщины взяли когда-то тётю Риту и её мужа к себе на постой, выделив им в своём доме комнатку, а затем помогли вырастить детей. Дом этот принадлежал до революции какому-то купцу, и он, подумав, что всё равно отберёт новая власть, просто отписал его этим монашкам. Монашки имели огород и корову, продавали молоко. С этого и жили. Да ещё комнаты сдавали.

Когда мужа тёти Риты Сергея арестовали, старшему их сыну было два года, он родился в 1935-м, а младшему – всего два месяца. Это было в страшном для всей нашей страны году – в 1937-м. Арестовали в октябре, а уже в ноябре расстреляли. Но об этом тётя Рита и её семья, как и многие родственники репрессированных, узнали значительно позднее. Уже после войны, где-то году

в 1946–1947 монашки эти, после того, как их корова сломала ногу, лишились заработка от молока. Денег на новую корову у них не было, поэтому они решились продать полдома. Но время выбрали неудачное, случилась денежная реформа, и они ничего не выручили за эту половину. Судились какое-то время, но всё безрезультатно. Так и стали они уютиться в одной половине дома все вместе с тётёй Ритой и её мальчишками.

Марковна умерла, когда они жили ещё на Вавилова, 10 в этом деревянном доме. Сейчас его уже нет. Стоит какая-то избушка под этим адресом. Но это совсем не тот дом. А когда тётя Рита получила комнату в коммунальной квартире на улице Пушкина, то взяла с собой и няню Фенечку. Просто не могла её бросить одну.

В коммунальной квартире было очень тесно, во всех комнатах проживало по многу людей, а в случае с тётёй Ритой – их было сначала пятеро, а затем, когда старшие сыновья стали приводить своих жён, стали появляться дети, то от такой скученности жить стало просто невыносимо. Но не только от этого страдала тётя Рита, но и от невесток. Особенно ей доставалось от Веры, жены старшего сына. Та была грубой и малограмотной женщиной, и отсидела в тюрьме восемь лет за сбыт наркотических веществ, работая на химфармзаводе. Сын Иннокентий дождался жену из тюрьмы, и они продолжали жить, как ни в чём не бывало. К тёте Рите она обращалась без имени и без всякого уважения: «Эй, старая, ну давай, поворачивайся». Странно, что старший сын никак не реагировал на это и не защищал свою мать. Вмешивался лишь младший, Юрка, любивший свою маму. Юрка и был буфером между сторонами. Он был подростком, когда женились братья, и невестки неплохо относились к нему. Вера даже шила ему костюмы для ролей в самодеятельном театре.

С годами их быт стал улучшаться, сначала съехал средний сын, его жена получила квартиру, затем младший, Юрий, с семьёй. Тётя Рита осталась жить со старшим сыном, его женой и внуком. Ещё через какое-то время, когда съехали и соседи, стало возможно занять и освободившуюся комнату рядом. Немудрено, что тётя Рита так любила свою работу, пропадая на ней целыми днями, чтобы иметь хотя бы небольшое личное пространство – свой рабочий стол. Приходила она домой поздно вечером, чтобы не мозолить никому глаза.

Из всех сыновей тётя Рита выделяла Юрку. Он был младшенький и с более тонким душевным миром, который был ей созвучен. Мягкий, добрый и интеллигентный, Юрка долго не женился, хотя мать так надеялась, что, может, хоть третья сноха окажется более душевной. А когда он всё-таки привёл в дом ещё одну Надежду, стало ясно, что надежда на мир в доме напрасна. Старшая и младшая невестки ругались и не ладили между собой. Когда первые два сына женились на Вере и Надежде, все шутили, что вот теперь Юрка должен привести Любовь. Но пришла вторая Надежда. «Видать, любви в наш дом не хотелось идти», – горько пошутила тогда тётя Рита.

Все дети у тёти Риты переняли таланты отца и матери. Красиво писали, как мать, и прекрасно чертили, как их отец. Кеша закончил школу и строительный институт, и работал в конструкторском бюро. Саша закончил семилетку и пошёл работать. Он был более ответственным и хотел помогать матери. Денег не хватало, а за старшие классы тогда надо было платить. Пошёл в

школу рабочей молодёжи доучиваться он только после армии, затем поступил в вуз, а ещё позднее, уже в тридцать лет, поехал учиться по направлению в училище живописи в Казахстане. Все братья отлично владели карандашом, но профессионально писал картины только Саша. Александр женился на красавице Надежде, и только с ней у тёти Риты были более-менее ровные отношения. У них росла дочка с нежным именем Лилия. Она была чем-то похожа на свою бабушку: чуткая, добрая и ранимая, не любила выяснять отношения, считая, что лучше подстроиться, чем вступить в конфликт.

Странно было смотреть, как все сыновья с высшим образованием выбирали один и тот же типаж женщин. Все невестки в этой семье были, как на подбор: деревенские, малообразованные, но при этом с гонором. Воспитание и интеллигентность не позволяли тётё Рите вступать в перебранки. Возможно, невестки это считали признаком слабости. Лишь однажды, когда Вера выбросила всю старую мебель, в том числе и старинный сундук, где хранились пальто и фуражка погибшего мужа Сергея, тётя Рита не выдержала и высказала всё накопившееся на сердце. После этого она долго не могла прийти в себя, плакала и переживала, в доме не осталось ни одной дорогой ей вещи, кроме альбома с фотографиями. Альбом был тоже старинный, ещё дореволюционный, в голубой сафьяновой обложке. На каждом листе были фотографии, напоминавшие ей о счастливом детстве и прежней, беззаботной жизни в родительском гнезде. К альбому прилагалось специальное устройство, смотря через которое можно было увеличивать изображение. Этот альбом стал её единственной отрадой...

Умирала тётя Рита в одиночестве. Когда-то она не могла бросить няню своих детей, ухаживала до конца дней её. А вот её невестки сначала спорили между собой, кто должен ухаживать за слёгшей в кровать тётёй Ритой, затем позвали для ухода за бабушкой внучку Лилию. Но бабушка отказалась от помощи и через три дня поспешила на небеса, чтобы не докучать более своим родственникам ни в чём... Символично, что умерла тётя Рита в дату смерти своего мужа: 26 ноября 1998 года. День в день, но полвека назад, в 1937-м, расстреляли её Сергея.

Сергей Рукавишников был репрессирован, как и многие в то время. Он работал чертёжником и часто домой брал подработку – делал копии чертежей. Тётя Рита ему помогала, делая надписи на его работах своим красивым, каллиграфическим почерком. Когда-то такой красивый почерк был и у её отца.

Сергей мог бы выжить во время репрессий, если бы вовремя скрылся. Была знакомая машинистка, которая сообщила, что он уже в списке на арест. Но Сергей верил советской власти. Сказал: «Да, ну! Куда я побегу? На кого жену и детей малых брошу? Мне чертежи надо завтра сдавать. Ну и если придут, то ведь разберутся. Я же ни в чём не виноват...». Так и сгинул безвинно в томских казематах. А может, и куда подальше отправили... Потом его, конечно, реабилитировали. Но у тёти Риты навсегда появилось недоверие и даже страх к представителям власти.

Много-много лет спустя, когда она уже жила в переполненной коммуналке с взрослыми сыновьями, их жёнами и детьми, пришли к ним из райисполкома – узнавать, кем они приходится знаменитому лётчику-космонавту Рука-

вишникову. И тётя Рита им сказала, что они просто однофамильцы. Позднее она узнала, что могла бы получить тогда четырёхкомнатную квартиру...

* * *

А мой отец, когда узнал, что подлежит аресту, в эту же ночь собрался и ушёл из города. Звал и Сергея с собой. Были они в одном списке. Но тот не послушался, и отец ушёл один. Какое-то время скрывался. Я помню из детства такую картинку: окно, подёрнутое небольшим морозцем, и стук. Я оборачиваюсь и вижу бородатого мужика за окном. Я испугался и заплакал. Мне тогда было, наверное, года три. Меня тогда успокоили и сказали, что это был Дед Мороз. Значительно позднее, когда я уже стал взрослым, мама мне рассказала, что тогда приходил мой отец... Мать, по сути, всю свою жизнь ждала. Сначала коротких свиданий с отцом. Затем ждала его с двух войн – Финской и Великой Отечественной... И получила всего полтора года счастья совместной жизни с любимым человеком.

ИСКАТЕЛЬ ЗНАНИЙ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Николай Павлович был очень любознательным, любил получать новую информацию и обучался новым навыкам всю жизнь. Но получить высшее образование так и не смог, хотя поступал в вузы два раза. О его отношениях с учёбой он рассказывал так:

– Я ведь всю жизнь хотел получить высшее образование, да не получалось. Два раза поступал на рабфак Политехнического института, затем учился, да не смог сдать экзамены на первом курсе, бросал. И писал с ошибками. А мама моя ни одной ошибочки не допускала. Но, видать, не в маму я уродился, хотя внешне очень похож, и по характеру тоже. Скорее всего – не доучился как следует. В школе у нас был один учебник на пять-шесть учеников. И мне он часто не доставался. Заберёт Вовка, он был из богатой семьи, и не отдаёт. Мне даже бабушка пыталась помочь. Мы вместе приходили к ним в дом, чтобы учебник взять на вечер. Но мать Вовкина нам отказала. Мол, сами ещё не сделали уроков. Мы и ушли несолоно хлебавши. Бабушка не спорила ни с кем. Она повидала разные времена, и предпочитала промолчать.

Мама моя была более смелой, но защитить и отстоять меня не могла – работала до позднего вечера. Так что домашние задания я почти не делал. Хорошие оценки у меня были только по гуманитарным наукам, я хорошо всё запоминал на уроках и без учебников, так как любил литературу и историю. А с русским языком – там ведь правила надо учить. Писал, как слышал. Книг читал мало, больше с техникой возился. Мама говорила, что если бы много читал, то можно было бы правила не учить, всё бы и так на подкорку записалось. Но когда вернулся из армии, пошёл в вечернюю школу. Там и доучивался. Мои сочинения были лучшими по содержанию и худшими по правописанию.

Пристрастился я к книгам уже под конец жизни, а в молодости всё техникой увлекался, выписывал журнал «Наука и техника». Но также любил и мир

познавать. Много лет выписывал журнал «Вокруг света», и сам очень любил путешествовать, узнавать новые города, изучать обычаи и традиции людей. Как-то прочитал, что сказал великий сказочник Ганс Христиан Андерсен, что «путешествовать – значит жить» и сразу с ним согласился. Человеку ведь свойственно желание познавать новое, а иначе жизнь скучна. Но у меня долго не было возможности уезжать далеко.

В юности я обошёл все окрестности Томска пешком, мог уйти на целый день. А однажды забрёл очень далеко и не успел обратно до темноты. Заночевал в стогу сена. А рано утром проснулся оттого, что кто-то в туманной дымке тыкал рядом со мной вилами. Этот кто-то оказался женщиной в платочке и телогрейке. Она так испугалась, когда я вылез из стога, что и плакала, и смеялась одновременно, говоря, что могла бы убить меня, проткнуть вилами. Но ангел-хранитель сберёг.

Когда мой друг Лёнька переехал в Крым, в город Судак, и завёл там семью: жену и сына, то стал звать к себе. Я несколько раз приезжал к нему в гости. Облазил все окрестности Судака, ездил и в соседние города: Симферополь, Севастополь, Бахчисарай, Ялту. Часами бродил и любовался природой.

В Крыму просто волшебные, сказочные пейзажи: живописные горы, хвойные деревья, душистые цветы и травы. И синее-синее море. А ещё там растёт много винограда, огромные виноградные сады. Идешь среди них, как по зелёному туннелю, и нет ему конца и края. Много там деревьев и кустарников, которые у нас в Сибири не растут. Фисташковые деревья, дубы с красивыми, узорчатыми листьями, крымские сосны. Есть и привычные для нас деревья: рябины, клёны, осины. Но более всего хороши кустарники: ароматные можжевельники, пахнущие хвоей, кизильники, боярышники и тамариски. Мама моя, любительница цветов, просила меня обязательно запечатлеть на память пейзажи Крыма. Я и старался. Много фотографировал. Фотоаппарат у меня был старый, советский «Зенит», снимки чёрно-белые, но очень качественные. Не сравнить с современной техникой.

Очень я полюбил окрестности Судака. Утром купался в море и уходил в горы на целый день. Судак ведь находится в бухте. С одной стороны море, а с трёх других – горы. И я каждый день отправлялся в походы, открывая для себя всё новые и новые горы с поэтическими названиями: Сокол, Орлиная Любовь, Каменная Лягушка и даже Сахарная Головка. А самая легендарная из них – Крепостная гора. На ней стоит Генуэзская крепость, построенная ещё в средневековье. Изображение этой крепости осталось у меня на памятной открытке, которую мне выслал Лёнька.

Там в горах я опять чуть не расстался с жизнью. Забрел я обычно далеко и высоко, скользил по камням, и однажды попал в обвально-оползневую сель. Такой поток из воды и обломков камней может неожиданно возникнуть в горах, увлекая за собой всё. Лёнька меня предупреждал быть осторожным в горах, тем более, что я всегда гулял один. Я хотел только перешагнуть этот, как мне показалось, ручей. Но вдруг поскользнулся и понёсся вниз. Скорость таких селей доходит до пяти километров в час, и я уже мысленно попрощался с жизнью. Но Господь Бог и судьба вынесли меня. Ноги напоролись на какой-то

валун, и в этот момент я быстро перевернулся на живот и ухватился за куст, растущий рядом.

Так мне понравилось в Крыму, что захотел я переехать туда. Тогда с работой было трудно, но Лёнька по благу утроил меня на завод. Я поработал там два месяца. Хотел и маму перевезти позднее. Но не прижился. Люди мне там не понравились. Хмурые какие-то, негостеприимные. Вернулся в Томск. Пошёл на завод.

К тому времени Иван Васильевич ушёл от мамы. Нашёл более молодую. Такая ирония судьбы. Мама уже стала болеть. Она отдала ему почти десять лет, помогая во всём, а он перешёл жить к почтальонше. Маме было очень трудно от такого предательства. Но она не осуждала его. И даже оправдывала, говоря, что вот была бы она моложе и здорова по-женски, и он бы не искал другую. Даже газету приносила в тот дом, в котором он теперь жил, вкладывая её в почтовый ящик.

Всю свою боль и свои переживания мама оставляла в стихах. Она их писала всю жизнь, долго думала над рифмами. Часто читала их мне. Я критиковал, говорил, что рифма хромает. И, раз она не находится, надо слово заменить на близкое к нему по значению. И уже к нему рифму искать. Но мама возмущалась, говорила: «Как можно рябину заменить на берёзу, ведь я точно помню, что в детстве у нас в саду за окном росла рябина».

Когда мамы не стало в 1997-м году, тётя Рита попросила её тетрадку на память. А через год не стало и самой тёти Риты. Её сноха Вера выбросила все старые вещи на помойку. Очень жалею, что не успел забрать эту тетрадку. Остались лишь несколько стихотворений, что я успел перепечатать на машинке.

Р. С.: Мой друг Николай Павлович Смокотнин ушёл из жизни 19 июня 2017 года.

Елена Ланкина

ЛАНДЫШИ В ТЕНИ ВЫСОКОЙ ГРУШИ

Мои детство и молодость прошли в Восточном Казахстане, в Усть-Каменогорске (во времена Российской Империи город относился к Томской губернии). Когда мне было шесть лет, наша семья приобрела участок земли в садоводческом товариществе. На этих пяти сотках первым делом устроили грядки да клумбы. Председатель общества организовал доставку морозоустойчивых саженцев из Горного Алтая. Среди неприхотливых представителей питомника Маймы оказались саженцы довольно крупных деревьев, «полудички». Мы приобрели грушу, на которую особо указали знатоки, уверив, что вырастет высокое дерево и даст крупные плоды. Груша росла «не по дням, а по часам». Мы любовались на симпатичное крепенькое деревце с крупными овальными листьями. Через несколько лет она заплодоносила фруктами, слегка терпкими на вкус.

В конце лета мы обычно недельки две гостили у родственников в Алма-Ате. В усадьбе их дома был небольшой сад, где росли персик, абрикос, слива, яблони сортов «апорт», «лимонка», «столовка», и дерево раскидистой груши с очень сладкими, сочными плодами. Бабушкина младшая сестра, узнав, что у нас растёт алтайская полудичка из Маймы, предложила привить к ней ветки южной груши и посмотреть, что в итоге получится. Через несколько лет нижние привитые ветки дали крупные плоды, не столь сочные и сладкие, как алма-атинская груша, однако приятные на вкус!

С каждым годом наша груша поднималась, и вскоре стала самым высоким деревом в округе. Лесные ландыши, корневища которых мы изначально вкопали под ней, разрастались всё шире, прекрасно чувствуя себя в тени.

В конце апреля в Усть-Каменогорске уже цвели нарциссы и тюльпаны. Маюсенькие «колокольчики» ландышей раскрывались уже к празднику 9 мая, Дню Победы! После парада войск, идущих через главную площадь, автобусы начинали ходить по сквозной линии, соединяющей два района, и можно было на «экспрессе» быстро добраться до остановки «Прохладная», а дальше идти до улицы Озёрной, где и расположен наш сад. Так что сразу после полудня я чуть ли не вприпрыжку радостно спешила в милый уголок природы, казавшийся земным раем. Тенистая груша сказочно манила! Ландыши окружали её густым изумрудно-белым шлейфом, словно королеву садовых деревьев!

Душистых цветов набиралась целая корзина! Возвращаясь домой ближе к вечеру, выходила из автобуса раньше, чтобы пройтись по Ульбинскому мосту, любуясь с высоты рекой и живописными ивами, склонёнными над ней. Да и сам мост этот был красив! Его строили ленинградцы – видимо, по проекту одного из небольших мостов северной русской столицы. С этого моста ныряли в воду пловцы, чему мы, дети, собиравшиеся у перил набережной, чтобы посмотреть захватывающее зрелище, были несказанно рады!

Обычно 9 Мая вечером горожане возвращались с народных гуляний – из парков, с бульваров, с набережных Иртыша и Ульбы, где дружно пели вместе с детьми да внуками песни о войне. Шли парочки и целые семьи, да и ватаги молодёжи – наследники Великой Победы! Лица радостные, сияющие, кто б это ни был – млад иль стар!

И как-то само собой получалось, что я останавливалась уже в начале моста, и рука взволнованно тянулась к корзине с цветами, когда навстречу шёл ветеран Великой Отечественной войны в орденах и медалях, или старушка в гимнастёрке, а иногда и в кителе, тоже с наградами. «Наверное, медсестра!» – думалось мне. И эти чудесные люди Победы получали в подарок душистые букетики!

Цветов хватало всем – и пожилым людям, и людям среднего возраста. Ведь они тоже были участниками и свидетелями войны, и гордились тем, что, будучи детьми, помогли фронту и тылу. Мы знали это по рассказам родителей, в своём военном детстве бережно собиравшим и сдававшим колоски, работавшим порой и на заводах, и, конечно, участвовавших в школьных концертах для раненых.

Дети военных лет с энтузиазмом брались за любую работу – мыть полы в госпиталях, мести дорожки, чистить картофель, морковь и лук для неприхотливых супов, и быть всегда «на подхвате» в случае необходимости помочь – перенести или отнести по адресу что-нибудь куда-нибудь, благо ноги шустрые, руки цепкие, глаза острые, а юные сердца жили верой в победу Родины над фашисткой Германией, вероломно напавшей на любимую страну.

Дети войны учились писать на краях газет, потому что бумаги для школ не хватало. Моя мама Галина рассказывала, что первоклассницей в городе Риддере писала карандашиком на газетах, а ели тюрю да «жмыху», сухари, чай заваривали из морковной ботвы, из листьев смородины, малины – благо в лесах Рудного Алтая этого было полно. Ягоды, грибы, «пучки», «заячью капусту» и всё съедобное тоже собирали в лесах и предгорьях ребятишки, пока взрослые работали в шахтах и на предприятиях военной и оборонной промышленности и на гражданских службах.

Густой, тугой, и, казалось, нескончаемый ворох ландышей, как же ты радовал! Помню, как сами собой говорились самые простые фразы: «С Днём Победы!» или «С праздником! Это вам!». Для дома оставался ещё и довольно пышный душистый букетик, и я сворачивала на набережную, а далее рукой подать до нашего кирпичного дома на улице, названной в честь Героя Советского Союза, отважного воина Великой Отечественной войны Тулегена Тохтарова, павшего смертью храбрых.

Как же хорошо, что в нашем саду выросло такое высокое дерево! Оно словно стояло в сказочном озере из ландышей. Издалека, на фоне изумрудных листьев, белоснежные цветочки казались фантастической озёрной рябью, над ними возвышалась мачта с парусами – наша стройная, высокая, с густой кроной, груша. Все дивились величественному виду дерева, от подножия которого исходил аромат лесного ландыша.

Когда груше было уже более 20 лет, случилось то, чего и следовало всегда ожидать в экстремальный момент лета. Бушевала июльская гроза, и в самое

высокое в садоводческом товариществе дерево попала молния. Примерно пятая часть ствола была гладко срезана, будто ножом! Вернувшись в город, соседи сообщили нам, что отсечённая молнией часть груши упала на отцветшие давно уже ландыши да ряды малины, примяв их, но ничего другого, существенного, не повредив.

Чудеса! Она упала именно на длинные ряды неприхотливой малины. Можно было себе представить, фантазируя, конечно: как яблони-ранетки, вишни, морозоустойчивая слива «опата», кусты смородины, крыжовника, освежённые грозой, проснувшиеся от молнии, грома – ожившие, словно в сказке, оказались изумлёнными наблюдателями. Они стали свидетелями потрясающего, шумного события!

Приехав в сад на машине после такого происшествия, мы оттащили отсечённую молнией часть ствола на место, оставшееся от грядок редиски и раннего лука. Сосед-старичок, постоянный летний дачный житель, родом из села с большим совхозным садовым хозяйством, дал нам специальный, как он сказал, «садовый вар» – смазать срез, докуда дотянемся, воспользовавшись стремянкой. Обработать срез крайне было необходимо, чтобы бактерии окружающей среды не попали на «рану» и не проникли вглубь ствола. Этот «садовый вар», состоящий из пчелиного воска, живицы (смолы хвойных) и особого масла, у соседа, как тот выразился, «хранился годами», ведь, «чуть что» – он его мог довести до нужной кондиции, и применить в случаях облома крупных веток или повреждений древесной коры.

И после заживления поверхности среза наша героическая груша ещё долго плодоносила. Годы шли, а нежные ландыши радостно распространялись под красавицей грушей, и росли, как в лесу, питаясь соками земли и дождями... Наша любимица ещё раньше зацветала крупными белыми цветами, и роскошно осыпала, словно драгоценными монетами, сплошной зелёный ковёр ландышей. И он, как будто получив белёсый сигнал, волшебным образом откликнулся: изумрудные свёрточки-листки слегка открывались, и оттуда показывались белые цветочные чашечки на тонких нитях стебельков.

Для кого эти чашечки изобретены? – фантазировало юное сознание, – может быть, маленькие феи да эльфы из них по вечерам пьют чудесный нектар? А может быть, они изобретательно делают из него духи? О, как же вы изумительны, цветочки-чашечки, словно чудесно вырезанные из слоновой кости, или причудливо сотворённые из тончайшего фарфора!

В 1993 году мы переехали на работу в Бийск по приглашению работать в педагогическом институте. Нам дали ведомственную квартиру. И, вдобавок, институт наделил преподавателей участками в Полеводке близ села Сростки. Агроном института заказала саженцы в Майме. И, конечно, я сразу же спросила про крупную морозоустойчивую грушу. Но такого сорта груши на тот момент в питомнике не было. Посадили яблоньки, смородину сорта «память Шукшина» да «голубка», всё замечательное! Растили даже морозоустойчивый виноград.

Но самой яркой вспышкой освещается в памяти именно алтайская груша моего детства и юности – с её невероятной высотой, красотой и стойкостью, и

ландыши, которым так радовались улыбчивые и простые, как дети, ветераны Великой Отечественной войны. Прошло 80 лет со дня Победы, и уже почти все они ушли в мир иной. Их души с нами, они внимательно глядят с заоблачной белоснежной туманности вниз...

Спустя годы, любуясь в усадьбе Троицкой церкви Томска ландышами, растущими в тени деревьев, вспоминала ландыши своей юности. И ту замечательную грушу, щедро дарящую тень... И, видимо, совсем не случайно ко мне, как листик с ветки, мгновенно слетело стихотворение о несравненных цветах:

*Словно из фарфора белоснежного
Чашечки цветов прелестно-нежные.
Ландыши – их имя. Аромат,
Кажется, сильнее во сто крат
Всякого цветочного эфира.
Ландыш – чистоты посланник миру.
Глянь: на тонких нитях стебельков
Множество загадочных цветков...*

Уходят в небо последние участники войны... Тех, столетних, кто ещё, по счастью, жив, бережём изо всех сил. Дарите, люди, цветы ветеранам! И если в ваших широтах уже цветут ландыши, несите их – как символ чистоты, нежности, веры и надежды, любви и обновления! Как символ нашей Святой Родины – России, в которой живут и всегда будут жить высокие духовные идеалы!

Людмила КУТЕРГИНА

МЫ СЕРДЦЕМ ЧУВСТВУЕМ ДРУЗЕЙ

ПОЗДНЯЯ ЛЮБОВЬ

Я мужчину вчера повстречала.
Он подавлен, измучен, небрит.
Я давно королевою стала.
И о «прочих» душа не болит.

Только сердце вдруг как-то заныло,
Заставляя замедлить мой шаг.
Словно совесть меня укорила,
Что я сделала что-то не так.

«Никому не должна», – я твердила.
Никому! Ничего!! Никогда!!!
И бесчувственность я заслужила.
Нет в душе никакого стыда.

Только сердце безжалостным было,
Жгло, давило, пытало огнём!
И, не выдержав, я уступила.
Мысли были лишь только о нём!

Сняв корону и мантию тоже,
Я надела в горох сарафан.
«Пожалей! – умоляла, – о Боже!
Прекрати этот свой балаган!»

Не хочу вновь испытывать боли.
Слёзы лить и ночами страдать.
Мне не двадцать. Не видишь ты, что ли?
И не надо меня упрекать!

Зря Создателя долго молила,
Бог – он тоже мужчиною был.
То, что разумом я запретила,
Он мне сердце моё озарил.

И теперь что мне делать, не знаю.
Деть куда столько чувств и любви?
Нет, лукавлю. Я всё понимаю.
Видно, вновь мне не спать до зари.

СТРАХ

Опять трезвонит телефон до белой злости.

В. Ниренберг

Опять трезвонит телефон до белой злости.
И почему вдруг так решил за нас поэт?
Быть может, просто кто-то хочет в гости,
А ты ему не сможешь дать ответ.

Или опять хотят, чтоб ты вернулась
К тем, от кого умчалась, словно лань.
И ты в воспоминанья окунулась,
Вдруг вспомнив, как сказал тебе он: «Дрянь!».

Но – нет, не этого боишься ты, рыдая,
И трубка телефонная, как враг!
Твой сын на СВО погиб, родная.
Прости, что сообщаю тебе так.

И брат, прошедший две Чечни, вдруг всхлипнет,
Не в силах сдерживать рыданья стон.
И даже дом в безмолвии затихнет..
Проснулась... Это, слава богу – сон!

НАСТОЯЩАЯ ДРУЖБА

Огонь плясал багровым цветом.

Л. Суровцева

Огонь плясал багровым цветом.
Табун в загоне умирал.
Вожак пред утренним рассветом
Отчаянно, призывно ржал.

Он звал единственного друга,
С кем жеребёнком подрастал.
Им восхищалась вся округа,
Когда малец в седле скакал.

Вожак метался по загону,
Не в силах вывести коней,
Но по небесному закону
Мы сердцем чувствуем друзей.

Мальчишка мчался, что есть мочи.
В последний миг помочь успел.
И на исходе летней ночи
Табун в пожаре уцелел.

Хирурги мальчика спасали.
Вожак не ел, почти не спал.
Сельчане к Господу зывали,
Чтоб он друзей не разлучал.

ФРОСЯ

Кто придумал назвать меня «ФРОСЯ»?
Я кричала со злостью в слезах
И, джинсовку на плечи набросив,
Гневно хлопнула дверью в сердцах!

Вот себя б Ефросиньей назвали!
И терпели насмешки ребят.
А потом бы с моё пострадали
И послушали, что говорят!

Только папа и мама молчали,
Как-то грустно потупив глаза.
А потом мне шкатулку отдали:
«Посмотри, всё поймёшь, егоза».

Я листала тетради страницы,
Что пробита навывлет была,
И засушенный цвет медуницы
Из тряпицы упавшей взяла.

В той шкатулке косынка лежала
И медали прабабки моей.
Я взахлёб со слезами читала
Про погибших на фронте врачей.

А уснув, я всю ночь «воевала»,
До Берлина дошла в кирзачах.
Как прабабка моя, точно знала,
Что такое бинты, боль и страх.

Я махорку курить научилась,
Вместо сна плыл махорочный дым.
И над раненым снова склонилась
Еле дышащим, полуживым.

А потом вдруг земля завертелась,
Крики, кровь да белесая мгла...
И одна лишь воронка виднелась.
Так в Берлине я смерть приняла.

А наутро, сомненья отбросив,
И наивную глупость кляня,
Так гордилась прабабушкой Фросей,
В честь которой назвали меня!

Станислав ФЕДОТОВ

ВЕТЕР ЮНОСТИ

ТОМСК

По аллеям его пробегая не раз,
Я вдыхал их смолистый волнующий запах.
Держат глыбину неба с утра до утра
Тополя на спокойных мозолистых лапах.

Держат крепко, надёжно, и только слегка
Колыхнётся порой осторожная ветка.
И вернее любых и врачей, и лекарств
Усмиряет болезни дыхание ветра.

Ветер юности,
ветер студенческих лет.
В головах и сердцах, как на улице, ветер...

Думал: годы ползут,
наподобье телег,
А выходит – летели,
так что я не заметил.

Вновь увиделись.
Странно:
под гнётом времён,
Дикой смены эпох, равнодушия власти
Города очень быстро дряхлеют,
а он,
Чёрт возьми,
молодеет,
плюя на напасти.

Рядом с ним
я сегодня
гораздо старей.
(Нет, не старше – старей,
это разные вещи.)
Ветры творчества в нём над бульварами плещут,
Подгоняя таланты: скорей же, скорей!

Да, когда-то и мы тут летали, как рой,
Собирая нектар для научных исканий.
С той поры наши крылья покрылись корой.
Наша мысль
бытовыми
зажата тисками.

Возраст, скажете?
Да.
Он не любит потерь,
И ему не нужны объяснения и ссылки.
Что же нам остаётся?
Упасть на носилки?
Кто отстал – не в хвосте, а в кювете теперь?

Нет, не так.
Пусть уходит мой город вперёд,
Путь на крыльях талантов высок и воздушен.
Он и нас виртуально с собою берёт –
Наши мысли, дела
И, конечно же, души.

Реутов, 2024

* * *

Пуста деревня.
Пусто поле.
Крест-накрест доски на домах...
Звенит звонок в закрытой школе,
Забытой,
брошенной во прах.

Звенит звонок.
Смогла проводка
Каким-то чудом уцелеть.
Но сгнила у звонка обмотка –
Замкнуло,
и он стал звенеть.

И день и ночь звенит, как будто
Надеется:
ещё вот-вот,
И школьное начнётся утро,
И ребятня гурьбой придёт.

А там, глядишь, народ взбодрится,
И в окна разгорится свет,
И жизнь в деревню возвратится,
Которой нет
уж много лет.

...Звенит звонок.
Звенит надрывно.
Звенит, отчаянно моля:
Вернитесь, люди, ждёт земля!
Лишь с ней вы живы неразрывно.

Реутов, 2020

ОТЧЕ НАШ

...А жизнь завязана узлом,
И нет понятней человека,
Того, что за одним столом
Со мной уже почти полвека.

Того, кто делит, не чинясь,
Паденья общие и взлёты...
Вся наша жизнь, как «Отче наш»,
Проста по Божескому счёту.

«Отче наш, сущий на небесах, да святится имя Твое;
да придет Царствие Твое;
да будет воля Твоя и на земле, как на небе;
хлеб наш насущный дай нам на сей день;
и прости нам долги наши,
как и мы прощаем должникам нашим;
и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого.
Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь.»

А «Отче наш», как высший глас,
Важнее всех молитв на свете.
Не потому ль всю жизнь для нас
Столь дороги заветы эти?

И, даже в церковь не спеша,
Мы не заблудимся в дороге.
Спокойны сердце и душа,
И Отче ждёт нас на пороге.

Реутов, 2025

МОНОЛОГ

Ребята, я – не фронтовик.
Я вообще – белобилетник.
Но быть в сторонке – не привык,
И в драках был не из последних.
И мне обидно оттого,
Что немощен и стар годами,
Что не могу ни одного
Нациста задушить руками.

Я помню страшный тот майдан
И снайперов его – по окнам!
И как был Мариуполь сдан
На растерзание подонкам.
Как выпускали из «котлов»
Тех, быть кому в них справедливо,
И уверяли всех блудливо,
Что «Минск» нас помирить готов.

Конечно же, я не был в нём,
Пылавшем профсоюзном Доме,
Но обожжён его огнём,
И ноют до сих пор ладони,
Не пережавшие кадык
Стрелявшего в людей горящих.
Он убивать давно привык,
Нацист «свидомый та найкращий»,

Обманы все определив,
Не хлопая зазря ушами,
Не верю я в святой наив
Верховного,
как нам внушают.
Игра большая тут идёт
(о Господи, не стало б гаже!)
И что в конце концов грядёт,
Нам даже Бог сейчас не скажет.

Но весь народ наш, знаю я,
Глядит на СВО не через призму.
Мечтает каждая семья
Переломить хребет нацизму.

Чтоб не слезил глаза контраст
Берёзок и руинной гари,
Чтоб не подписывал контракт
Со смертью
наш российский парень.

Реутов, 2025

* * *

Когда уверен человек –
Открыто, весело смеётся.
И времени беспечен бег,
И так легко всё удаётся.

Он ходит – здоровее всех.
Как говорят, живёт – не тужит,
Поскольку оберегом смех
Ему всегда надёжно служит.

Сегодня, когда мир поник,
Поддался вирусному игу,
Весёлый человек-шутник
Показывает игу фигу.

Нет, он не ковид-диссидент
(он носит маску, моет руки),
Не врач, не деятель науки,
Не разгулявшийся студент,

Не циник с вислою губой,
Не шут с ужимками уродца...
Над кем смеётся?
Над собой
Он перво-наперво смеётся.

Самоиронией своей,
То бойкой,
то неторопливой
Он защищает всех людей
Как бы иммунотерапией.

Реутов, 2020

* * *

Ищу поэта. Адреса не знаю.
Он переехал, а куда – Бог весть!
Давно его в печати не встречаю.
Надеюсь, жив, хотя годов – не счастье!

Когда-то мы приятелями были
(коллегой я не смел себя назвать).
Его публиковали и хвалили,
И гонорары были – благодать!

Теперь – что делать! – времена иные:
Не ценится литературный труд.
Но, коль найдутся денежки шальные,
То что угодно тут же издадут.

Откуда же поэту денег взять,
Ведь он не бизнесмен, не вор бюджетный,
Не олигарха беззаботный зять
И не чиновник, с виду незаметный?

Его теперь никто не издаёт.
На пенсию смешную он живёт,
Достоинства, надеюсь, не теряя,
И жизни смысл искать не устаёт,
Лишь языку родному доверяя.

Я тоже для кого-то жив-не жив.
Никто не пишет, не звонит, не спросит:
Мол, не лежу ли я, глаза смежив,
В извечной тьме,
где Млечный Путь – как проседь.

Но знайте все: друзья, да и враги,
Коль водятся в природе таковые, –
Я жив, и дня не мыслю без строки,
И ждать не жду минуты роковые.

Реутов, 2025

* * *

Пишу роман.
В двадцатом веке
Китай, Россия, человеки.
То – с обнимашками, то – в драке.
Вожди и люди – как собаки.

А на Херсонщине – война,
Обстрелы – в Запорожье.
И на Донбассе тишина
Давно забыта тоже.

В дыму и взрывах – сонме битв
Среди лесов и пашен
Там Бог гадает: быть – не быть
Живой планете нашей.

А я роман пишу о том,
Что не было иль было,
Чтоб человек не стал скотом,
Не превращался в быдло.

И чтоб основой основ
Осознавали люди,
Всегда была и есть любовь.
Была и есть.
И – будет!

Реутов, 2025

Евгений Вязанцев

ИСТОРИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ

ДИОГЕН

Да разве я не смог бы торчать среди этих завитых ослов из Александровой свиты, от которых за версту разит благовониями? Разве я не смог бы унижать пальцы перстнями? Разве я не смог бы с глубокомысленным видом втолковывать невежам смысл Гомера или Гераклита?

Слава богам! Мир переполнен болтунами, не умеющими вовремя найти нужное слово. Чтобы помочь им в этом малопродуктивном поиске, существуют риторы. Ну обучу я какого-нибудь богатенького юнца складно трепать языком в суде или народном собрании? Он воспримет малую толику моего ума, я же – его глупости. Это и будет обучением. В результате мы оба станем несчастней, каждый сойдя на время со своего естественного пути. Глупость исключительно заразна, и в опасности подцепить эту инфекцию главный профессиональный риск учителя. Поэтому тот, кто учит, редко научается сам.

Все стремятся к счастью, а достигают страдания. Я же прежде всего переступаю через порог страдания, а счастье послушно поджидает меня на условленном месте. Почему счастье так быстротечно? Потому что слабая человеческая душа ещё меньше способна переносить его, чем даже горе.

Людские неурядицы порою просто песок пустыков, насыпанный в глаза разума. Свобода – вот главное условие счастья! О нет, свобода – не праздная блажь! Свобода – необходимость, единственная надежда на спасение от бессмысленности.

Свобода – вовсе не разнузданная анархия или равнодушная распушенность, как это думает простонародье. Свобода – избавление от всего мелкого и малозначительного.

Свобода – сверкающая целеустремлённость!

СТАРЫЙ РЫЦАРЬ

В замок проникала весна. Воздух над морем, шелестящим у подножья скалы, стал смутным и сырым, словно рукопись пятнадцатилетнего поэта. В угрюмых морщинах стен, подобно скрытой усмешке, пробивался влажно-зелёный мох.

Сиротливо торчал ржавый железный крюк неподалёку от подъёмного моста. Как он полагал, для полной гармонии с окружающим ему не хватало лишь повешенного.

На крепостных стенах, перед парапетами, стояли старые пушки. Возле каждой аккуратной горкой громоздились чугунные ядра, потемневшие от времени. Ядра были домоседами. Их нисколько не манило неизведанное, не привлекал сверкающий горизонт, не занимала загадка завтрашнего дня.

И в самом деле – пробивать собственным лбом борта вражеских кораблей;

слушать истошные вопли команды, теряющей руки, ноги и головы; всем вместе идти на дно и потом любоваться снизу на расплывающиеся пятна крови и мелкие куски деревянной обшивки? Нет, для всего этого необходим задор молодости.

Морское солнце не стало ещё вполне весенним, но его искры летали уже в воздухе, не в силах пока поджечь гребни пробегающих волн.

Старый рыцарь медленно брёл по двору замка. Вдруг руки облаков разжались и солнце хлынуло на землю, словно сноп ослепительных колосьев.

О, как мгновенно всё изменилось! Ручейки превратились в радостных серебряных ящерок, разбегающихся во всех направлениях. На их спинках засверкали золотистые соломинки и загремели, переливаясь, разноцветные камешки. Как бодро загорланили петухи и закудахтали куры! Влюблённо заворковали голуби на крышах, окна и витражи запылали всеми цветами радуги.

– Может ли в юности человек знать, что его ожидает в жизни? – и рыцарь вдруг вспомнил девушку лёгкую, как фиалка. Её улыбку. Стоило ей улыбнуться, мир молодел даже в самую пасмурную погоду.

Любовь – всегда плен. Он не хотел быть пленником. Ведь влюбляются в человека раньше, чем его узнают. Любовь – слепая кошка в мешке, которая может исцарапать сердце до крови.

Но наступило время, когда он всё-таки почувствовал себя пленником. Он пришёл в ярость, рубил мечом ковры и фарфор, вдребезги разбивал драгоценные венецианские зеркала.

Потом снова мир был залит солнцем, и счастьем, казалось, не было конца.

Но однажды она сказала ему:

– Место любви в искусстве, а не в жизни, – и, подойдя к висящей на стене картине, исчезла.

Старый рыцарь позабыл, за чем шёл, и возвратился в замок. Дрожащей походкой добрёл он до библиотеки. Там пахло пылью и мышами. Фолианты древних мудрецов всех форматов и размеров в переплётах из телячьей кожи и бархата, украшенные слоновой костью, некоторые с драгоценными инкрустациями, теснились на полках. Загадочно золотились названия на мёртвых языках.

– Нет у вас никаких загадок, – подумал старик. – Жизнь – единственная тайна. Смысл жизни не в книгах. У мудрецов слишком много своих проблем, им нет дела до мира. Время было потеряно напрасно.

Рыцарь взял потускневший серебряный подсвечник и, сгорбившись ещё больше, тяжело волоча ноги, побрёл в картинную галерею. По пути он случайно задел пыльную фигуру крестоносца. Полые железные доспехи жалобно задрожали.

Солнце снова исчезло за облака. В полутёмном помещении почернелые портреты предков мрачно смотрели на своего дряхлого потомка.

– Был ли вчерашний день? – подумал старик.

В самом тёмном углу галереи висело несколько пейзажей. Бог весть откуда они взялись.

Он осветил картину, на которую часто смотрел в далёкие прежние годы.

Унылая осенняя пустошь. Низкое мутное небо. Слева – тощая корова лениво щиплет остатки травы, и маленький мальчик, пастушок, тщетно пытается прогнать её хворостиной. Справа – мокрая дорога. Ему казалось, по ней ушла та девушка и скрылась за серым холмом, покрытым вереском. На холсте постоянно моросил дождь, её следы расплылись и сделались почти невидимыми. Лишь один, последний, едва темнел у склона холма.

Вдруг на горизонте вспыхнул таинственный свет. Он становился всё сильнее. Озарились холмы и дорога. Старик вдруг со всей очевидностью почувствовал: девушка возвращается, юная и прекрасная, как в тот день. День исчезновения. Сердце его бешено забилося, как в молодости перед первым свиданием.

Испуганное счастье взорвалось в груди, как фейерверк.

– Не надо! – крикнул он. – Не хочу! Поздно.

И упал замертво.

ПОСЛЕДНЯЯ СМЕРТЬ

Лодка с разбега врезалась в прибрежный песок. Старик и мальчик протащили её с лёгким мокрым скрипом вверх по склону, перевернули, чтобы вылить воду и высушить. Не раз им приходилось уже укрываться под её просмоленным днищем от непогоды. Но прежде, чем упасть без сил на тёплый приветливый песок и провалиться в мёртвый бездонный сон, они тщательно разложили подальше от прибоя листы Священной Книги своего народа, придавив их небольшими камнями, чтобы их не унесло ветром. Страницы были изрядно подпорчены и морской водой, и ливнями, которые не раз захлёстывали их утлую лодчонку в последние дни.

Даже с небольшой возвышенности было видно, что они попали на маленький островок, заросший диким виноградом, грецким орехом, пальмами, пиниями, какими-то ароматными кустарниками. Неподалёку, среди блестящих валунов, пробивался из-под земли звонкий прозрачный ручеёк.

Огромный остров, почти континент, на котором они недавно так счастливо и безмятежно жили, был разрушен ужасающим землетрясением и погружился в океанскую пучину. Они не знали, спасся ли кто-нибудь из их столь великого, славного и самонадеянного народа.

И только опасности плавания были способны отвлечь порою двух выживших от стоявших перед глазами картин разрушений, смерти, всеобщего озвещения. Самым страшным для мальчика был нечеловеческий страх ещё недавно столь самоуверенных, спокойных и холёных взрослых.

Утолив пылающую жажду и ополоснув лица, они заметили, что нестерпимая бессонная резь в глазах несколько ослабла, а радужные круги, мерцающая плавающая вокруг них, немного померкли. Совершенно обессиленный, рухнул он на песок, прямо на том месте, где стояли, словно в бездонную пропасть полусна, полуобморока.

Проснулись они внезапно от леденящего шелеста пальм и глухого ворчания других деревьев. Это напоминало оскорблённых зверей. Одинокая пиния над скалой раскачивалась, словно хмурая ворона на могильном памятнике.

Небо не предвещало ничего доброго. Оно помрачнело и вдруг сорвалось с мачты мира, словно бескрайний парус огромного корабля, косым ударом натмашь хлестнув по островку и, сорвав листы священной рукописи о происхождении и деяниях их народа, взметнуло, словно стаю смертельно испуганных птиц и унесло, клубя и крутя в безумном смерче, в простор океана.

Мальчик рванулся к разозлённому нарастающему прибою, пытаясь схватить хотя бы последний сумасшедший, бешено мчащийся листок, но старик удержал его. Тщетно и слишком опасно.

На берег, обезумев, мчались взбудораженные белогривые табуны прибоя. Вскоре они показались мальчику стремительными колесницами древних героев, разъярённые кони которых вставали на дыбы, лучники осыпали землю вокруг мгновенными стрелами ослепительных молний. Ураган яростно швырял на берег крики призрачных конников, всхлипы и стоны раненых, хрипенье умирающих под копытами обезумевших коней океана.

Двое выживших укрылись в маленькой пещере, скорее, даже выемке в скале.

«Нашего народа нет, – промолвил старик, – теперь оказывается, что его никогда и не было на земле».

По его лицу текли слёзы, напоминающие грязные селевые потоки, которые проносились совсем недавно по морщинам их родного погибшего города.

ГОТИЧЕСКИЙ ЗАМОК

Лунные лучи пронзали полупрозрачную штору, слегка смятую ветром, словно кинжалы наёмных убийц свою неумело спрятавшуюся жертву.

ПЕРВЫЙ ДРУГ

Может быть, давным-давно, тоскливым мглистым вечером за большим письменным столом грустный и одинокий сидел Господь Бог.

Может быть, Он любовался таинственными переливами пламени в камине и их смутными отблесками на стенах и думал о том, что когда-нибудь, через миллион столетий, на маленькой голубой звезде предстоит появиться стране по имени Россия.

И в ней будет поэт – Пушкин. И однажды в ссылке его навестит первый друг, ещё детский, лицейский друг. Он явится неожиданным подарком, словно первый, радостный снег судьбы. Но ведь счастье и есть великая внезапность сверкающей неземной новизны... О, это будет счастливейший день, который пролетит, как мгновенье, за вином и бесконечными бурными разговорами со всей полнотой пыла молодости, над которым и само время не властно, – разговорами обо всех временах – прошлых, настоящих, будущих, обо всём самом прекрасном и вечном в жизни, о том, что останется навсегда, несмотря на всю видимую мимолётность человеческого существования.

Но вот придёт пора прощаться. И сердце сдавит тоска и перехватит горло. Один лишь просвет промелькнёт в непроглядной мгле – надежда на грядущую встречу.

Стало совсем поздно. Зимой так быстро смеркается. Пушкин выйдет со

свечой на крыльцо, всматриваясь в темноту. Прощально прозвенит колокольчик...

Эта встреча была слишком прекрасна, – решил Господь Бог, – пусть она останется неповторимой.

И погасил свечу.

Порывом внезапного ветра.

ПАЛАЧ

На целом свете нет профессии легче и приятнее нашей, поэтому я с чистой совестью пожелал бы тебе, сынок, унаследовать наше семейное ремесло и стать достойным продолжателем нашей профессии.

Сам посуди: со временем изредка менялись орудия нашего производства, но суть оставалась прежней – один, всего лишь один удар острия – и готово!

Да разве сравнишь это с ежедневной каторгой мясника, который обязан с утра до вечера махать тяжёлым топором, проявляя недюжинную ловкость и глазомер, да ещё стараться угодить привередливым покупателям, да ещё целый день дышать отвратительным запахом парного мяса и носить грязный фартук, до бровей забрызганный кровью.

А сейчас и вовсе – Век Просвещения – технический прогресс невероятно облегчает жизнь. Разве нужно быть великим механиком, чтобы управляться с гильотиной? Ничего подобного: нож собственной тяжестью перерубает шею в нужном месте. Как говорится, что такое удача? Это быть в нужное время в нужном месте. Так вот, лезвие гильотины – недостижимый идеал для каждого человека. При этом вся твоя работа – лишь стоять, внутренне посвистывая и заложив руки в карманы, пока нож выполняет за тебя дело.

Или разве сравним твой труд с портновским? Боже мой! Видеть с первого взгляда все изъяны и достоинства фигуры, кроить без утомительных и неприятных примерок, как это и делают настоящие мастера, всю жизнь овладевать тончайшими секретами профессии, чтобы с чистой совестью сказать: беру деньги только за свою работу, материал предоставляю бесплатно.

А у нас – просто взял большие ножницы и как попало отчекрыжил воротник рубашки, и никто, а меньше всего приговорённый, не упрекнёт тебя, что ты отрезал неровно или отхватил несколько лишних сантиметров... Ну Боже мой, это можно поручить даже самым малым детям, не привыкшим ещё управляться со своими неуклюжими ручонками.

А потом отхватить клок длинных волос, чтобы не заслоняли шею, да это же просто пародия на работу парикмахера! Самую длинношёрстную овцу стригут с меньшим тщанием, чем кудри приговорённого. И только на шее. И при этом нисколько не обращая внимания на красоту причёски. Замечал ли ты, как обращаются с куафёром? Свысока, как и со всякой прислугой. Люди не склонны уважать тех, кто исполняет их прихоти. А унижения, капризы, грубости, которым они ежеминутно подвергаются... Посмотрел бы я на тебя в их шкуре! А наша профессия, пожалуй, самая независимая в мире. Если мы кого-то и обслуживаем, то лишь Господа Бога, ну и немного – государство!

Некоторые люди, любящие усложнять жизнь, приписывают нам, па-

лачам, какое-то особенное понимание психологии... Нет, ничего подобного! Обычно жертва не сопротивляется: даже самые храбрые или самые трусливые, – все! все прекрасно понимают, что им выгоднее избавиться от всех неприятностей, связанных с переходом в мир иной, как можно раньше.

Да и вообще наша профессия, пожалуй, самая гуманная на свете. Избавить приговорённого от вериг земных страданий! Что может быть прекрасней! Позови ты ему в это время врача – врач только усугубит его мучения. Да и разве не каждый из нас – приговорённый с отсрочкой исполнения приговора? Посмотри на милого невинного златокудрого ребёнка, румяного, переполненного шаловливым весельем, да разве он представляет, какие бедствия могут подстергать его уже в этот день, может быть, уже через мгновение: увечья, смерть родных, болезни, оскорбления, а дальше – больше – несчастная любовь, унижения, предательства друзей и близких, воры, убийцы, маньяки, злодеи всех сортов и видов, всесильный и страшный своим равнодушием механизм государства, если, конечно, тебе не дано жить с ним душа в душу и, какие бы при этом адские гримасы государство ни строило, успешно совершать карьеру... Но такие люди, – уж поверь мне! – встречаются крайне редко. Ведь у человека, даже самого плохого, всё-таки обычно есть душа, пусть даже в зияющих дырах и лохмотьях, а у государства её нет вовсе, вот и подумай, как же два столь различных существа – человек и государство – смогут хоть когда-нибудь спеться...

Да, не все ожидающие смерти пассивны и одиноки, бывают иной раз и успешные побеги, но никогда в этом случае не обвиняют палача, у которого свой очень узкий и чётко очерченный круг обязанностей. Во всём остальном – полная безответственность. Знай, мой сын, беспечность – лучшее украшение любой профессии, её подлинная сладость, аромат и послевкусие. Груз земных забот слишком тяжёл, он не по плечу смертному. Человек здесь как бы пытается соперничать с Господом, а подобное самомнение до добра никогда не доводит. Сладко спи на постели безответственности, и тогда сладкой и долгой будет твоя жизнь, может быть, ты встретишь свой сотый год, прожив на редкость спокойную, беззаботную и напоённую безмятежной мудростью жизнь, почти свободную от болезней и ненужных волнений и тревог. Отвыкаешь тревожиться о пустяках – в этом привилегия палача.

Говорят, что хороший палач должен быть немножко актёром. Пожалуй, но и это – не трудно. Разумеется, не стоит прыскать со смеху, стоя на эшафоте, но тебе вряд ли придёт это в голову. Не суетиться, держаться просто, естественно, с достоинством – вот и весь секрет! Спокойствие палача всегда исполнено достоинства. Да и как может быть иначе, если это единственная серьёзная профессия на земле? Все остальные как-то пахивают пустяками.

Никакого сравнения с дьявольской, по сути, профессией изошрённых лицедеёв, вживающихся в роль, что не легче, чем переселиться в чужого человека, что уже сродни богохульству. Не случайно в прежние времена этих скоморохов не хоронили на общем кладбище... Правда, и палачей – тоже, но в нашем случае это – лишь свидетельство избранности. В общем, актёрского таланта нам требуется не больше, чем статистам в грشовой массовке: постоял

немного, как истукан, – и готово! Двигаю домой – есть честно заработанный хлеб. За палача актёрствует обстановка, а казнит механизм.

Палач – один из самых достойных членов общества. Любое уважающее себя государство прежде всего нуждается в палаче. Порой могут проявить фамильярность даже к министру, скажем, оппозиция, особенно если он попадётся на неприглядных делишках, – тут грязи не пожалеет никто. А как ему не попасться, сам посудите, если неприглядные делишки и есть его главное дело, почти что суть его профессии? И это закономерно, ведь злоупотребление властью и есть её единственное настоящее употребление.

С палачом никому в голову не придёт быть фамильярным. Одни боятся неизвестно чего, другие суеверны, третьи опасаются сами попасть на эшафот, – чем Бог не шутит, – и тогда ничто не спасёт их от мести палача, который способен изрядно потрепать им нервы перед смертью, да и просто прибавить физических мучений (которых, кстати сказать, не любит никто), ну и вполне способен, разумеется, наш брат изрядно подпортить иным позёрам театральное представление под названием «Героическая смерть», посбивав с них позолоченную мишуру хвастливой храбрости, дутой твёрдости духа и мужественного терпения, тщательно скрывающую под этой маской самую что ни на есть слабонервную истеричность. Сам посудите, ну кому понравится идти на тот свет публично, да ещё и опозоренным?

Не последнее преимущество нашей профессии и возможность выживания. Наступили слишком опасные времена. Что поделаться? Свобода требует от слишком многих освободиться, а равенство – срезать все слишком высоко или низко растущие головы. И никто не знает, на каком уровне следует остановиться. Но ведь самое безопасное место для мухи – мухобойка. Любых людей можно казнить без счёту, и всегда найдутся теоретики, которые придумают этому самые убедительные оправдания. Но поднять топор на палача... Это уж конец всех времён! Тут и самый распоследний тупица догадается: в государстве что-то неладно.

Представь, если по недомыслию, по ошибке казнят палача, и придёт ему на замену какой-нибудь неумеха, не имеющий понятия даже об азах нашей профессии. Что из этого последует? Упадёт авторитет государства. Что это за государство, если не может наладить работу даже одного человека – палача? Кто поверит, что такое государство сумеет организовать людям хорошую жизнь?

Неумелая казнь, непреднамеренные мучения жертвы могут вызвать недовольство и ропот зрителей, сочувствие к врагам государства.

Правительство, которое этого не понимает, само достойно гильотины, и никто ему не посочувствует в этом случае.

Эшафот важнее театра. Много ли простых людей посещают театр? У них не только нет денег, но и образования, чтобы понимать высокопарные речи персонажей. А здесь всё ясно. Знаковок государственных дел очень мало. Люди судят о государстве по нашей работе, которая понятна всем. Именно эшафот и есть настоящий общедоступный театр, который формирует общественное мнение. Враг порядка должен быть уверен: при необходимости – чихнуть не успеет, как его голова окажется в корзине, хлопая от удивления глазами.

У многих только так и возможно воспитать уважение к государству.

Гильотина – самая лучшая воспитательница.

Чтобы казнить преступника, нужен палач, а, чтобы казнить палача, кто? Правильно! Преступник! Допустив подобное, правительство само себе подпишет смертный приговор. Главное, – и при любых зверствах, – не нарушать меру и благопристойность.

Итак, намотай себе на ус, даже прежде, чем он у тебя пробьётся, – наша профессия как никакая другая учит добродетели, рассудительности, здравому смыслу, благородной серьёзности в отношении жизни, а раз так, на свете нет судьбы достойней, надёжней, спокойней, чем у палача.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ УЛИЦЫ

Порою мне нравится бродить по этим забытым Богом тесным улочкам, иногда с остатками деревянных тротуаров и дорогой, небрежно посыпанной щебнем, чтобы сделать её хоть немного проезжей во время дождей. Вокруг большей частью двухэтажные дома из почернелых от времени брёвен, изредка – некогда красивые резные терема со слегка сквозящими крышами и с чердаками без стёкол, в которых завывает ветер.

Хмурые тополя, словно ветераны Цезаря, встречают прохожего застывшей судорогой угрюмых лиц, изрубленных в бесчисленных сражениях, но таящих в глубоких морщинах несокрушимое спокойствие привычки ко всем житейским бурям и невзгодам, а более всего, усталое равнодушие к своей судьбе, какой бы страшной стороной она ни обернулась. Порою отсутствует ветвь, а иная – полумёртвая – висит, словно перерубленная рука.

Иногда, как внезапный ледяной озноб, пробирает странный страх: а вдруг дорога за тобой без следа исчезла, оставив пронзительную боязнь обернуться, и ты навсегда попал в совсем другое время, столетия на полтора ранее, и вдруг посередине лета за твоей спиной тяжёлыми клоками повалит влажный снег, навсегда погребая твою прежнюю жизнь, а затем по-разбойничьи засвистит ветер, и легковойное безумие метели навсегда засыплет всё Мироздание.

Но вот впереди распахнутый настезь двор, густо поросший крапивой, полынью и сорной травой.

В его глубине чернеет заброшенный бревенчатый склад, вросший от старости в землю. Возле него тоскливо шумят вершины молодых клёнов, баюкая Вечность, дальше – угрюмый забор и низкое небо над тупиком. И кругом такая глушь, словно ты остался один на всём белом свете, а не в пяти минутах ходьбы от оживлённой улицы, полной гула автомобилей и человеческих голосов, а тут такая глушь, такая нестерпимая глушь, словно ты вышел из своей жизни и очутился, то ли во сне, то ли наяву, в чужой, странной и необычной, там, где среди шелестящей листвы нас стерегут души умерших, прежних обитателей этих мест, а подальше, в глубине зарослей, между развалинами убогого жилья и низко стелющимися яблонями, столпились души неродившихся, чуть слышно стеная перед скрипящими, безразличными, как смерть, вратами земной и зримой жизни... Укромный и страшный уголок, наверное, как и всякое место на земле, когда ты замечаешь в нём трагическое равнодушие Мироздания.

Елена Клименко

ИЗУМРУДНЫЕ КРАСКИ ДЕТСТВА

*Ель в лесу, под елью белка;
Диво, право, не безделка –
Белка песенки поёт,
Да орешки всё грызёт,
А орешки не простые,
Всё скорлупки золотые,
Ядра – чистый изумруд...*

А. С. Пушкин,
«Сказка о царе Салтане»

Следуя поставленной задаче вспомнить хорошее и ориентируясь на *зелёный* как цвет оптимистический, бодрящий (молодо-зелено!), попробую собрать золотые скорлупки воспоминаний и обнаружить в них «ядра – чистый изумруд». Итак, скорлупка первая.

СЕЛО И ОКРЕСТНОСТИ

Село наше, Первомайское (до 1965 года Пышкино-Троицкое, районный центр), распахнутое всем ветрам, многим нравится, особенно проезжающим мимо: ровное, улицы широкие... Не какая-то глухомань. За околицей поля, перелески. Хотя и тайга недалеко, за полями.

Само село на горе – такой каравай, тесто, вырвавшееся из кадушки. А под горой неспешно несут свои воды, огибая село с двух сторон, мелкие речушки Беляй и Куендат. Так и назывался район села на въезде со стороны реки Чулыма: «*Малые реки*». Заводи речушки Куендат, зарослиaira (пупырчатые «крокодильчики»). Боялись пиявок, но бродили, доставая из прозрачной воды водоросли, из которых я пыталась делать самодельную бумагу. Ещё на Куендате рыбачила с удочкой, на червя ловились чебаки, ерши.

Садовая смородина не могла сравниться с лесной. Поэтому за душистым сибирским виноградом ходили «под гору» в примыкавший к берегам Чулыма смородишник. Там нас встречали покрытые улитками дремучие кусты в человеческий рост, настоящие джунгли, бурелом – чёрт ногу сломит, матёрые лесные комары. Там же собирали черёмуху. Крутили её потом на мясорубке, засыпали сахаром – получалась начинка для рулетов-пирогов.

Дальше, по течению Чулыма, ближе к железнодорожному мосту находился посёлок Борисова гора. Чулым – река серьёзная, однажды чуть не утонув, плавать я так не научилась. Мама сама плавать не умела и меня научить не могла.

В моём детстве, в 70-е годы XX века, всюду ходили пешком. Например, пару километров на Беляй, где был хороший магазин речников. Или за семь километров в Торбеево, в сельпо за сгущённым какао, ситцем и прочими сокровищами. Я ходила быстро, любила это дело.

Редко когда на обратном пути из леса или с огорода кто-то подвозил нас до деревни. Свой транспорт – велосипед – появился только вместе с отчимом, когда мне было уже четырнадцать лет. Тогда я и научилась ездить на велосипеде. Мама учила меня на школьном дворе. Потом с другими подростками гоняли на великах толпой по деревне.

На краю села стоял колхозный курятник. Страдая от едкого запаха куриного помёта, рылись в горках мелкого ракушечника, привозимого для улучшения куриного пищеварения. Там можно было найти почти целые раковинки и мечтать о морях-океанах.

В посёлок Беляй можно было идти «по верху» над рекой Беляй или «по низу» – вдоль реки Чулым, весной. Ноздреватый снег, яркое солнце.

На высоком крутом обрыве реки Беляй зияли разрушенные землянки. В детстве как-то не задумывалась, кто жил в этих землянках на краю деревни. Хотя одна землянка даже вошла в моё детское стихотворение о котёнке, который бегаёт там-сям. Землянка у меня в стихотворении рифмовалась с полянкой. Но само слово «землянка» было прочно связано с войной, с партизанами.

О военных годах мама (1936 года рождения) рассказывала мало, только что голодали, ели лебеду, хотя дед Гриша – мамин отец, по семейной легенде, работал в пекарне. А ещё он учил новобранцев на курсах где-то под Новосибирском. Дед Гриша был из семьи раскулаченных и сосланных из Красноярского края (из Сибири в Сибирь). Его отец, Фрол Евстафьевич Громов, умер в трудармии. Реабилитированы в 90-е.

В моём детстве дед Гриша был женат второй раз, снова на Шуре (Александре), держал овец и корову. Продавал нам, своим внукам, молоко. Ещё в его огороде мы сажали капусту. У других его внучек (от дочери Татьяны) была своя корова. А мы молоко покупали. Кроме деда – в магазине, куда ходили с бидончиком, или с банкой трёхлитровой к учительнице Римме Давыдовне, живущей на соседней улице, рядом с «мясным» магазином... «Здравствуйте-Спасибо-До свиданья». Только это я, воспитанная, но забитая девочка, могла выдать из себя при встрече.

Сельское кладбище – его ласково называли «могилки» – на краю леса нас не пугало. Бывали там часто, навещали родственников. Мимо него по трассе ходили на небольшой лесной огород, «поля», где сажали картошку; и за грибами. Напротив кладбища находилась бензоколонка, где работала наша родственница тётя Зоя Маметьева, жена дяди Гани, мать сыновей-двойняшек Сашки-Серёжки и кудрявой дочери Натальи.

Заслышав стрекочущий вертолёт санавиации, пока он разворачивался над селом, бежали на стадион, где вертолёт приземлялся и забирал в город тяжелобольных или привозил врачей. Ещё время от времени над селом пролетали *зелёные* пожарные вертолёты – тушить горящую тайгу.

Рядом со стадионом, в берёзовой роще, располагалась открытая деревян-

ная эстрада-танцплощадка. Как оказалось, на месте бывшего кладбища. Не обсуждалось, кстати, почему там такая бугристая земля.

Как-то сидели вечером на стадионе, слушали концерт. И вдруг над нами по тёмному небу проплыл «ковёр-самолёт» НЛО – гигантский скат, взмахивая плавниками. Подружка Маришка скосила на меня круглые глаза: «Ты видела?!» – «Угу». Мистика.

Через реку Чулым перебирались летом на пароме, зимой – по «зимнику», брёвнам, вмороженным в лёд. Распутица сулила приключения – не добраться в город (из города). Как-то, уже в студенчестве, опоздав на последний автобус (и поезд) до родного села, заночевали с подругой в Асино (семь километров до Первомайки) в крайней избе. Хозяйка-старушка, как выяснилось утром, всю ночь не спала, положив топор под кроватью – боялась нас, и мы тоже не спали – боялись старушку.

МОИ ПЕРВЫЕ КНИЖКИ

Моя первая книжка была *малахитово-изумрудная*. Эта стихотворная морализаторская история (Леонид Дьяконов «Жила-была царевна», сербская сказка) вещала о ленивой царевне-королевне, которую «перековал» простой крестьянин, добрый молодец. Научившись читать в четыре года, я быстро выучила текст и шпарила наизусть рыжей соседке-подружке Наташке. Наташка была старше меня на год, но читать не умела. А у меня в руках только мелькали страницы, разрисованные чудесными оттенками *зелени*. Эти замечательные рисунки и сейчас стоят у меня перед глазами.

Была ещё одна книжка, прозаическая новогодняя история, содержание которой забылось. Запомнились только картинки: красочный конфетопад и огромные круглые глаза главного героя, на которого обрушилось такое счастье. На фоне ёлки. Разумеется, *зелёной-презелёной*.

Наша с сестрой мама работала учительницей начальных классов и постоянно рисовала наглядные пособия (уточек, например), поэтому в ходу у нашей семьи были книжки из серии «Сделай сам» или «Поделки из природных материалов». Их можно было разглядывать бесконечно. Ну и иногда что-то мастерить.

Кроме книжек выписывали и читали-смотрели журналы «Весёлые картинки» и «Мурзилка». Оттуда в мой повседневный обиход переключалось стихотворение «Ты, старик, поймай мне щуку. Я её поджарю с луком»...

Опять же благодаря маме и стихам, выученным в детстве, мы с сестрой до сих пор любим между делом цитировать детские стишки. Например, Агнию Барто, эти маленькие трагедии из жизни игрушечных мишки, зайки и бычка. «Уронили мишку на пол, оторвали мишке лапу, всё равно его не брошу, потому что он – хороший», «Зайку бросила хозяйка, под дождём остался зайка. Со скамейки слезть не мог, весь до ниточки промок». Это – навсегда. Это культурный код нашего поколения.

Воспитание чувств происходило на примере и других стихов Агнии Львовны. Например: «Мне теперь не до игрушек – /Я учусь по букварю, /Соберу свои

игрушки /И Серёже подарю. /Деревянную посуду /Я пока дарить не буду. / Заяц нужен мне самой – /Ничего, что он хромой... /Мне теперь не до игрушек – /Я учусь по букварю.../ Но я, кажется, Серёже /Ничего не подарю» и т. д.

Стихотворение Агнии Барто «Дело было в январе. Стояла ёлка на горе. А возле этой ёлки бродили злые волки...» не так давно мы с коллегами инсценировали в Институте развития образования.

Хорошо помнится Елена Благинина: «Мама спит, она устала. Ну и я играть не стала. Я волчка не завожу, а уселась и сижу...».

Не забыть «Серую шейку» Дмитрия Мамина-Сибиряка. От нахлынувших слёз я никак не могла дочитать эту историю. И долго не знала, что она закончилась благополучно. По этой истории был снят советский рисованный мультипликационный фильм (1948 г.).

Мой любимый сказ Павла Бажова «Серебряное копытце» из сборника «Малахитовая шкатулка» (старик Кокованя, девочка Дарёнка, кошка Мурёнка).

В издательстве «Малыш» СоюзмультФильм выпускал серию книжечек по мультикам («Чьи в лесу шишки» и др.). Мне очень нравилась одна из них: «Три дровосека». Мультфильм «Три дровосека» был снят по сказке Афанасьева «Пузырь, соломинка и лапоть» в 1959 году. Это сказка о взаимовыручке. «Жили-были три товарища: Пузырь, Соломинка и Лапоть. И приключилась с ними необычная история, когда пошли они за дровами в лес...». В конце концов дрова друзья добыли, растопили печь и приготовили пшённую кашу. И эта ярко-жёлтая, солнечная пшённая каша для меня навсегда связана с этой историей, символ детства.

Были ещё диафильмы, которые мы проецировали фильмоскопом на печную стенку. Сказку про Красную Шапочку, например. «Красная Шапочка» была с нами постоянно и в виде настенного коврика. Дремучий лес занимал большую часть коврика, на переднем плане стоял огромный волк и смотрел в упор на бедную Шапочку. До крепкого бабушкиного дома было рукой подать. И перед сном я любила помечтать, глядя на коврик, чтобы Красная Шапочка успела спрятаться в домике.

Из «Денискиных рассказов» Виктора Драгунского особенно актуальным для меня был рассказ «Двадцать лет под кроватью». Под нашей высокой железной кроватью можно было прожить достаточно долго. А для начала спрятаться от мамы, если она решила наказать меня за какую-то провинность.

В нашей небольшой домашней библиотеке был синий двухтомник Маршака. Из него мне полюбились и запомнились переводы с английского («Вересковый мёд», «Баллада о королевском бутерброде») и собственные сочинения Самуила Яковлевича («Кошкин дом», «Сказка о глупом мышонке», «Багаж», «Жил человек рассеянный на улице Бассейной» и др.).

Позднее прочла и любила истории о муми-троллях Туве Янсон, Малыше и Карлсоне Астрид Линдгрен, Винни-Пухе Алана Милна и всех-всех-всех, «Робинзона Крузо» Даниэля Дефо и «Оцеолу – вождя семиолов» Майн Рида, мечтая о путешествиях и приключениях.

Русский язык мне родной. То и дело от матери слышалось (учительская мудрость): коlobkova корова, чёрт ногу сломит, выдра болотная, надолго со-

баке блин, как об стенку горох. Сыпала выражениями: «Ну ты и вчистила!», «Как на охоту идти, так собак кормить»; «Ни тятя ни мама». Присказку «Ласковый телёнок двух маток сосёт» – я терпеть не могла, ибо не хотела ломать себя, подлизываться. Всё равно у меня это получалось коряво, и желаемого я не получала.

ДЕТСТВО НАШЕ ЗОЛОТОЕ

Сказочные мотивы перетекали в жизнь. Летом на соседнюю улицу в моём селе Первомайском (хотя родилась я ещё в Пышкино-Троицком) приезжала девочка из закрытого города «Почтового» – настоящая Златовласка с роскошными кудрями, собранными на макушке бантом, как у Мальвины. Та улица за углом от бабушкиной славилась густыми палисадниками и уютными заросшими травой-муравой двориками, где можно было играть. На нашей же улице кроме одинокой берёзы у бабушкиного забора деревьев не было. А дворик наш был загажен утками и курами.

В бабушкином палисаднике кроме дремучей малины росла невысокая кедрА. И шишки на ней уже были. Сохранилась фотография: на фоне заснеженной кедрЫ мы с подружкой Наташкой стоим рядом в шубейках и шапках на резинке – словно круглоголовые медвежата. Рядом мой отец Виктор СтепановичКлименко в треухе, в распахнутой стёганой фуфайке с голой тощей шеей.

Есть и портрет моей бабушки на фоне бани. Эта крохотная кособокая банька выросла в картофельные ряды бабушкиного огорода. Топилась она по-чёрному. Поэтому, помывшись, надо было постараться выбраться наружу, не испачкавшись сажей со стен. А летом по дороге из огорода к сеним – миновать клювачего петуха.

Давно снесена бабушкина избушка, в пару окон с улицы. Но на фотографии, сделанной отцом, на пригорке под берёзой, сидят и хохочут: скуластая бабушка в ситцевом полосатом платье, косы «качелями»; мама, тоже в пёстром платье, белом газовом платочке и я, стриженная под мальчика, размахиваю целлулоидным зайцем.

Увлечение отцом фотографией сохранило множество снимков моего раннего детства – до четырёх лет, до отъезда отца из Сибири.

Позже фотографировались реже. Хотя был сосед-фотограф. Он запечатлел нас с сестрой на кухне в новой квартире: на табуретке наши нехитрые игрушки: посудка железная, петушок-неваляшка, пупсы. «Задник» из покрывала еле прикрывает умывальную раковину за нами и печку сбоку.

Есть фотография во дворе, где мы носились с санками и без. Двор был обший на два деревянных «восьмиквартирника», где жили служащие: учителя, врачи, редактор районной газеты, ветеринар, телемастер и другая интеллигенция.

В фотоателье ходили часто, чтобы посылать родственникам фотографии по случаю праздников наравне с открытками. По этим фотографиям можно оценить мой тогдашний гардероб дочери матери-одиночки: кроличья шапка, пальто с воротником из искусственного «леопарда». Такие выдавали малои-

мушим. И подруга моя рядом – настоящая леди в пятнадцать лет: драповое пальто с брошкой, берет с замысловатым цветком. Но это позже.

А пока через дорогу от бабушкиного дома *зеленел* вонючий утиный пруд. На берегу пруда жила девочка Валя, которая, будучи младше на год, однажды уговорила меня отправиться на реку Чулым, на Пески. Мне было пять лет, ей четыре. Мы беспрепятственно пересекли всю деревню. Догнали нас уже за околицей, на повороте к Пескам.

Наискосок от бабушкиного дома на пригорке стоял «теремок» бабы Насти, нашей с сестрой няни. Пригорок густо зарос зелёными «баранчиками» и ярко-розовой дикой гвоздикой. Там мы рубились в «солдатики» метёлками цветущего подорожника. Мне запомнились ВЫСОТЫ этих дорожных обочин. А недавно прошла там и удивилась совершенной ПЛОСКОСТИ поверхности. Няней я и сама «работала» – для своей сестры, которая была младше меня на четыре года.

Мама рассказывала, что на вопрос: «Как тебя зовут?» я в раннем детстве отвечала: «Енька». И непонятно было: то ли Ленка, то ли Лёнька... Да и по виду нельзя было определить, мальчик или девочка – стрижена коротко, майка-труссы. Тогда ещё модная была песенка-танец «Летка-енька».

Помню наводнение 1966 года в посёлке Чулымском Асиновского района, где жила с родителями, и плывущего по затопленным сенам моего жёлтого плюшевого мишку из папье-маше. Мишку можно было завести ключом на спине. И тогда он шёл, переваливаясь с боку на бок, и рычал. Мама сомневалась в моих воспоминаниях, так как мне было всего четыре года. Но я и сейчас ясно вижу полумрак сеней нашего щитодомика, отпечатанный на боку покачивающегося на воде мишки кружок-вмятину от аптечного пузырька. И окружённый мутной водой штакетник, по которому мы перебирались в лодку.

В пять лет я заболела корью и лежала в тёмной комнате бабушкиного домика. Тогда приехал из Совгавани мой лёлка, дядя Саша, капитан дальнего плавания, в белом парадном кителе. Помню, как он появился в светлом проёме двери, держа подмышкой красную рыбу, завернутую в газету.

Детство не обходилось без происшествий. Однажды мама попросила меня принести ей сестрины ползунки, сушившиеся на приступке печи, придавленные чугунным утюгом. Конечно, я потянула за ползунки. Утюг-то был чугунный, неподъёмный. И этот утюг упал мне на ногу. Нога распухла. Из-за этого я носила один сапог свой, другой – мамин. Мать переживала, что я не смогу пойти в школу. Но до школы всё зажило.

С подругой Наташкой мы часто играли на кучах песка, сваленного рядом с дорогой, придумывали себе разные истории. Позднее, школьниками, играли во дворах в «штандерстоп», «ножички», лазали по сохнувшим срубам, болтались на турниках, шлялись по всей деревне, бегали то в Сельхозтехнику, то на маслозавод, или на дальний край села в Заготскот.

Там, как вспоминала мама, в её детстве росло море грибов: «Телегами возили. Идёшь по мелкому соснячку, а там рядами: белянки, белянки...». Белянки – это мелкая и суховатая разновидность груздей, с пушистыми краями и кругами на шляпке, как у розоватых волнушек.

За грибами ходить мы все любили. В отличие от мелких ягод, грибы на-

полняли корзинки куда быстрее. Да и не приходилось лазать по бурелому. Грибы сушили на окнах на ниточках, солили в деревянных кадушках, эмалированных кастрюлях. Мой самый любимый аромат – ядрёно-горький, продирающий до печёнок запах сырого груздя.

Когда с нами в лес отправлялась шустрая сухонькая баб Таня, то ревностно следила, чтобы раньше её не напали на грузди. Невысокая, неутомимая, черноглазая баб Таня была из «исашной» родни по линии бабушки, маминой матери. Добра была и к нам, неблизким внучкам, время от времени предлагая: «Ну идите, попаситесь» (в малиннике). У нас-то в бюджетном «восьмиквартирнике» огородик был маленький, и малины-смородины пара кустов только.

ИГРУШКИ

Хорошо, что есть фотографии. Иначе я бы и не вспомнила, какое изобилие игрушек было у меня в раннем детстве, до четырёх лет.

На одной из фотографий сижу на детском стульчике на фоне покрывала, брошенного на спинку кровати. А под кроватью и рядом со мной валяются почти настоящий морщинистый резиновый слон, жёлтый плюшевый медведь из папье-маше, какие-то куклы.

На другой фотографии сижу на столе, освещённая справа светом из окна. Надо мной на специальной картонке висит настенный календарь («численник» – говорили тогда), там же, на гвоздике, компактный округлый радиоприёмник, накрытый вышитой салфеткой. Рядом со мной стоит мама и держит в руках целлулоидного петушка. Был такой вариант «неваляшки». Петушок переваливался с боку на бок, внутри что-то позвякивало. Помню ещё железную бабочку-самокат, которая в процессе катания раскрывала и закрывала крылья.

После ухода отца из семьи и рождения сестры с игрушками стало хуже. Новые покупались редко. Куда-то делись и те, что были. Мама имела привычку отдавать наши вещи, нас не спрашивала.

Я, конечно, мечтала о кукле. Но большую куклу с одним не закрывающимся глазом получила в подарок уже учась в старших классах. А может, и не мне её подарили. Маме её выпускники дарили не только хрусталь, но и большую игрушечную собаку, например.

Сестра вспоминает, что у нас были две куклы средних размеров, которым мы шили одёжки. Также мы очень любили наряжать в нарисованные одёжки бумажных кукол. Любимая игрушка «калейдоскоп» – вечно меняющиеся яркие узоры.

Большой коричневый плюшевый медведь с «олимпийской» медалью на груди был куплен нам с сестрой один на двоих. Из Красноярска был привезён симпатичный поролоновый тигрёнок Пётрик. Кажется, он был персонажем мультика. Тигрёнок надевался на руку – можно было играть в кукольный театр. Но недолго прожил тигрёнок у нас, увы, приглянулся соседскому ребёнку. Серо-коричневый заяц (а точнее, кролик – я видела таких в Германии на вольном выпасе у гостиницы) недавно перебрался к сестриной внучке.

Чудом сохранилась рыжая лисичка с головой из папье-маше и телом, набитым опилками. Я запечатлела её в стихах и нарисовала пастелью по наждачной бумаге.

Мама с неодобрением вспоминала, как я требовала купить эту игрушку: «Хочу лисичку!». Может быть, даже валялась на полу магазина. Какой ужас! Ха-ха. Чувствую, это был последний подарок из счастливого периода детства. К этой тощей зверушке в жёлтом сарафанчике, с толстым хвостом, изящными лапами, поворачивающимися туда-сюда, я испытываю особенное тепло, прямо родственное отношение. Видимо, лисичка – моё тотемное животное. Ведь бывают же и бесхитростные лисы. Наверное.

БАБА ШУРА

В казённый «восьмиквартирник» мы переехали после смерти бабушки. Мамина мама, баба Шура (Александра Андреевна Громова, в девичестве Куочакова), сибирячка, прожила недолго. Помню смутно, как бабушка сидела на пороге избышки и расчёсывала свои длинные тёмные волосы.

По версии дедовой раскулаченной родни, баба Шура была красавица и гуляла от деда. Я бы её красавицей не назвала: скуластое лицо, прищуренные глаза. К тому же дед Гриша после развода женился снова, а бабушка так и осталась одна. Но застолья она любила и отлично пела. Сохранилась чёрно-белая фотография застолья: бабушкин оранжевый абажур, зависший над праздничным столом. Освещённая еда (винегрет, картошка с капустой) – в центре, поющие лица в тени, вокруг. В общем, едоки картофеля на сибирский лад.

Вся «исашная» родня по бабушкиной линии любила петь и готовилась к этому действу, как к обряду. Поев-выпив и перекурив, рассаживались поудобнее вокруг стола, подбирались-настраивались и запевали сразу на несколько голосов. За бабушкины «коронки» после её смерти не брались, но всегда вспоминали: «Это Шурина песня». Так я долгие годы не слышала *«Сронила колечко со правой руки. Заныло сердечко о милом дружке...»*.

Когда после песенных застолий мы с мамой и сестрой возвращались домой, снег под валенками скрипел особенно празднично, загадочно светили звёзды, сказочно синели сугробы. Избы уютно подмигивали оранжевыми окошками из-под заснеженных крыш набекрень. Во мне долго звучал слаженный хор мужских и женских голосов, я чувствовала себя частью большой семьи и одиночество на какое-то время отступало.

Бабушка умерла, едва выйдя на пенсию. Этот солнечный майский день врезался в мою память. Мне было девять лет. Мы жили в крохотной бабушкиной избышке, состоящей из комнаты и кухни. Моя пятилетняя сестрёнка спала. Мама что-то готовила на кухне. Я там же, у печки, стирала в железном тазу свои оранжевые носочки.

Бабушка, лежавшая в комнате после онкологической операции, бредила во сне: «Юбки, юбки-то что разбросали...». Шумно и тяжело дышала. И однажды вдохнув, не выдохнула. Мама тотчас послала меня за бабушкиными подругами, работавшими поблизости на стройке. Прибежав туда, я ничего не могла сказать от душивших меня слёз, но женщины и так всё поняли...

КВАРТИРА

Итак, мы с мамой и сестрой примерно в 1971 году поселились в квартире в центре села. Квартира наша в бюджетном «восьмиквартирнике» на первом этаже была угловая, двухкомнатная, запахнутая окнами на две стороны. Кухонное окно смотрело на дорогу в проулок. Два других – в общий огород, где каждой семье полагалась узкая полоска грядок (огурцы, лук, морковь). Из маленькой прихожей коридор вёл направо на кухню. Из коридора – вход в большую комнату (зал), а из неё в маленькую комнату (спальню-детскую).

Обстановка – спартанская, мебель стандартная. В зале у окна стол обычный (не письменный), рабочий (мама за ним проверяла тетради, готовилась к занятиям); по периметру комнаты: шкаф книжный, диван, шифоньер. Позднее в угол встала журнальная тумба с телевизором. В спальне: высокая кровать с металлическими спинками, диван, вместо стола у окна тумбочка, за которой мы делали уроки; рядом бабушкин сундук с вышитыми полотенцами, навязанными впрок носками-варежками и облигациями, наклеенными на крышку. В детстве я наивно грезил, что в этом сундуке копится моё приданое.

Над диваном висела копия «Пионов» П. Кончаловского. Над кроватью – очень реалистично вытканый коврик с Красной Шапочкой и Серым Волком...

На кухне у окна круглый стол, слева холодильник, сервант. В полу посередине кухни крышка входа в подполье. Великое дело в деревне. В подполе хранились овощи и другие припасы нашей семьи и соседей со второго этажа, из квартиры над нами. Там жила учительница английского Валентина Афанасьевна с мужем и двумя сыновьями.

В квартире везде лежали самотканые дорожки – «половики». Печка своими тёплыми боками объединяла жилое пространство. В зал выходила духовка, где можно было сушить валенки, и дремал кот.

В грозу молнии сверкали во всех окнах, и спрятаться от их зловещего блеска и треска грома можно было только в коридоре. Помню шаровую молнию, шнырявшую по спальне и исчезнувшую так же внезапно, как и появилась. В грозу разрешалось спать на полу детской, где было не так страшно.

Шифоньер был светлый, округлый, вместительный. В одежном отделе можно было запросто играть в прятки, а в ящиках рыться в поисках маминых сокровищ – между постельным и нижним бельём там были припрятаны документы в пупырчатом ридикюле цвета бордо, рядом мешочек с шоколадными конфетами (убывающими якобы незаметно для мамы), а также брошюра о гигиене женского организма (источник запретных знаний).

Радиола, цвета соломы, прочно стояла на бабушкином сундуке. Радиола – это такой ящик деревянный, анфас заткан золотистыми нитями, сверху – проигрыватель для грампластинок, снизу – радио.

Радиола не только с удовольствием рокотала голосом Марка Бернеса «Тёмную ночь» и «Витьку с Моховой», но и перебрасывала радиомосты. Покрутив ручку, с небольшим скрипом передвигаешь стрелку настройки по зелёным строчкам чисел и букв. И сквозь писк и треск помех прорываются слова на разных языках... Чудеса да и только!

От бабушкиной иконы при переезде исчез оклад. Сама икона – на картонке написанная Богоматерь с младенцем – обнаружилась годы спустя. Бабушкина этажерка, что стояла в «красном углу» её домика под иконой, тоже исчезла при переезде.

Тогда же потерялась мандолина. Википедия сообщает, что на мандолине играют медиатором, пальцами, а также птичьим пером! Как жаль, что мама умерла, и я не могу спросить её, пробовала ли она в заснеженном северном селе Подгорном, куда её отправили работать по окончании педучилища, играть на мандолине птичьим пером – утиным, гусиным или сорочьим... Сохранился медиатор – рыжий пластмассовый лепесток, и фотография, на которой весёлая мама позирует с мандолиной в компании молодых подгорненских учителей.

НОВЫЙ ГОД

Когда конопатили окна по осени, на вату раскладывали игрушки.

Перед Новым годом дома украшали подоконники ватным «снегом», вырезали бумажные снежинки (дома и в школе), развешивали флажки и гирлянды. Доставали со шкафа и перебирали ёлочные игрушки: стеклянные бусы, сосульки, шишки, шары; были игрушки на прищепках; целая серия продавалась плоских картонных игрушек, ярких, переливающихся. Сверху ёлку щедро укрывали блестящим «дождиком». Ёлки у нас были искусственные: большая и совсем крохотная, настольная, с такими же крохотными игрушками. Золотинки от конфет и чая тоже шли в ход при изготовлении ёлочных игрушек.

Мама – мастер на все руки. Значит, карнавальный костюм – не проблема: белое марлевое платье, обшитое мишурой. Плюс картонная корона: ободок и профиль какого-нибудь существа. Таким нехитрым образом снежинка превращается в лебедя. Оранжевое платье шерстяное, вышитое на груди бисером, плюс душная маска из папье-маше, пахнущая клеем – вот тебе и лисичка. Подарок от школьного Деда Мороза обеспечен. Хороводы вокруг ёлки, стихи на стульчике. Последний раз, лет в 14, я изображала цыганку в мамином цветастом халате. Носила тогда длинные распущенные волосы до лопаток.

Каких-то глобальных подарков не случилось. Впрочем, в Новый год я особо и не переживала, поскольку следом шёл мой день рождения, который тоже если и радовал, то лишь мелочами.

ПРАЗДНИКИ И ПРОИСШЕСТВИЯ

Дом наш стоял в центре села. То есть мы находились в гуще событий. Какие события? Пожары да демонстрации.

Обязательные демонстрации на 1 Мая и 7 Ноября, рулеты с маком, жаренный в масле «хворост» и другие радости (например, копчёная селёдка). К Первому Маю ставили в воду веточки тополиные, которые выбрасывали клейкие листочки. И тогда к этим веточкам приматывали белые и розовые цветы из

гофрированной бумаги.

Кулинарных изысков в мамином исполнении не помню – кроме рисовой каши да молочного киселя. Варить борщ мы с сестрой научили её позднее. Мясо на столе появлялось зимой, когда наступали холода и люди кололи свиной. Тогда лепили пельмени (и морозили их в мешках-наволочках), варили холодец на Новый год. Еда детства: хлеб да молоко. От лучших времён остались жестяные банки из-под персикового компота, в них сажали помидорную рассаду. Иногда из селёдки мама делала «форшмак». Ещё помнится морская рыба нототения (скорее название, чем вкус). Из острой пищи был доступен томатный соус «Краснодарский», я его обожала и съедала по полбанки без хлеба. И до сих пор практикую это дело.

Из сладких радостей были распространены «петушки» на палочке, завёрнутые в прозрачный целлофан (?). Такие прозрачные леденцы задорного лилового цвета в форме не только петушков, но и других зверушек. Конфеты «дунькина радость» («подушечки»), обычно каменели в вазочках у бабушек-пенсионеров. Ириски «Кис-кис»... Конфеты в красочных обёртках из праздничных наборов «Ну-ка, отними», «Мишка на Севере», «Красная Шапочка», «Мишка косолапый (встречался и украинский «медведик клешеногий»), «Красный мак», «Каракумы», огромный «Гулливер» будоражили воображение.

Многолюднее демонстраций были только похороны милиционера, погибшего от рук хулигана.

А когда случился пожар на оптовой базе, вывалилась стена, обнажившая «сокровища», скрываемые от народа – горы эмалированных тазов, лопат и грабель.

Но самый страшный пожар случился в нашем переулке имени Карла Маркса (на задах милиции J), когда, проиграв в карты, дома соседей поджигала отсидевшая N, жившая через дорогу. Сначала она подожгла свой сарай. Наше кухонное окно над круглым обеденным столом раскалилось от огня пожара. Наши дома разделяли только небольшой палисадник и узкая дорога. Потом загорелся дом соседей – через огород от нас. Наша угловая квартира была на первом этаже, мы боялись поджога и какое-то время жили «на чемоданах», вернее, на узлах с самым необходимым.

МУЗЫКА – РЯДОМ

А постоянный праздник – это музыка. Музыка действительно была всегда рядом. Начиная с шести утра по радио. Лёгкая инструментальная, псевдонородная даже раздражала своей избыточностью. «Рожь ты, рожь, хорошо поёшь»... Хотя я родилась и выросла в селе, не умилялась берёзкам и рябинам... «Нам песня строить и жить помогает...» – рефрен тогдашней жизни. Так оно и было. Пели дома, в школе, в поле...

Для меня музыка рядом – это прежде всего застольные песни бабушки Шуры и её «исашной» родни. Мама по молодости тоже пела. Радиола, пластинки Георга Отса и Марка Бернеса... «В полях за Вислой сонной», «Руде руде-рык, а по-русски рыжик»... В раннем детстве, по воспоминаниям мамы, я

любила модную песню про чёрного кота и немного переделала её: «Как *посердились* кошка с котом»... В школьные годы под музыку делала уборку, подпевая пластинкам. Например, «Огромное небо, одно на двоих». Пела в школьном хоре с удовольствием: «Летите, голуби, летите, для вас нигде преграды нет...».

Два года отучилась в хоровом классе «музыкалки». Одноэтажное деревянное здание школы со скрипучими половицами сохранилось. Помню: только дверь откроешь – и сразу звуки со всех сторон, творческая волшебная атмосфера. Даже какое-то либретто сочинила, впечатлённая оперой «Садко»...

Музыкальную школу не закончила, так как не было возможности купить инструмент. Но и особых амбиций на этот счёт у меня не было. В нашем классе был свой вокально-инструментальный ансамбль, то есть были те, кто играл и пел гораздо лучше меня. Некоторые из одноклассников закончили музучилище, а кто-то и без специального образования до сих пор выступает с большим успехом на сельских праздниках.

ХОББИ

Кроме чтения увлекалась рисованием. В основном цветными карандашами. Автопортрет «После бани» сохранился. А также вид из окна на зимнюю улицу. Со школьной подругой Маришкой рисовали друг друга.

Какое-то время провела в кукольном кружке. Помню, что «Колобка» собирались ставить. Рядом с Домом пионеров располагалась библиотека, тоже деревянная, двухэтажная. Там же редакция районной газеты «Заветы Ильича».

Зимой катались на санках с крутой горы, ведущей к мосту через речку Куендат. На лыжах бегали по заснеженному огороду, там же строили эскимосское жильё иглу из снега. Заледеневшую одежду «ставили» по возвращении домой у печки.

Коллекционировали фантики (обёртки от конфет). Однажды нашли с подружками прямо на дороге несколько штук огромных (с вафельной прослойкой) конфет украинской фабрики с орнаментами на фантиках. Можно было найти даже банку консервов «Килька в томате», выпавшую в канаву из кармана какого-нибудь выпивохи.

Собирали марки, значки с портретами писателей, других выдающихся людей и героями мультиков. Этикетки со спичечных коробков расширяли кругозор: серия «Подмосковные усадьбы», например; «Животные заповедников» или «Вертолёты (бело-синие картинки)».

Когда я стала заниматься фотографией, отец прислал мне фотоувеличитель без объектива. Объектив нужно было покупать отдельно. Ехать в город. Возникали то и дело сложности проявления фотоплёнок: при заправке в проявочный бачок плёнка могла слипнуться, засвечивалась. Условий для проявки и печати в моём деревенском доме не было. Надо было занавешивать одеялом кухонное окно и выбирать момент глубокой ночью, когда никому никуда не приспичит идти.

Фото в школьной форме – на Доску почёта. Во времена учёбы в городе часто фотографировались поодиночке в фотоателье и дарили подружкам на

память. С родственниками тоже снимались часто. Повод для съёмки – приезд родни, день рождения, какое-то событие.

Фотоальбомы полны мутных снимков. Много с похорон: обычно по этому поводу приезжали все родственники. Снимались на кладбище и у гроба: взрослые, дети, все вместе. А свадебных фотографий времён моего детства нет.

ОДЕЖДА

Лучшая одежда для деревенской девушки – это стёганая фуфайка по размеру, сапоги резиновые да платок. Выросла я в синем лыжном костюме «с начёсом», отличный костюм, он со мной даже в стройотряд съездил, а после меня и сестры его уже мой племянник донашивал.

Шершавое *зелёное* (травяного оттенка) пальто на сестре помню – перешло ей по наследству. А потом и у меня появилось *тёмно-зелёное* демисезонное пальто, гэдээровское. Подарок отца. Долго я его носила и как пальто, и как перешитую из пальто длинную юбку.

Вещный мир – редкие обновки, в основном платья-свитера по наследству, ценные – посылки от родственников. Сестра отца тётя Лиля была замужем за дядей Володи, служившим в ГДР в танковых войсках. От модницы тёти Лили перепали невиданной красоты вещи, не очень подходящие мне ни по возрасту и ни по фигуре, но волшебно прекрасные красками и фасоном: узкое платье из голубого шёлка, жёлтая трикотажная кофточка с розочками. Блескучая ткань полосатая (зелень и серебро) – отрез на новогоднее платье с рукавом «фонарик». Некоторые крепдешиновые мамины платья я тоже носила, ушив.

Одежду с чужого плеча я носила с удовольствием, если она мне нравилась. Например, синяя в белый горох фланелевая рубашка от городских родственников подходила к моим чёрным брюкам-«клёш».

Запах опилок увлекал нас за КБО (Комбинат бытового обслуживания), в котором время от времени нам с сестрой шили одежду. То обеим клетчатые лилово-белые пёстрые пальто. Или мне – строгий чёрный костюм для школы: юбка и длинный жилет, выпускное цветастое платье разных оттенков *зелёного* (а покупное считалось престижнее). У мамы была своя портниха, к началу учебного года шившая маме учительские рабочие сарафаны или домашние ситцевые платья без рукавов. Швейная машинка у нас была своя, но мама на ней только подрубала простыни и пододеяльники.

Я же шила себе всё, вплоть до нижнего белья. Но мама только критиковала мои труды, всегда находя повод для придинок. Ворчала: «Опять ткань испортила», хотя я брала бросовую совсем, дешёвую: штапель, байку. А соседки меня хвалили, называли Наташей Ростовской, когда я выходила в новом платье (сарафане), умирая от смущения, на крыльцо дома. Есть фото: во дворе на фоне поленницы стою с тогдашними подружками-соседками Вероничкой и Таиской. Одна одета как куколка: шапочка, косички, пальто, туфельки, колготки. И мы с Таиской – взъерошенные оборванки в каких-то кофтах сикось-накось и хэбэшных колготках с «пузырями» на коленках. Я ещё и с мокрой го-

ловой (то есть без причёски совершенно), в рубашке «в горох» и коричневом «сарафане», сшитом из старой школьной формы, на «грудке» сарафана самодельная аппликация «Чебурашка». Что это за время года такое было? Весна, наверное...

Сохранились вышивки мамины, бабушкины. Рукоделием занимались все. Покрывало льняное на диван, салфетки, «накидушки» на подушки кружевные, подзоры, скатерти с «мережками». Баба Пана, купившая бабушкину избушку, научила меня вязать. И с девяти лет я вязала носки-варежки. Когда закончилось бабушкино «наследство», хранящееся в сундуке, это умение пригодилось.

ШКОЛЬНАЯ ПОРА

Успела поучиться в нескольких школах. Первая – деревянная, крохотная, чуть ли не дореволюционная, не сохранилась. Теперь на том месте площадь перед магазином. Потом была начальная деревянная одноэтажная (сейчас там располагается районная библиотека). Промокшие тканевые синие боты, собаки, дорога с подружкой Маришкой до дома после школы (одна боялась собак, другая – машин). Чернильницы, перьевые ручки. Тканевые перочистки шили на уроках труда из лоскутков для вытирания протекающих ручек, бумажные фиолетовые промокашки, пальцы в чернилах – аккуратность не моя тема.

Спортзал: отдельное здание, тоже деревянное, жуткий холод, из раздевалки прыжок вниз, в гулкий зал, где с потолка свисал «удав» каната. Ещё страшнее был деревянный щелястый туалет во дворе между школьным зданием и спортзалом. Средняя школа – деревянная, двухэтажная, сохранилась на рисунках и фото. Там, в школьном музее, нас, первоклашек, записывали для истории на магнитофон. Мы отвечали на вопрос, кем хочешь стать. Я сказала, что кондитером, так как очень любила конфеты. Предполагалось, что запись прослушаем на выпускном вечере. Увы, магнитофон украли вместе с записями. С седьмого класса и до окончания школы училась в новом кирпичном трёхэтажном здании. Оно до сих пор на месте, а после недавнего ремонта стало краше прежнего.

Школьные годы, проведённые в средней школе села Первомайского Томской области, вспоминать не люблю. Жизнь белой вороны нелегка. Особенно в советском детстве, когда на твою инакость (худобу, очки, отсутствие задора) пеняют все кому не лень – от одноклассников до первой встречной старушки.

Моя мама работала в той же школе. О моих достижениях и провалах узнавала из первых уст. Приходила домой, трясясь от злости, и задавала мне взбучку. Всегда находилось за что. Училась-то я на «хорошо» и «отлично» (если не «отлично» – это был повод для матери меня отчитать). Я успевала и книжку под партой почитать, и ответить у доски, и поболтать с соседкой. Но могла и отказаться отвечать просто так, получала «двойку». А оставшись после уроков, исправляла её на «пятёрку».

Я была девочка начитанная, врождённая грамотность, в школу ходила не за знаниями, а за общением.

А учителя были самые разные. В основном хорошие. Они работали с эн-

тузиазмом и любовью к детям. Мне нравились почти все предметы, кроме физкультуры. Так как я была недостаточно сильная, например, для подачи в волейболе, хотя на лыжах бегала нормально. Правда, однажды заблудилась во время занятия в лесу, свернув на длинную трассу вместо короткой. Но вышла из тёмного леса сама. Только опоздала на контрольную. Что опять же для меня было не страшно.

Учительница химии водила нас на экскурсию на местный пищекомбинат, где делали пряники и газировку. С «ботаничкой» мы трудились в теплицах. «Математичка», мать моих одноклассников-двойняшек Саши и Тани, успешно применяла ко мне индивидуальный подход, загружая сложными задачками сверх программы, чтобы я не скучала и не отвлекала одноклассников.

Анна Яковлевна Корзик, которая вела у нас «труды», учила не только шить, но и житейской мудрости, умению находить радости в повседневной жизни.

Физики в школе менялись часто. Каждый со своим экспериментом: то метод Шаталова, то ещё какие придумки. Опытный педагог Степан Иванович Чередов, бегая между партами, обзывал нас гОспОдами ГОлОвлёвыми. Но физика нам от этого понятнее не становилась. Временами казалось, что от нашей тупости эмоционального Степана Ивановича вот-вот хватит удар. Но он прожил довольно долго, после смерти жены, тоже учительницы, вырастил и выучил двоих дочерей, которые пошли по его стопам, и даже успел помянуть внуков в Америке.

Замечателен был и физик Михаил Францевич Вертинский, доброжелательный, мягкий, который как-то признался нам, что вообще-то хотел стать трактористом, но из-за плохого зрения пошёл в учителя. Он и директором школы позже стал хорошим.

Однажды в нашу школу по распределению приехала целая группа молодых учительниц. Полные молодого задора, они с огромным успехом поставили в нашем Доме культуры спектакль «А зори здесь тихие». Учительницы радовали наш глаз своими модными костюмчиками, энтузиазмом. Некоторые после обязательной трёхлетней отработки остались жить в селе.

Светлое воспоминание – первая любовь. Светловолосый, с есенинским чубом Серёжка нравился мне с пятого по седьмой класс. Серёжка считался двоечником, и меня с пятого класса прикрепляли к нему для подтягивания. Я давала ему списывать из своих тетрадок, он меня смешил, и мы хохотали с ним уроки напролёт, пока нас не рассаживали. Больше ничего между нами и быть не могло. Помню ещё, что катались на лодке по разлившемуся по весне Куендату компанией. Главное, что Серёжка никогда меня не шпынял и не обзывал, как другие мальчишки. Не думаю, что он был слабым учеником. Просто ленился. И здорово подтянулся, когда нашему классу пообещали поездку в Ленинград за победу в соцсоревновании. Соревнование мы выиграли. Но вместо поездки Сергей после 8-го класса ушёл в ПТУ. Я долго о нём ничего не знала. А недавно оказалось – жив-здоров, давно переселился в Германию.

За что сказать спасибо школе? За правильный выбор профессии, который мне помог сделать единственный профопрос, проведённый в классе седьмом-восьмом. Отвечая на вопросы, я решила сразу, что хочу работать с цифрами и механизмами (а не с людьми), и по окончании школы поступила в Том-

ский приборостроительный техникум на специальность «Программирование для быстродействующих ЭВМ». А когда спустя 38 лет после школы я сдавала вступительные экзамены в педагогический вуз, оказалось, что мои знания математики до сих пор на высоком уровне.

Что касается оттенков *зелёного* – цвет «хаки» к ним относится. А в школе у нас было «военное дело»: разбирали автомат, сдавали нормы ГТО, участвовали в игре «Зарница». А ещё в старших классах изучали устройство трактора (девочки) и автомобиля (юноши и некоторые девушки, у кого в семье была машина). И даже успешно гоняли по деревне на этих средствах передвижения.

МЫ – ПИОНЕРЫ

Каждый поэт – первопроходец, то есть пионер. А если говорить о Всесоюзной пионерской организации, то я, разумеется, в ней состояла в школьные годы. В звеньевые и тем более в председатели совета отряда и, боже упаси, дружины никогда не стремилась. Хотя меня пытались двигать как отличницу-хорошистку. Я выбрала себе дело по душе – выпускала классную стенгазету, где выступала художником, редактором и журналистом, привлекая одноклассниц только для написания текстов красивым почерком, которого не имела. В качестве подарков-сюрпризов одноклассникам любила вывешивать листовки-«молнии»–поздравления с днём рождения.

Моё сочинение «О будущем» (встреча двадцать лет спустя), зачитанное на выпускном вечере, кое в чём сбылось. Например, что я стану писателем, а одноклассница Светлана – учителем литературы.

Мечтала о поездке в Артек. Считала себя вполне достойной. Но не случилось. Помню запах палёных красных галстуков, вечно обтрёпанных, изрисованных. Гладить галстуки надо было, побрызгав холодной водой. Отсюда и запах пара. Нестройные колонны демонстраций. *«Взвейтесь кострами, синие ночи, мы – пионеры – дети рабочих»*. Увы, я происходила не из рабочих, а из не совсем достойной (по тем временам) прослойки – сельской интеллигенции.

Смотр строя и песни, праздничная форма: белый верх, чёрный низ, и мамины сапоги 39-го размера. Из зимней обуви у меня были только валенки, но в валенках на смотр не пускали. А мамины сапоги пудовыми гирями оттягивали ноги. Хорошо, что хоть совсем не сваливались с моих тощих ног.

Сбор металлолома, макулатуры, берёзовых почек. По осени целыми классами дёргали лён, копали турнепс и т. д. Летом – трудовая смена, школьный лагерь труда и отдыха. Что-то красили, белили. Полушутя собирались всем классом остаться работать в колхозе. Модная тогда тема.

Делала доклад на классном часе о татарском поэте Мусе Джалиле. Политинформации все проводили. Часто снились кошмарные сны про фашистов после рассказов о подвигах пионеров-героев. Вопрос на засыпку: «А ты смог бы не выдать военную тайну под пытками?»...

Пионерлагерь в деревне Торбеево в семи километрах от моей родной Первомайки, утренние зарядки-пробежки в сосновом лесу, мазанье зубной пастой, дежурство в столовой, походы в сельпо за сгущённым какао, песни в

дороге в автобусе, раскачиваемся на ухабах. Красавчик вожатый горланит вместе с нами: *«Куба – любовь моя, остров зари багровой»*. Тогда уже заинтересовалась испанским языком.

В этом лагере я познакомилась с очаровательной девчушкой Галкой. Она была младше меня, но, будучи дочерью директора леспромхоза, имела хорошую библиотеку. Именно она познакомила меня с творчеством Марины Цветаевой. Мы долго переписывались. И Галка каждый раз присылала мне переписанные от руки стихи Марины Ивановны. Там были волшебные, не школьные тексты, ласкавшие слух звукописью: *«Могла бы, взяла бы в пещеру утробы, в чащобу... Могла бы свою же, ... пантерину кожу сняла бы»*.

Был ещё пионерлагерь под Томском «Зелёная республика» для ослабленных организмов (Томск, Басандайка, 1973). Сосны, большие деревянные корпуса на сваях как на курьих ножках. Дурацкие лагерные приколы. Подружиться толком мне ни с кем не удалось, но адреса взяла и пыталась переписываться.

Тогда все повально переписывались с ровесниками из Советского Союза и социалистического зарубежья. Адреса друзей по переписке печатали в пионерских журналах «Пионер», «Костер» и других. Из Монголии мне писала луноликая Базарсурен Багалмаа. Блондинка Ева Коближкова из Кладно (Чехословакия) присылала яркие открытки с наклеенными переливающимися картинками. Я же в ответ могла слать только открытки с видами Томска. О своём селе писать особенно было нечего.

Это было время бумажных писем. Родственники регулярно обменивались новостями в письменном виде, отец подробно повествовал о счастливой жизни без нас. Почтовые ящики, по-моему, тоже были *зелёного* цвета (а может быть, голубого), писем ждали... Спустя годы мне снились ящики, полные писем... Покорежённые, гнутые жестяные дверцы. Острое ощущение счастья во сне. Письма как символ приязни, дружбы. И разочарование в результате, так как во сне многие письма оставались непрочитанными...

Почтовые ящики также еле вмещали выписываемые газеты-журналы для читателей всех возрастов: «Весёлые картинки», «Мурзилка», «Пионер», «Юность», «Начальная школа», «Семья и школа», «Учительская газета», «Работница», «Крестьянка»... Чудесный, волнующий запах свежей прессы... «Работница» с «Крестьянкой» ещё таили кладёз знаний в области кройки и шитья. В «Семье и школе» разнообразные жизненные истории читались *взахлёб*, наравне с художественной литературой.

Первая публикация моих стихов состоялась тоже в школьные годы в районной газете «Заветы Ильича».

ПОЕЗДКИ

На летних каникулах с мамой и сестрой ездили в Томск, навещали дальних родственников со стороны бабушки. В Томске нас с сестрой Верой звали «Галины девочки» и угощали городской колбасой. Проезжали на поезде Академгородок. Мне нравился этот лесной массив между Томском-2 и Томском-1. Я втайне мечтала поселиться там. И эта мечта, как ни странно, сбылась.

В город Асино мы тоже ездили в гости к маминой подруге юности тётё Нине. У неё были два сына близкого нам с сестрой возраста. Они жили в районе Лесозавод, заваленном опилками. Опилочные дороги, деревянные берега... Выгнутые горбом дороги, дощатые тротуары.

Поездка в Красноярск к родственникам по линии деда помнится смутно. Кроме истории, что я объелась мороженого с вареньем из лепестков роз. В Омскую область на родину отца мы вроде бы тоже ездили. На Кубани жила у родственников отца с двух до трёх лет и по возвращении в Сибирь потешала воспитателей детсада украинскими словечками.

Все дороги в Советском Союзе вели в Москву, горько-сладкую, как духи «Красная Москва» в красно-золотой коробочке с силуэтом Кремля. Впервые в столице нашей Родины я побывала в 1977 году проездом в Ленинград. Поездку туда наш восьмой «бэ» Первомайской средней школы выиграл по итогам школьного соревнования.

На групповых фотографиях: фонтаны Петродворца «Самсон», «Большой каскад»; мемориал «Кольцо блокады. 900 дней»; вместо крейсера «Аврора» сфотографировались у большого военного корабля (наверное, был День военно-морского флота); а также возле памятника Петру I; на фоне Зимнего дворца (на фасаде висел плакат «Шире размах социалистического соревнования в честь 60-летия Великой Октябрьской революции»). Непременный ленинградский дождь, полинявший мою самовязаную горчичного цвета кофточку на магазинную, «гэдээровскую». На Пискаревском кладбище тоже побывали. Нашу группу сопровождали военрук и его жена. На фотографиях все мы в модных брюках «клёш». В основном самошитых.

А целенаправленно в Москву я поехала на следующий год, также с группой первомайских школьников. Красная площадь, Мавзолей, Исторический музей – обязательная программа. Город нам показывала наша ровесница, голенастая москвичка невыразительной, но породистой внешности, которая, конечно же, сразу очаровала наших пацанов.

Жили мы в школьном спортзале, спали на матах, под окнами школы цвела черёмуха. Я всегда любила быструю ходьбу. И меня ругали за отрыв от коллектива. Я же радовалась простору и почему-то не боялась потеряться в большом городе.

В цирке на Цветном бульваре запомнилась клоунада Юрия Никулина. На представлении рядом с нами сидели иностранцы, и Петька из параллельного класса бойко заговорил с ними по-английски. Впоследствии он, кстати, стал военным переводчиком. Мы жили в одном дворе. Я дружила с Петькиной младшей сестрой Таисьей. В семье у них было трое детей. Отец – телемастер, мать – медсестра. В квартире всё вверх дном, но зато гостеприимно, тепло.

Из Москвы я привезла целый чемодан конфет, купленных в ГУМе. Тогда ценилась московская карамель. Ну и другие сувениры тоже. Одна девочка из первомайско-эстонской деревни Берёзовка купила своей младшей сестре огромную куклу и написала на коробке крупными буквами «Для Матильды».

Оксана Чайковская

ГОД СПУСТЯ

Лев Пичурин – многогранный, многоликий, много успевший...

Пролетело уже больше года со дня кончины Льва Фёдоровича Пичурина, нашего старейшего депутата, общественного деятеля, преподавателя, публициста, литератора и вообще – человека, представшего перед современниками в самых разных ипостасях.

Каждый из тех, кто был с ним знаком, наверное, вряд ли смог бы утверждать, что сумел пообщаться со Львом Фёдоровичем, выступающим во всех своих «ролях» на арене общественной жизни. Если и были такие люди, то их насчитывались единицы. А большинство знакомых обращались к нему в связи с каким-то из многочисленных аспектов его деятельности. Например, я не раз говорила с ним по поводу каких-то животрепещущих вопросов «на тему дня», что называется, «как журналист с журналистом», он давал мне комментарии, необходимые для материала. И это касалось разных сфер – театра, литературы, истории, науки... Он был открытым человеком, и всегда шёл навстречу тем, кому от него был нужен совет, кого интересовало его мнение по тому или иному вопросу.

Если после премьеры спектакля мне как корреспонденту областной газеты требовался отзыв о постановке от человека известного и авторитетного, а Лев Фёдорович находился в поле зрения, можно было смело направляться к нему и просить интервью, не то что комментарий!.. Его можно было не бояться отвлечь от фуршета, дожидаться, когда он завершит предыдущий диалог или вежливо к нему присоединиться – на доброжелательное отношение можно было рассчитывать. Обладая энциклопедическими знаниями, прекрасно владея словом и умея виртуозно формулировать свои мысли, Лев Пичурин всегда мог высказаться весьма кстати, был корректен, в меру эмоционален и обаятелен.

Много раз я встречала его на открытии различных мероприятий в библиотеках, учебных заведениях, он выступал на учительских конференциях, на памятных митингах, посвящённых разным страницам истории ТАУ – ТВВКУС (Томское военное командное училище связи), по мере возможности участвовал в жюри творческих конкурсов... В театре, на юбилейных вечерах и презентациях до последних лет с ним рядом была элегантная и миловидная дама – его единственная жена, Рогнеда Александровна, они хорошо смотрелись вместе! Рассматривая старые снимки из фотоархива Пичурина, включённые в юбилейную презентацию, сделанную к 95-летию Льва Фёдоровича Александром Пановым, я невольно залюбовалась парным портретом этой молодой четы. С улыбкой и любовью смотрят друг на друга... А вот фото, сделанное в 1950 году в городе Сумы, они – счастливые родители первенца, Игоря. На снимке 1955 года уже маленькая Наташа на руках у бабушки, Веры Давыдовны. Она могла гордиться своим сыном! У Пичуриных

четверо внуков, двое правнуков, есть кому продолжать традиции и хранить память.

О Пичурине-педагоге, Пичурине-политике найдётся кому сказать, я хочу остановиться на той ипостаси, что ближе мне – на Пичурине-писателе. Памяти людской, анализу событий нашей истории и судьбам современников посвящены публицистические и литературные труды Льва Фёдоровича.

В его библиографии более сорока книг, начиная с изданной в 1963 году монографии к защите диссертации, и заканчивая изданными уже в двадцать первом веке книгами о работе в Думе, книгой «Записки старого педагога», в чём-то итоговой... И у каждой книги своя целевая аудитория, у неё найдётся свой читатель... Десятки книг о математике, изданных на протяжении всей его жизни! Есть и специализированные, о методике преподавания математики, изданные в популярной в СССР серии «Мир знаний» – о дифференциалах, о проективной геометрии, о тайнах и премудростях геометрии и алгебры... Немало книг, предназначенных педагогам, очерков о воспитании, о студентах. Множества разных тем касается в своих книгах Лев Фёдорович. Такое ощущение, что ему интересно абсолютно всё!

Как томичка я много лет подряд регулярно покупала в местных книжных магазинах книги Льва Фёдоровича и с интересом их читала. Выпущенную в 1988 году книгу «Афганские встречи», которая рассказывает о том времени, когда Лев Пичурин в восьмидесятые годы работал советником министра просвещения Афганистана и жил в этой тогда дружественной нам экзотической стране. Лев Фёдорович умеет писать интересно, так, что представляешь себя там, где не был. Изданную в 1970-м году и затем переизданную, что дорогого стоит, книгу о жизни писательницы Галины Николаевой. Биографическую книгу, посвящённую судьбе и творческому наследию художника-медальера Фёдора Толстого. Затем, в годы перестройки, вышли его книги, затрагивающие болевые точки, касающиеся тяжёлых моментов нашей истории. Маленькая, но искренняя автобиографическая повесть «Опечатка» и книга 1995 года «Последние дни Клюева».

Лев Фёдорович – не только журналист, но и писатель, настоящий писатель, чьи книги вызывают интерес и желание их перечитать, пересказать, подарить близкому другу, порекомендовать детям и внукам. В них – дыхание времени, правда жизни того поколения, к которому я отношу и себя, хотя по возрасту гожусь Пичурину во внуки. Он был учителем математики у моего папы, когда тот учился в томской школе № 9, и папа рассказывал мне, что учителем Лев Фёдорович был интересным, неординарным, общался без панибратства, хотя был всего на восемь лет старше мальчишек из класса, в котором учился папа. Ну а потом в их мужскую школу добавились девочки, и тут начались проблемы и с дисциплиной, и с учёбой, но молодой учитель способами найти общий язык с детьми владел.

Художественными произведениями книги Пичурин в чистом виде назвать я не могу, они все публицистичны в разной мере, но в этом есть свои плюсы – больше фактажа, больше правды.

У меня в руках тоненькая брошюра, изданная в 1989 году, с дарственной надписью Вадима Макшеева, она вышла в свет в Томском книжном издатель-

стве в серии «Мнение». Два очерка под одной обложкой. «Раздумья в Семилужном» Вадима Макшеева и «Созидание личности» Льва Пичурина. Это живые размышления опытного педагога, состоявшегося человека, о роли школы и вуза в становлении личности, во всей биографии человека. И читать эту брошюру не скучно. Пичурин умел преподносить вечные истины свежо, говорить интересно. Случаи из своей жизни, фрагменты воспоминаний он переплетает с рассуждениями о роли школы и педагога в сложную пору реформы школы. Личный взгляд, отсылки к своему опыту, своей судьбе есть практически во всех книгах Пичурина, и очень их оживляют. Ты будто беседуешь с человеком о том, что важно ему, и это становится важно и тебе тоже.

Или вот ещё, тоже очень интересная книга – 1997 год, «...Кто погиб за Днепр...», на титульном листе обозначено – «Издание автора». Отпечатано в Новосибирске по заказу автора, с его макета. Льву Федоровичу была очень важна эта книга – в ней он рассказывает о курсантах и выпускниках асиновского военного училища, которые участвовали во многих решающих боях Великой Отечественной войны, о Герое Советского Союза Александре Калашникове, о битве за Днепр осенью 1943 года. Читается эта документальная повесть, как приключенческая, и постоянные авторские отступления, в которых рассказывается, как добыты те или иные сведения, с кем посчастливилось встретиться при создании книги... Порой случайное знакомство приводит к созданию книги. Увидевшись однажды в Москве в 1962 году с Мелитиной Волянкой, матерью Галины Николаевой (Волянской) Лев Фёдорович позднее получил от неё поручение помочь в увековечивании памяти писательницы на малой родине и собрал о ней богатейший материал. Так появилась книга об этой писательнице «Путь к битве»...

О книгах Пичурина можно говорить долго, пересказывать их будет ещё дольше. Лучше возьмите и почитайте их сами. Видно, что человек он был увлекающийся, уважающий кропотливый труд, ответственный и уверенный в том, что постулат того времени – «Если не я, то кто же?» – верен. Если не он, то кто написал бы книгу о Николаевой по горячим следам, пока была жива её мама, пережившая любимую дочь? Не уверена, что книга такая вообще бы появилась!

Лев Фёдорович брался за многое. И успел многое. Он был многоликим и многогранным. Он всегда ратовал за сохранение памяти о людях. И о нём надо помнить...

Елена Кириллова

АЛГОРИТМ УЛЫБАЮЩИХСЯ ГЛАЗ

Лев Фёдорович Пичурин – писатель, журналист, общественный деятель, вузовский преподаватель – прожил долгую, сложную, но интересную жизнь (1927–2024). Думал ли он, учась в Смоленском артучилище после окончания Ленинградской артиллерийской школы, что в будущем станет преподавать математику в томском вузе? В Томск привела случайность – Смоленское артиллерийское училище было расформировано, и курсантов направили в Томск. В 1948 году Пичурин окончил с отличием Томское артиллерийское училище со званием «офицер наземной артиллерии», остался там работать, но в конце 1952 года был уволен в запас – как сын «врага народа» (после гибели С. М. Кирова отец был арестован и позже расстрелян, о чём семья узнала далеко не сразу). Тот же ярлык мешал поступлению Льва в вуз, и только Томский педагогический не требовал от абитуриентов «кристальной чистоты» биографии. С момента поступления в ТГПИ жизнь Л. Ф. Пичурина пошла по своему главному руслу – преподавание стало делом его жизни. Обучаясь заочно (причём вуз он окончил за два с половиной года), успел поработать учителем допризывной подготовки и физической культуры в Томском музучилище и учителем математики школы № 9. В 1956 году окончил ТГПИ по специальности «учитель математики и физики». В дальнейшем создал в родном вузе кафедру методики обучения математике. Коллеги очень любили и ценили его. Вспоминает **Анна Геннадьевна Подстригич**, заведующая кафедрой математики, теории и методики обучения математике ТГПУ:

– Лев Фёдорович – свидетель нескольких эпох в нашей стране и в нашем городе, который стал его родным городом. Он и сам человек-эпоха, человек-легенда, при этом душевный, близкий и родной для нашей кафедры. Мне кажется, что, если возможно в принципе создать алгоритм улыбки, то Лев Фёдорович, пожалуй, мог бы написать такой приближенный к математике алгоритм улыбающихся глаз, потому что он всегда заряжал своими искрящимися глазами, своей улыбкой, своей энергией и окружающих людей, и свои дела, которые были поистине великими. Он очень многое сделал для методики математики, был постоянным автором журнала «Математика в школе», где публиковал методические и научно-популярные статьи. В целом написал более 70 книг и брошюр: «Развитие вычислительной культуры в IX–XI классах средней школы» (1963), «Трое в одной каюте, не считая математики» (1975) (в соавторстве с Р. Н. Щербаковым), «Книга для чтения по математике» (2000), «Записки старого педагога» (2006) и множество других. А одна из его книг для школьников – «За страницами учебника алгебры» – издана знаменитым «Промсвещением», мало кто из томских авторов удостоивался такого признания.

Анна Ивановна Забарина, доцент той же кафедры, вспомнила «Последние звонки» у пятикурсников, в которых Л. Ф. Пичурин всегда принимал активное участие:

– Выступал он долго, но его всегда внимательно слушали. Он вспоминал, какими были нынешние выпускники на первом курсе: «Девочки, из маленьких неловких гусят вы превратились в красивых белых лебедей». Всегда говорил тёплые слова о родителях студентов. Жаль, что эти выступления не были записаны. Но надеюсь, что слова Льва Фёдоровича навсегда остались в памяти наших выпускников.

А вот воспоминания и самих выпускников, уже взрослых. Говорит **Дерипаско Светлана**, выпускница 1993 года.

– Как-то раз, в середине учёбы, Лев Фёдорович пригласил нас, трёх студенток (я, Рита и Оля) к себе домой для работы над книгой по тригонометрии.

Тогда открыла для себя профессора Пичурина в его личном пространстве – большая библиотека, пианино... Лев Фёдорович познакомил нас с супругой – Рогнедой Александровной. Нас поили чаем и разговаривали на равных. Восхищение от добропорядочной искренней простоты в общении с нами, обычными студентками, оставило во мне отпечаток на всю жизнь.

С годами я вынесла понимание, что чем умнее, образованнее человек, тем легче с ним найти общий язык – и помог мне в этом Лев Фёдорович.

Прошли годы, в 2011 году я случайно встретила с ним в магазине на Учебной, с радостью подхожу, говорю:

– Здравствуйте Лев Фёдорович. Как вы? Как здоровье?

Я в полной уверенности, что меня не помнят и разговаривают из вежливости, но каково было моё удивление, когда Лев Фёдорович посмотрел на меня с прищуром и говорит: «Дерипаско!». Прошло почти 20 лет после окончания института, столько прошло выпусков, а он помнил наши фамилии...

Берёзкина Надежда:

– В 1992 году в летнюю сессию у меня оставался один экзамен – по методике математики. Мне давно пора рожать, срок – 43 недели, но экзамен ещё не сдан, поэтому в роддом не еду. Сажу на кафедре, точнее, расплзаюсь на стуле, жду Льва Фёдоровича. Прибежал от дипломников, покружил вокруг меня, необъятной. И вдруг говорит: «А давайте я вам четыре поставлю, а то на пять я и сам не знаю».

Эмануила Григорьевна Гельфман, доктор педагогических наук, профессор ТГПУ, была тоже ученицей Л. Ф. Пичурина – до того, как стала его коллегой:

– К нам он пришёл весёлый, молодой, эрудированный, с замечательным чувством юмора, мягкой иронией. Он заражал своей энергией, поражал широким кругозором, а занятия его были маленькими спектаклями: человеком он был артистичным. Самое главное во всех его поступках, действиях – это его интеллигентность, отсюда шла его доброта и отзывчивость. Он верил в возможности каждого ученика. Особенно ярко это проявлялось на экзамене. Любых экзаменов студенты обычно побаиваются. Но у Льва Фёдоровича это испытание превращалось в интересную беседу, из которой Лев Фёдорович мог извлечь суть, понять, что на самом деле знает студент.

Однажды на пятом курсе Лев Фёдорович пригласил меня на беседу и... поинтересовался: «Как у вас со здоровьем?». Я удивилась и ответила, что хорошо. Он церемонно ответил: «Тогда с моей стороны не будет никаких препят-

ствий, чтобы просить вас остаться на кафедре ассистентом». Я приняла предложение, и увидела Льва Фёдоровича как коллегу. Он каждому позволял раскрыться, показать себя. Лев Фёдорович не давал прямых советов – пойдя туда, найди то, он, будучи хорошим учителем, подводил к правильному решению. Он очень гордился тем, что я стала продолжать работу в области методики.

Однажды со мной произошёл невероятный случай: я попала под следствие. Решилась рассказать Льву Фёдоровичу. Он без лишних слов спросил: «Когда суд? Я приду и выступлю». Во время суда мне казалось, что я нахожусь на заседании кафедры, в привычной обстановке. Лев Фёдорович сказал обо мне столько хороших слов, что я ощутила, будто мне вручают какую-то большую награду. Всё закончилось благополучно, и мы стали со Львом Фёдоровичем большими друзьями.

Лев Фёдорович прожил сложную, красивую жизнь, наполненную любовью. Хорошо, что он был с нами.

Эмануила Григорьевна особо отмечает принципиальность Л. Ф. Пичурина: он не боялся высказать своё мнение, не боялся помогать другим в той ситуации, которая могла его скомпрометировать, – описанный ею случай с судом доказывает это. А что касается собственного мнения, отстаивание его иногда приводило к серьёзным последствиям. Так, Пичурину пришлось уйти из родного вуза, оставить созданную им кафедру, которой заведовал много лет, из-за расхождения в важных для него вопросах (исторического характера) с руководством вуза. С апреля 2003 года по 2012 Лев Фёдорович Пичурин являлся профессором кафедры культурологии Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. Ввиду своего универсализма он мог преподавать не только точные, но и гуманитарные дисциплины. Это если ещё не вспоминать его работу в Афганистане советником Министерства просвещения (1981–1984 гг.), его многогранную политическую и литературную деятельность...

Все, вспоминая Льва Фёдоровича Пичурину, говорили о нём с теплом и большим уважением. А **Татьяна Александровна Сазанова**, много лет проработавшая с Львом Фёдоровичем, с грустью сказала: «Вот ведь какую шутку учудил Лёва: взял да и умер».

Владимир Крюков

БЫЛО ИЛИ НЕ БЫЛО

где границы мифотворчества

Передо мной новая книга Макса (Максима) Батурина (Батурин М. Гений офигений. Избранные стихотворения. Серия: Поэты антологии «Уйти. Остаться. Жить». 2024. 242 с.).

От составителей: «Батурин – явление уникальное. По большому счёту, он был изолирован от московской и петербургской поэтических школ, и то ли благодаря, то ли вопреки этому нашёл незаурядный поэтический язык, став ярким, но не услышанным вовремя голосом эпохи перемен».

Составители и литературные редакторы Николай Милешкин, Борис Кутенков и Елена Семёнова проделали большую работу. Впервые поэзия Батурина представлена в таком объёме и многообразии текстов.

Предисловие написал многолетний корефан Макса Андрей Филимонов (признан иностранным агентом).

Появилась книга и на родине покойного Макса. Её разнёс по нескольким адресам Даниил Пяткин, поэт, культуртрегер, студент филологического факультета Томского государственного университета, сооснователь литературного медиапроекта «Свободные ассоциации»:

«Пока книги, первые тридцать штук, я раздал во всякие государственные учреждения типа Дома искусств, мы передали в научную библиотеку ТГУ. Ещё я должен занести в Пушкинскую библиотеку, и также передавал её лично разным деятелям культуры, культуртрегерам, многим людям, которые так или иначе связаны с томской культурной тусовкой, в надежде на то, что они изучат книгу и спустя время изучения мы все вместе соберёмся и сделаем презентацию» (курсив мой).

Даниил сообщает: «Я ещё не говорил с людьми об их реакции после ознакомления с книгой. Я им отдавал, они говорили «как интересно, спасибо», открывали книжку, находили какое-нибудь знакомое имя, название, говорили: «Ого, это про нас, про наш город». Особенно радовались в Доме искусств, тоже находили знакомые имена, с кем он общался. Это сработало – не побоюсь этого слова – таким маркетинговым инструментом – люди, когда находили что-то знакомое, больше чувствовали сопричастность к Максусу, к тому, что он как-то привязан к городу».

Не знаю, чему так «особенно радовались в Доме искусств», какую-то такую «сопричастность» к поэту переживали. Давайте тоже порадуемся новой книге, расширению читательской аудитории. Но почему никак не избавиться от

некоего горького привкуса после знакомства с этим изданием? И вскоре понимаешь, почему. От несовпадения образа поэта, предлагаемого книгой, и того Макса, которого знал, стихи которого любил.

Я расскажу свою историю знакомства и общения. Но начну с недавней встречи на улице города.

Меня окликнул знакомый, тоже выпускник университета, только моложе меня. Знаю, что он после выпуска был работником обкома комсомола. Сейчас, на улице, он как раз заговорил о той поре: «Читал, что пишет Андрей Филимонов о Максе Батуристине?». Я признался, что не читал. Теперь это вошло в предисловие к изданной книге. Там есть такой эпизод.

Макса и его верного друга Андрея приглашают в обком ВЛКСМ. Зачем? Цитата: «Чтобы увидеть лица их идеологических противников». Макс с ходу читает им «Меня повстречали Оля и Ляля» с использованием ненормативной лексики. Комсомольцы просят «разъяснить им смысл стихотворения». Макс читает стишок повторно. Комсомольцы настаивают: «Объясните, что вы хотели сказать?» «Объясняю», – добродушно отвечает Макс и воспроизводит «Олю и Лялю» в третий раз. Тогда «эти сытые парни с красными значками на лацканах серых пиджаков» наконец багровеют и просят наших героев на выход.

– Я тоже там был. Ты веришь, что я бы вот так терпеливо сносил это? – спросил бывший работник обкома. Я, зная его по неформальному общению, сказал, что не верю.

– И правильно, – подтвердил он. – Позвали их поговорить, что-то выслушать. Не получилось, потому что они этого и не хотели. И после первого прочтения стишка я повернул Макса к двери и слегка подтолкнул. А тут – по тексту – вот как он изысканно и безнаказанно над нами издевается.

Предисловие мною внимательно прочитано. Я понимаю, к чему понадобилось это героическое противостояние. В этом предисловии есть городской конкурс поэтов – «унылый бал графоманов», есть члены СП (Союза писателей), которых «пугают» стихи Макса, есть гэбэшники, которые скрутили поэта, и телеоператор, пинающий его в печень. Непризнанный, непубликуемый «проклятый» поэт, известный узкой публике разве что по скандалам. Но так ли это?

В 1987 году меня пригласили стать литературным консультантом в молодёжке и одновременно вести занятия областного литобъединения «Томь». Я сделал страницу творчества молодых, и тут появилась в редакции девушка, которая заявила мне, что знакома с очень необычным человеком и сочинителем. «Хотите, познакомлю? – предложила она и, вздохнув, прибавила: – Только едва ли вы его напечатаете». Мы приехали в микрорайон Каштак – унылое, продуваемое всеми ветрами место, где в однокомнатной квартирке с юной женой проживал Максим Батуристин. «Можете называть Макс», – сказал он. Так с той поры и повелось. И, кстати, для всех, кто его узнал как поэта. Стихи и вправду были необычны. Отчётливые авангардные интонации. Какое-то добродушное, милое юродство. Этаким российский битник. Но и тогда, в первую встречу, мне почувствовалась за его раскованностью ранимая душа.

Я напечатал подборку Макса в летнем выпуске литературной страницы. Она попала на глаза секретарю обкома КПСС Зоркальцеву, который сидел в субботу в своём кабинете и просматривал газеты. На селе в это время шёл сенокос, и надо же было секретарю увидеть стишок Макса, в котором говорилось, что чета Петровых, мечущих стог, не уйдёт с покоса, вынесет всё, потому что трудятся они на себя, для своего подворья.

В понедельник на планёрку, где, как обычно, разбирался номер, отмечались удачи и неудачи, пришла заведующая сектором печати этого обкома Александра Андреевна Липская. В общем-то мягкая женщина, но, выполняя пожелания патрона, держалась строго и серьёзно. Сказала знаменательные слова о том, что провинция всегда была хранительницей традиций и устоев *в хорошем смысле слова*. Пусть там, в столицах, шум и кипят витии, а наше дело не поддаваться на провокации.

А вот субботняя подборка говорит о другом. Стишки с далеко не беззубой иронией, да ещё и снабжённые предисловием с таким утверждающим названием «Право на голос». Вот он перед нами – автор предисловия, выводящий к читателю сомнительного стихотворца. Она обратила взор на меня, сказала о том, что назначение моё литконсультантом прошло в её отсутствие (отдыхала в санатории), что на таком посту всё же должен пребывать человек с чёткой, выверенной эстетической позицией.

Я понял, что моя музыка играла недолго. И вдруг коллеги-газетчики поднялись на защиту и меня, и Макса. Им, видите ли, показалась интересной такая поэзия. Им показалось возможным самим разбираться: хорошо это или плохо. Оказывается, подросла молодёжь, принявшая гласность и способная её в меру сил защищать.

И, оставленный на своём месте, я стал и дальше продвигать Батурина. Я печатал Макса в каждом выпуске литературного приложения, и занимал он там всегда почётное место. Газету читали, тираж был приличным. Слава его росла стремительно. Они сдружились с Андреем, а вскоре к ним примкнул встреченный на занятиях нашего объединения Николай Лисицын. Более уравновешенный, он хорошо оттенял двух эксцентриков. Многочисленные шумные выступления – так называемые хеппинги, поездки, поклонники и поклонницы. Изданный при поддержке друзей замечательный сборник «Сказано вам русским языком» со строгим авторским отбором стихов. Публикация в солидном томе «Антология русского верлибра».

Теперь вот в сети можно увидеть любопытную видеоконференцию: «Но кто же родит меня?». Книга Макса Батурина «Гений офигений» в литературном контексте. Стенограмма презентации – textura.club/maks_baturin_1/

Организатор этой конференции, поэт и литературный критик Андрей Козырев: « Эта книга – великолепный образец чистой поэзии, и **я очень рад, что внимание к этой поэзии теперь на всероссийском уровне, что отчасти компенсирует отсутствие её признания при жизни в своём окружении. Как известно, нет пророка в своём отечестве, а в своей провинции тем более.**»

И продолжил: «**Это человек, кардинально отличающийся от литературной обстановки в своём городе, в своей среде. Таким творить особенно сложно.**»

Да, Макс решительно отличался от литературной публики из местного писательского союза и тех молодых, что учились у наших мэтров писать так, чтобы «прошло в печать» (Анатолий Перервенко называл это «проходняк»). Нежелание Макса встроиться в их ряды вызывало у них раздражение. А его это только заводило. Ни с кем ему не пришлось бороться. И творить ему было не сложно, а весело. Батурин и его друзья поймали ветер перемен в свои паруса и понеслись вперёд. Творить ему было легко, потому что восход его счастливо совпал с обновлением общественной жизни и, соответственно, ослаблением цензурных тисков.

Нужны ли ему здесь были учителя? Думаю, нет. Ну да, у нас были в объединении просветительские темы, мы делились прочитанным на страницах столичных журналов. Помню, как я прочёл ребятам публикацию в журнале яркой, пророческой статьи Евгения Замятина «Я боюсь». Помню, с каким вниманием это было воспринято. Вскоре после присуждения Бродскому Нобелевской премии я привёл на занятия своего товарища, знатока и поклонника творчества нобелиата. Полузакрыв глаза, он более часа читал наизусть, позволяя лёгкий комментарий. «Он как будто медитировал», – сказал мне потом Андрей Филимонов.

«Я прекрасно понимаю обстановку, в которой он творил: географическая оторванность от основных центров литературного авангарда», – страдает нашему автору Андрей Козырев. Думаю, что нет, едва ли юноша всё прекрасно понимает. В Томском университете есть бесценная Научная библиотека. В своё время, забывая о подготовке к занятиям, я с головой уходил в поэзию Серебряного века. Вот так и Макс, тогда студент истфака, располагающий студенческим билетом, в ущерб занятиям проводил время в читальном зале за чтением поднятых из фондов лучших образцов авангарда, можно сказать, классики. Да, их не выдавали на абонемент. Он выписывал тексты из разных альманахов, потом перепечатывал на машинке и собирал в сборники формата А4. Вот они и питали его музу, на них он и взрастал. Несколько выписок и у меня хранились, пока я не передал их в архив.

Молодой критик Валерий Шубинский недоумевает: **«И, конечно, думаешь о том, что читал этот поэт. В каких пределах, скажем, он мог во второй половине 80-х годов читать ОБЭРИУ? Сейчас, конечно, всё облегчается существованием интернета, существованием каких-то общих сетей и т. д. Тогда было иначе».** Критик явно преувеличивает дикость и непросвещённость, которые простирались за Садовым кольцом Москвы и тем более за Уральскими горами. Простим ему.

Шубинский отдаёт должное базовой основе нашего поэта и его интуиции, его прорывам в будущее: «На этом фоне, конечно, совершенно удивительно то, какие стихи писал Батурин, стихи, совершенно не только лишённые провинциальности, не только находившиеся на острие того, чем жила тогдашняя поэзия, но и в том числе опережающие её, потому что некоторые из этих стихов как раз очень и очень живо и современно звучат сейчас. Нет ощущения, что они написаны десятилетия назад».

Я не ставил задачей разбор книги «Гений офигений».

Хотелось лишь сделать некоторые уточнения. Книга подаётся как избран-

ное. Так стоило ли брать туда сырые, непрописанные вещи. Это всего лишь увеличило её депрессивную составляющую. Нет, конечно, даже в юности Макс не воспринимался балаболом и ёрником. И к концу жизни его печальные раздумья естественны и неизбежны. Но интересно, что тем, кто на видеоконференции цитировал его стихи, не вспомнились строчки, от которых балдела молодая аудитория, прочитывая очередной выпуск литературной страницы молодёжки. Скажем, это:

*Коты ушли, но прилетели мухи.
Мужья колодцев, томные столбы,
собратья добровольные сивухи,
перековались молча на дубы.*

*Вот самоотреченья для науки!
Учёный, брось картофель и грибы,
И, подтянув сатиновые брюки,
к Минлесбумпрому устремь мольбы.*

Или это:

ВЫ ТОЧКИ ТИРЕ ТЕЛЕГРАФНЫЕ

*Нас и без этого знают в лицо
в очередях за сорбитом и сыром
сухо в глазах а в штанах у нас сыро
на ночь смотря разболелось яйцо*

*а с наступленьем полярного дня
выпали волосы все до едина
лопнула лысины синяя льдина
всё не ищите на стройках меня.*

ПИСАТЕЛЬСКАЯ БИОГРАФИЯ

Приехала издалека моя дочь. Отправилась в гости к моей сестре. И там очередной муж сестры спросил её, чем занимается отец. Она ответила, что сочиняет стихи, прозу. Он кивнул, соглашаясь, но уточнил:

– Да это я понимаю, это мы можем на досуге. А так, по работе, главное-то его занятие?

– По-моему, это и есть его главное занятие, – ответила дочь.

Она рассказала о встрече, и я лишний раз вспомнил, что мне, если не с малолетства, то с юности, хотелось найти своё дело. Но вот забавно: желание это долго не обретало определённости.

Знал ли я в отрочестве, чем буду заниматься в жизни? Да что там в отро-

честве, уже в юности, уже студентом университета я не представлял, чем буду зарабатывать свои рубли. Как-то очевиднее было «чем не буду»: чиновничеством, физической работой.

1.

Ну надо же: обстоятельства сложились так, что я сделался-таки профессиональным писателем.

Выйдя на пенсию, оставил все занятия, которым довелось предаваться в различные годы. Я был учителем в сельской школе, сотрудником вузовской многотиражки, а затем районной газеты. Я работал механиком телевизионного ретранслятора в северном селе, помогал оформлять различные изобретения и рацпредложения в бюро научно-технической информации. Был сторожем райкома ДОСААФ и дворником-истопником загородной резиденции крупного производственного объединения «Томскинтерсервис» (правда, в трудовой книжке – старший эксперт). Потом довелось быть учителем в школе зоны строгого режима. В годы перестройки мне доверили руководить областным литературным объединением. На пике гласности стал сотрудником правозащитного центра.

Когда я стал работником замечательной газеты Западно-Сибирского пароходства, ставки томского собкора не было, и меня оформляли на разные должности в речном порту, на базах флота в посёлках речников. Я был и вторым штурманом – вторым пом. механика на большом теплоходе-буксире, и старшим инженером по контролю и исполнению (!), и старшим техником изыскательской партии.

Однажды директор базы флота в посёлке Самусь, с которым у нас сложились почти товарищеские отношения, сказал мне:

– Сходи в литейный участок, познакомься с коллективом, в котором ты с завтрашнего дня трудись инженером-технологом. Может, напишешь о них.

Сходил на участок, познакомился, конечно же, написал об этих замечательных людях, об их уникальном горячем производстве.

Забавно: если бы пришлось сейчас лепить писательскую биографию, сколько разных рабочих специальностей можно там перечислить. И все они честно подтверждены трудовой книжкой. А что: узнал я таких писателей, в послужном списке которых плотник-бетонщик, грузчик, каменщик, маляр. Это либо летний стройотряд, либо месяц, не более, на калымных работах. Но звучит. Красиво звучит.

2.

Понятно, что главная задача молодого человека – как можно раньше угадать, нет, лучше – понять – предназначение и следовать ему. Но вот не было этого, не было.

Вот Толик Хаджи-оглы из параллельного класса хотел стать лётчиком. Прилично окончив школу, он поступил в лётное училище и осуществил свою мечту.

Недавно я прочёл в «Записных книжках» Альбера Камю: «Иметь силу выбрать то, что тебе по душе, и не отступать. Иначе лучше умереть» (запись

где-то середины 1940-х). Пожалуй, слишком категорично. Но, наверное, и такой крутой выбор бывает.

Я поступил после школы на историко-филологический факультет, но это была лишь реализация общего гуманитарного интереса. Его заронила в последних классах школы замечательный учитель Валентина Ивановна Внуковская. А дальше?

Итак, я стал студентом-филологом, и на третьем курсе прямо накануне зимней сессии был отчислен с формулировкой «за поведение, порочащее достоинство советского студента». Чем же я его опорочил?

Пропусту сказать, недоносительством. В моей жизни появился сокурсник Володя Крамаренко. Это был классический западопоклонник. Он сам предложил, когда знакомились: «Зови просто Крамером». Он открыл мне битлов и другую рок-музыку. Мы сняли на его 8-миллиметровую камеру «Старт» бедное и блеклое (при отсутствии антуража) подражание вестерну. Так вот, Володя сделал рукописный журнал, выступая в нём как автор и как художник-оформитель. Там была рекламная страница с расписанием работы Би-Би-Си и «Голоса Америки» с их волновым диапазоном. Был фрагмент стенограммы суда над Синявским и Даниэлем, писателями, публиковавшими свои произведения на Западе, что по тем временам являлось жутким преступлением (они и получили семь и пять лет лагерей соответственно).

Журнал под названием «Белые тени» гулял по нашему общежитию, потом кто-то сообщил в КГБ. По одной версии, это сделал один из политехников, друзей наших филологинь, впрочем, и своих стукачей хватало. И началась целая кампания с обысками и арестами. Обыски прошли в комнате общежития и у меня дома в Тимирязево.

Может быть, годом ранее обошлись бы общественным порицанием, но тут как раз в августе 1968-го вошли танки в Прагу. И нам аукнулось. Володя был арестован, осуждён на три года принудительных работ и отправлен в Красноярский край. Мы с Володиёй Лосевым на процессе прошли как свидетели, но из вуза нас погнали за то, что мы, зная о журнале, не настучали на товарища, а на факультетском собрании не стали по этому поводу каяться. Декан сказал на прощание, что с хорошей трудовой характеристикой возможно восстановление. И я отправился её зарабатывать.

Так как нам, филологам, предстояло стать учителями-словесниками, я решил узнать азы профессии. Поехал в районный центр Мельниково и из предложенных заведующим районо школ-восьмилеток выбрал деревню Татьяновку. Выбор мой объяснялся просто – в ту пору я был влюблён в девушку по имени Татьяна. А деревня оказалась родиной большого артиста Иннокентия Смоктуновского. В школе я учил двух его племянниц – в шестом и восьмом классах. И жил я у деда Фёдора по соседству с домом его двоюродного брата, что помогло мне накоротке общаться с актёром, когда он приезжал в Томск в составе программы «Товарищ Кино». Но это уже совсем другая история.

Я наезжал в райцентр, там жила моя тётя, там я познакомился с работником районной газеты Юрой Мясниковым. Он-то и дал мне почитать сборник неведомого ленинградского поэта Кушнера. После эстрадных крикунов я был поражён этим нефорсированным голосом. Я понял, что именно частные

переживания, частная жизнь могут быть предметом поэзии. Не бог весть какое открытие, но его нужно было сделать самому. Точность слова, внимание к деталям, особая петербургская аура культуры, удивительная естественность высказывания.

3.

Сам я стихи начал складывать в школе. Побудительных причин – две. Поэтичные природные места – сосновый бор, озёра. И второе – Есенин. В 1964-м я прочёл от корки до корки томик из малой серии «Библиотека поэта», который мне недели на две дал одноклассник Витя Недопёкин. Я надолго просто заболел Есениным. Может быть, с его помощью понял, что всё вокруг нас живое, чувствующее. То, что я тогда сочинял, было насквозь подражательным, я был «под подавляющим влиянием Сергея Есенина». Именно такими словами ответил мне сотрудник газеты, куда я рискнул послать свои стишки. Я тогда ещё по детской простоте поразился: «Как он это заметил?». В середине 60-х (1965) поэту исполнялось 70 лет, и его имя стремительно возвращалось из полузапретной области. Его стали издавать, и у меня появилась своя книга.

А весной 1965 года мы с одноклассником Володей Цехановским были в гостях у его старшего брата Серёжи, студента-политехника. И вот там, в общезитии на улице Усова, я услышал с громоздкого катушечного магнитофона «Тембр» нечто пробравшее до самого сердца:

*Мама, мама, это я дежурю,
Я дежурный по апрелю.*

И Серёга назвал имя: Булат Окуджава. В тот раз я услышал ещё «Вы слышите: грохочут сапоги», «Песенку о Лёньке Королёве», «Полночный троллейбус».

Помню ощущение полного доверия к незнакомому, впервые услышанному. Булат занял место в моей душе, как будто давно для него сохраняемое. Я поверил ему сразу и навсегда. Ничему он не учил, ни в чём не старался убедить, и тем не менее он столько сделал для юношеского становления.

Мне тогда и в голову не могло прийти, что я буду сидеть с Булатом Шалвовичем в кафе, и, преодолев скованность, разговаривать. Так же не думал, полюбив стихотворения Александра Кушнера, что жизнь подарит и личные встречи. Вот об этом расскажу подробнее.

4.

Я был восстановлен в рядах студентов. Окончил университет, стал работать учителем теперь уже средней сельской школы. Летом 1974 года оказался в Ленинграде, который произвёл на меня сильное впечатление. В журнале «Аврора» по доброте мне дали телефон Александра Кушнера. Я решил позвонить поэту, но откладывал звонок на последние дни. Всё-таки решился. Услышав, что я учитель литературы в сибирском селе, он назвал адрес и время. Назавтра я привёз ему несколько стишков и нечто вроде небольшой поэмы под названием «Общежитие».

Александр Семёнович мне понравился. Внешний облик был в полной гармонии с его стихами. Спокойный, внимательный взгляд, тихий голос и та

подлинная скромность, которую не сыграешь. Разговор наш был недолгим, я смущался, терял слова, и он это понял. Он взял стихи, обещал ответить письменно. Я вышел, кляня свою зажатость, понимая, что в ответе будет несколько утешительных строк. Но получил большое письмо (благодарно сохранённое), где был подробнейший разбор моих слабых строчек, требовательный, но благожелательный. Он советовал больше читать, в очерченном круге я отметил тогда мне не знакомых Ходасевича и Кузмина. Конечно, там не было наставлений, как надо писать. Но после письма и чтения настоящих поэтов (и Кушнера в их числе) я более-менее представлял, как писать *не надо*.

Нашей переписке – невероятно! – полсотни лет. Он доброжелателен и строг – замечательное сочетание. Он отмечал удачи, предостерегал от банальности и повторов. Ни разу я не просил его что-то куда-то пристроить. Но рад, что в начале нового века напечатал стихи именно в питерской «Звезде» и содружество с журналом продолжилось.

Общение с Кушнером и его письма очень помогли мне в жизни. Главное – помогли поверить в себя. Местные писатели держались настороженно: я был основательно клеймён исключением из вуза. А тут в 1980-м ещё добавилось.

Я работал тогда в районной газете. Она называлась «Правда Ильича». Если вспомнить, что генеральным секретарём КПСС был в те годы Леонид Ильич Брежнев, нельзя не оценить этого провидческого названия. Ставка моя была 115 рублей. Семья, дети. Я подрабатывал сторожем в цветочной теплице горзеленхоза. Мои товарищи-сменщики активно дружили с там- и самиздатом. И мне перепало. И узнал я тогда подробно Бродского, Кублановского, Корнилова, увидел, что многое из напечатанного за рубежом (в том же журнале «Континент») интереснее, содержательнее, свободнее того, что печаталось у нас.

Но, оказывается, мы, сторожа, были, что называется, под колпаком КГБ. Нас тряхнули, меня лишили не только этой подработки, но и места в газете. На беседах (как они это называли) в КГБ каяться мне было не в чем. Я сказал, что имею право читать то, что написали другие и сам давать этому оценку. Откуда такое право? Не знаю, просто как данность.

5.

С той поры о каких-то публикациях можно было забыть.

Но пусть имя моё было под полным запретом, никто не запрещал мне появляться на околотературных мероприятиях. В те годы практиковались писательские семинары для молодых авторов. Проводили их местные мэтры и эмиссары из столицы. Меня удручал уровень этих посиделок. Там, по сути, просто учили писать так, чтобы это было, как бы ныне сказали, в тренде и могло *пройти*.

И вот как-то образовалась небольшая компания молодых людей, не озабоченных протискиванием в печать. Нам пеняли, что мы, проживая в таком краю, не замечаем, как пробуждают таёжную глушь лесорубы, как открывают запасы нефти и газа геологи, как возводят буровые вышки и т. д. Попутно нас крыли «за книжность» – за какие-то знаки, упоминания из области мировой культуры. Помню, как этих учителей чуть ли не физически корёжило, когда

они слышали имена Сезанна, Ду Фу или Скрябина. Или то, что читал Толя Перервенко:

Гомер
Брёл из рая
Или ада,
Брёл по миру,
Оды сея –
И вздымалась
«Илиада»,
И качалась
«Одиссея».

Тогда же выудили и процитировали мою строку «И смерть как снайпер целит сквозь столетья». Вообще, упоминание смерти было чуть ли не под запретом, как у сибирских охотников прямое упоминание медведя.

Забавно, что много лет спустя журналы стали печатать стихи покойных советских поэтов из их архивов, и вот увиделось, какую же выучку они прошли, какую самоцензуру в себе воспитали: там не было ничего о смертном часе и страдании. Видимо, понимание неизбежности исчезновения с этой земли было им несвойственно или вообще чуждо.

Написанное нами не попадало в тот поток, который годился для публикации. Собственно, мы на это не рассчитывали. Никакого переворота в нравственном сознании не произошло. Найдясь на этих сборищах, мы стали общаться. Не как изгои, а вполне себе достойно. Теперь я понимаю, как помогло мне отторжение от местной литературной общности. Как не вспоминать благодарно до конца дней упомянутого Толика, который в упор не замечал всю эту публику. И я учился у него такой независимости. Отчуждённость от тогдашнего мейнстрима у меня окрепла. И как-то просто, без терзаний, сделал свой выбор. Мне кажется, в моей жизни не было поступков, за которые спустя много лет, когда изменилось время, стало бы стыдно. И в пору юношеской импульсивности и инфантильности я вполне осознанно выбирал дорогу, по которой следовал дальше. Бытовые обстоятельства, разумеется, изменялись в соответствии с моим решением. Изменялись не в лучшую сторону – отчисляли, прогоняли с работы.

Не оправдывает ли краткость нашей человеческой жизни такую лёгкую измену себе самому во имя семейного благополучия? Не знаю.

Сидели у моего товарища Стаса, он говорил про козни, мерзости, коварство советской системы: дали Тане (нашей доброй знакомой) понять в многотиражке, что если не вступит в КПСС – не видать ей карьерного роста.

– Вот гады! – заводился Стас. – Какие ловушки устраивают! И куда деваться порядочному человеку? Жить-то надо!

Забавно, что ни у самого Стаса, ни у меня такого выбора просто быть не могло. Но тут, оказывается, он сам и присоветовал Тане *вступить*. А теперь – уже постфактум – сокрушался.

6.

В старом корпусе института в эту пору уже никого не было. Просторное помещение кафедры было освещено через большие окна фонарями с улицы. Этого света нам хватало, чтобы не разлить водку мимо стаканов и чтобы порезать колбасу и хлеб. Андрею было что рассказать про семестр за океаном. О студентах, о коллегах-преподавателях, о кампусе, об американских буднях и праздничных днях.

Он мне, понятно, писал оттуда, но на письме – одно, а в живом исполнении – другое. Он умел рассказывать с той неперменной долей юмора, точной и уместной для каждого эпизода. Что ж, и в письмах он знал про чувство меры, и в его рассказах я любил именно это. Нигде он не зависал, но и не скользил по поверхности. Он и пьянел красиво, не размякая, не теряя связи с реальностью, а лишь позволяя себе паузы, в которые мы могли прочувствовать этот полумрак и время, объединяющее нас.

Это было уже другое время. Страна теперь называлась Россия. Рухнул железный занавес, что и позволило моему другу преподавать в заокеанском университете.

Перестройка и гласность явились и к нам, хоть и с запозданием. В 1989-м работающий в Томском книжном издательстве замечательный поэт и человек Валера Сердюк предложил мне стать одним из авторов так называемой кассеты – в ней было четыре стихотворца. Так в сорок лет я вышел к читателю. Но первой настоящей своей книжкой я считаю «Созерцанье облаков». В 1994 году мы сделали её с человеком безупречного вкуса Владимиром Костиным, который стал редактором последующих сборников.

И вот после некоторого молчания в этом кафедральном полумраке Андрей спросил:

– Ну а стихи, Вова? Ты же что-то сочинял это время? Почитай.

Почему-то не сразу я начал читать, а сказал о том, что вот отправил подборку в журнал «Знамя», что заведующая отделом поэзии предложила её редактору, а потом увидела, что стихи лежат на краю его стола среди других. Судьба этих «отложенных» стихов, написала мне она, скорее всего, печальна. Чем-то они ему не понравились. Так вот, сказал я Андрею, из этой подборки я тебе и прочту.

Андрей стихов не писал. Но поэзию знал и умел сказать о любимых стихах просто и точно. Иногда я чувствовал, что говорит он о том самом, нужном сегодня мне. К моим ранним стишкам Андрей относился сдержанно, что меня задевало. Но он вообще всегда был чужд экзальтации. Тем более неожиданной была реакция в этот вечер. Я прочёл пять-шесть стихотворений. Замолчал и увидел внезапно вспыхнувшие на его глазах слёзы. Андрей сжал ладонь в кулак. Не забуду этот его полушёпот: «Ну чего им ещё надо?!».

7.

Я родился далеко на севере Томской области, куда в 1932 году была выслана крестьянская семья моей матери (ей было в ту пору десять лет). Но основная часть жизни прошла и завершается в посёлке Тимирязевском (по-другому – Тимирязево), замечательном пригороде Томска. Ныне это не тот посёлок,

который я любил, кругом, как язвы, расплодились особняки томских бонз, как правило, бездарные, но помпезные. А когда-то было тихое место, шумели со-сны, пахло смолой и дымом костра, мы слушали джаз и друг друга. Чего ещё надо? Всё это есть в моих стихах.

С лёгкой руки Андрея Филимонова¹ меня стали шутя величать «timiря-зевским отшельником» или затворником. А один человек как-то не шутя по-пенял, что я спрятался там от проблем большого мира. Это, по-моему, слиш-ком. Проблемы достают где угодно. Но, вероятно, он прав в том смысле, что я почти не участвовал в так называемой общественной жизни. Тимирязево было и осталось неким островком свободы – это правда.

И не только для меня. Здесь, среди сосен, мы с друзьями могли предавать-ся отчасти иллюзорной свободе, называть вещи своими именами, пить за по-беду «Солидарности» (понимая её обречённость). И, конечно, мы могли себе позволить не читать и не слушать демагогии, не приспособливаться, не лице-мерить, не делать карьеры, спокойно, без понта, презирать околостатную шу-шеру. У нас были и книги, и музыка – Сент-Экзюпери и Сэлинджер, Окуджава и Луи Армстронг. И занавес уже дырявили – к нам приходили и Бродский, и Солженицын, и Булгаков с Платоновым, и Набоков.

...С приходом пенсионного возраста я ещё писал для газет статьи на вы-бранные самим темы, но больше выполнял договорные работы. Это были тек-сты для альбомов, книг, даже для календарей. Ну а свободное время посвящал стихам и прозе. То есть стал писателем-профессионалом. Но такие авторы жи-вут на свои приличные гонорары. Вот этим похвалиться не могу. Столичные журналы и наши региональные «Сибирские огни» меня печатают, присылают оплату за рассказы или подборку стихотворений, но такие рубли я мог полу-чить за газетную статью.

Теперь уже долгая дружба связывает нас с Алексеем Варламовым, под-державшим мои опыты в прозе. Рассказы напечатали «Литературная учёба», «Москва», «Юность».

Часть моих книг вышла после победы в губернаторском конкурсе (для этого выделяются деньги), часть на стипендию Союза российских писателей, куда я вступил в 1998 году (одну из рекомендаций дал А. Кушнер).

И постоянно при мне сомнения в состоятельности того, что я сочинил и сочиняю. И, кажется, настраиваюсь на определённую волну, где услышу точ-ное, главное. Но кто знает, а вдруг прошло мимо нечто важное, а я и не заме-тил...

Каким неправдоподобно длинным, нереально долгим оказался жизнен-ный путь. И точно ни снилось, ни мнилось некое 75-летие. Но проскочил этот рубеж. Какой-такой рубеж? О чём это? О боже, чего не скажешь ради красного словца.

2025

---

¹ Ныне объявлен иноагентом.

Вот уже седьмой раз в рамках Дней славянской письменности и культуры проводится областной литературный конкурс «СЛОВО». Организаторами конкурса традиционно выступают ТОО Союза писателей России и ТОУНБ имени А. С. Пушкина. На этот раз в нём принял участие 71 автор – поэты и прозаики.

Авторы пишут о разном: по темам ограничений никаких нет. В этом году больше материалов, связанных с памятью о Великой Отечественной войне и семейной истории. Приближение 80-летия Дня Победы растревожило семейную память. Не случайно в рассказах о Великой Отечественной войне героями выступают родственники: члены семей, очевидцы той страшной войны.

Мы публикуем работы победителей в двух номинациях: «Молодые голоса» (авторы от 14 до 19 лет) и «Проза», куда вошли более зрелые литераторы.

Организаторы благодарят всех участников и желают им успехов в литературном творчестве, а также библиотеки г. Кедрового, г. Колпашева, Бакчарского района, а также Томский техникум железнодорожного транспорта за активное участие в литературном конкурсе «СЛОВО – 2025».

Ярослав Останин

ЗА СТЕНОЙ

Славик поджал верхнюю губу и отодвинул тарелку наваристого борща, рядом с которой лежал ломоть белого домашнего хлеба:

– Не хочу, ба.

– Так ты ж с дороги. Голодный небось.

– Я чипсы в машине ел. А колбасы нет?

– Нет, – покачала головой бабушка. – Хорошо, что ты на лето ко мне приехал. Вымахал-то какой. Не верится, что в пятый класс пойдёшь. Подсобишь мне, работничек. Отдыхай, внучок, завтра с утра на поле пойдём. Горох созрел, собрать надо бы, да ягоду полить. А после с Нинкиными мальчишками побегаешь, поиграешь. Они тебя заждались.

Солнце, зависшее в красных закатных облаках, нежилось на небосводе, не собираясь, как и Славик, ложиться спать. Мальчик сидел на кровати и, облокотившись на большую пуховую подушку, листал короткие видео на смартфоне, то и дело запуская руку в тазик с клубникой.

– Выключай свою шарманку, книгу бы почитал, – заворчала бабушка, заворчалась на своей кровати.

– Не ругайся, каникулы же, – отозвался внук.

Из динамика смартфона доносились обрывки фраз: «Жили бы в Европе...», «Хорошие машины и немецкое качество...».

– Каникулы каникулами, а режим никто не отменял, да и слушать такое грех! Разве родители тебе не говорили?

– Да ладно тебе, ба. Это же Волчара. Он ролики хорошие снимает, смешные.

– Что же здесь смешного? Если бы немцы тогда победили, ты бы, внучок, не родился. Я-то сама войну не застала. Через пять лет после окаянной родилась, и то несладко было. А родители мои многое пережили. Вот же они на фотографии: Людмила Николаевна и Павел Маркович.

– Да ладно тебе, ба. Это давно было. Сейчас всё по-другому.

Славик посмотрел на старое фото, смазанное ранними сумерками, и отвернулся. Кровать казалась неудобной: жаркой и мягкой.

– Сами ещё детьми были, – продолжила бабушка, вытирая рукой покрасневшие глаза, – чуть старше тебя. Дом этот многое помнит, всё о нас знает. Спать ложись, да телефон убери.

– Уберу, ба, – буркнул Славик, спрятав гаджет под подушку. Оглядел белёные известью стены, низкий потолок старой, но просторной саманной мазанки и поджал губы. Рядом уселась кошка Маруська, заурчала под самое ухо.

«Посмотрю полчасика Рутюб», – подумал мальчик и не заметил, как уснул.

Поджимая озябшие ноги, Славик похлопал рукой по постели в поисках одеяла, наколол палец, ойкнул и проснулся: грубая ткань вместо простыни, наброшенная на сено, незнакомый сарай и Маруська, намывающая и без того белые лапы.

– Что за шутки? – надулся мальчик, вспомнив про тёткиных мальчишек, любителей розыгрышей. – Петька, Никита, выходите! Я всё бабушке расскажу. Пижамы мои где?

Славик разглядывал рваные короткие штаны, едва достающие до колен. Встав с лежанки, мальчик принялся искать в сарае двоюродных братьев, живших в соседнем доме, и, никого не найдя, пошёл к выходу. Толкнул тяжёлую, сбитую из досок воротину, но та не поддавалась.

– Ба! – закричал Славик. – Меня мальчишки заперли.

Никто не отозвался. Даже Севка, дворовый пёс, не гремел тяжёлой кованой цепью. Славик вновь осмотрелся. Никого. Даже кошка исчезла, вылезла в известную только ей дыру. Мальчик уселся на лежанку, размышляя, куда же пропала бабушка, и подскочил, услышав треск мотоцикла. Тихую улицу разорвало чередой залпов.

«Фейерверки? Сейчас?» – удивился Славик и вновь побежал к воротам сарая, приник к щели, собираясь крикнуть, что он здесь. И замер. Люди в касках со свастикой, в чёрной военной форме волокли по земле едва живого мужчину. Опухшее фиолетовое лицо билось о пыльную тропинку к бабушкиному дому. На изодранной зелёной гимнастёрке сверкала на солнце небольшая красная звезда.

Славик отпрянул, запнулся, упал навзничь и услышал новую череду залпов. Воротина затрещала, обрастая новыми дырами, и мальчик взвизгнул. Плечо обожгло раскалённым металлом.

– Есть кто? – закричали со двора.

Славик затих, вжался в холодный земляной пол.

Воротина качнулась, но устояла. Вновь раздалась выстрелы. Славик закрыл глаза, боясь пошевелиться.

– Name und Alter, – услышал он крик и сильнее зажмурился от яркого света.

– Отвечай, скотина, когда с тобой господин офицер разговаривает. Имя, возраст?

Славик открыл глаза и увидел двух мужчин. Один из них стоял на проходе и целился из автомата, держа палец на спусковом крючке. Другой, с длинным кнутом в руках, навис над мальчиком.

– Говори, сукин сын! – закричал он и обрушил на голый живот Славика тяжёлую плеть.

От страха мальчик онемел. Даже вскрикнуть не смог. Так и лежал, молча глядя на неизвестных мужчин.

– Не наш это, – покачал головой, тот, что с кнутом, – не местный. Прибил, видать. Сразу видно, больной.

Мужчина с автоматом кивнул и вышел. За ним, словно тень, кинулся второй. Звуки шагов давно стихли, а Славик так и остался лежать, не в силах пошевелиться. «Это сон. Страшный сон», – думал он, глядя на потолок сарая, откуда пробивались редкие солнечные лучи.

– Эй, ты живой? – раздался едва слышный голос.

Славик повернулся набок, стараясь разглядеть источник звука.

– Ползи к стене, я тебе хлеба дам, – услышал он вновь и повинился. – Только ворота закрой. Увидят – и тебя, и меня расстреляют.

Славик встал на четвереньки, толкнул тяжёлую воротину сарая и пополз к стене, откуда доносился голос.

– Держи.

Сено зашуршало, и на полу появился кусочек зеленоватого хлеба.

– Спасибо, не надо, я не хочу, – поморщился он.

– Бери, бери, это у тебя от страха голод уснул. Очнёшься, сразу есть захочешь. Тебя как звать?

– Славик.

Мальчик отломил кусочек липкого колкого мякиша и положил на язык, поперхнулся, стараясь проглотить безвкусное месиво. Славик вспомнил вчерашний бабушкин хлеб и почувствовал, как защипало глаза. Слеза прокатилась по пыльной щеке, оставляя грязные разводы.

– Я Люся, Марка Ткаченка дочь. А ты сам чей будешь, откуда?

– Я из города к бабушке приехал. Кинулся утром, а её нет.

– Убили? Так ты сирота?

– Нет, она жива. Вот и дом наш, да не наш. Я сам запутался. Домой хочу, в город, к маме и папе.

– Так ты к ним идёшь?

Славка промолчал.

– Лет-то тебе сколько? – спросила девочка.

– Одиннадцать.

– Повезло. Мне тринадцать, год уже взаперти сижу.

– В сарае?

– В стене. Да ты и вправду больной, или дядька Тарас тебе голову отшиб? Раньше он хорошим кожевенником был, а теперь в полицаи записался. Не дай бог, про меня прознает. Ты ведь не скажешь, нет? Фрицы враз в Германию на работы угонят или, ещё чего, расстреляют. Ты яму за деревней видел? Они туда много народу согнали, всех убили, даже малых деток. Закапывать запретили. Да это и к лучшему. Многих раненых спасли, по сундукам прятали. У нас тоже мальчонка жил, потом его в город переправили. А как мне двенадцать исполнилось, батька из саманных кирпичей ещё одну стенку в сарае сложил и здесь меня схоронил. Фрицам сказал, что умерла я, с голоду сгинула. Так и живу здесь. Зимой холодно, а летом ничего, терпимо.

– Ты совсем не выходишь?

– Нельзя, даже разговаривать с чужими нельзя. Солнышка хочется и гороха. Нет у тебя?

-- Нет. Какой сейчас год?

– Смешной ты, сорок четвёртый, три года война идёт.

– Это неправда, не может быть! Ты всё лжёшь, а я сплю!

– Может не может, сбегай на конец деревни, нарви гороха, и сам поешь, и мне жменьку принеси. Брат мой Коленька ещё утром ушёл, и до сих пор нет.

Скрипнула воротина. Славка вжался в стену, но, увидев Мурку, вскочил с места, бросился за ней и побежал мимо опухшего солдата, ревущих вражеских мотоциклов, скрипящей на ветру виселицы туда, где вчера ещё стояла автобусная остановка.

Дома, заборы, собаки, крики и поле, гороховое поле, на котором копошились голопузые мальчишки.

– Братцы, глядите, самолёт. Наши! – закричал один из них.

– Наши! – подхватили остальные.

– Наши! – закричал Славик.

Автоматная очередь смешалась с грозными окриками на немецком, прожгла грудь, оголила сердце, но Славик не чувствовал боли, только тепло и радость.

– Внучок, ты чего кричишь, приснилось что? – тормошила его бабушка.

– Это сон, просто сон, – заплакал он и прижался к родному человеку, посмотрел на фотографию, с которой улыбалась юная Люся. – Я люблю тебя.

– И я тебя. Вставай, чай пить будем.

– Я мигом, – ответил Славик, и только сейчас почувствовал, что крепко сжимает правую ладонь. Раскрыл онемевшие пальцы и увидел зелёный гороховый стручок.

– Мур, – заурчала кошка, обтёрлась о щеку мальчика, сверкнув изумрудным глазом.

Айсель ПАШАЕВА

ОТЕЦ СЕРГИЙ

– Слава тебе, Господи! Ещё одну службу отслужу.

Эти слова говорил отец Сергей, с трудом поднимаясь на каждую ступеньку паперти храма.

– Иду, иду, мои хорошие. Не имею я права слабеть.

Отец Сергей приходил в церковь всю войну, и не было такого дня, чтобы он пропустил службу. Дочь Лиза просила его остаться дома, плакала и боялась, что не дойдёт он до храма, упадёт где-нибудь и замёрзнет. Но батюшка утешал свою дочь, глядя по голове:

– Не могу я, доченька, надо идти. Утешить людей, укрепить их молитвой, ободрить.

Входя в храм Божий, отец Сергей чувствовал прибавление сил. Он был счастлив, что Господь поставил его быть вместе с этими храбрыми и мужественными людьми блокадного Ленинграда.

Отец Сергей был выше среднего роста, с добрым красивым лицом и большими карими глазами, он сразу располагал к себе любого человека. Никогда ни на что не жаловался, а всегда благодарил за всё Господа.

Перед службой батюшка исповедовал своих прихожан. Они становились в очередь, худые, голодные, бледные. Они ждали утешения и радости от общения с отцом Сергием. Каждый из них подходил и открывал свою душу Господу. Приходили с горем, смертью жены, мужа, ребёнка и другими бедами. Они просили у батюшки молитв и духовной помощи. Батюшка с каждым человеком соединялся в его страданиях, и каждый уходил успокоенным.

После исповеди отец Сергей начинал службу. Он всё делал один, потому что диакон недавно умер от голода прямо на литургии. Богослужение велось рано утром и вечером, народу было в храме всегда очень много.

С таким священником людям легче было перенести трудные времена блокады.

Однажды январским днём отец Сергей был в храме. Вдруг вдали, за сотню километров от Ленинграда, раздался страшный грохот, будто гром невиданной силы. Батюшка упал на колени перед иконами и, плача, горячо молился:

– Слава тебе, Господи! Помоги, Владыка, нашей армии прорвать блокадное кольцо!

Помог Господь, услышал горячие молитвы – прорвали блокаду. Настал долгожданный день – 27 января 1944 года. Дожил батюшка и до дня Победы 9 мая 1945 года.

Ещё долгие годы отец Сергей будет утешать и поддерживать своих прихожан в разных житейских бедах.

В 1963 году Господь призовет своего верного раба – протоиерея Сергия – в свои райские обители.

Батюшка Сергей был моим двоюродным прадедушкой. В 1959 году он приезжал в город Томск в гости. Память об этом легендарном человеке очень бережно и свято хранится в нашей семье.

Вадим СИМОН

ХАНТЫЙСКАЯ СКАЗКА

Жил когда-то на Оби молодой рыбак. Был он из наших мест, а как звали, куда родители его делись – никто и узнавать нарочно не станет.

Как настало лето, так и забыл парень, что весна была, и зима тоже. Чуть солнце выглянет, садился он на обласок и уходил на промысел. Одни говорят, места его были на Утазе, другие говорят – где-то за Ларино, третьи вообще его на Панинскую протоку посылают. А только никто не видел, чтоб в то лето он днём без добычи возвращался. Всегда привозил осетров самых жирных, стерлядей икряных, муксунов и нельм. Всё к вечеру распродал, ещё и себе на обед оставалось.

Всего рыбаку летом хватало, всё удавалось. Продаст добычу – и на гулянье. Смеётся, пьёт, ест. Вокруг девушки, парни: селькупы, ханты, русские. Более всего нравилась ему одна красавица. Приходила она откуда-то с Ларьёгана. Говорили про неё, что она есть само Солнце. Сдружилась она с рыбаком и веселилась с ним по вечерам больше даже, чем с парнями побогаче.

Потерял рыбак голову от счастья, стало ему мало вечеров с девушкой этой, и говорит он ей:

– Хочу с тобой всё время быть!

Она только смеялась:

– Летом я и так почти захожу, куда тебе больше!

– А мне страшно: осень настанет – совсем редко приходиться станешь. – Рыбак слёзы еле сдерживал.

– Вредина ты, солнышко! – девушка ещё звонче смеялась.

Только осень началась, и в самом деле Солнца мало стало. Когда Солнышко и выходила из-за Ларьёгана, тогда на рыбака уже и не смотрела. Прискучил он ей, а может, и летом не нужен был.

Посыпал лист с деревьев, рыбак всё меньше стал ловить. Да и не хотелось вовсе сети тягать, когда Солнышко не светит. Холодать стало, и вернулся однажды парень совсем без рыбы.

Такая тоска накатила, укутался рыбак в олений тулуп и выбежал в лес. Гнался он за Солнцем, кричал, а только Солнце всё от него за облачка пряталась. Выдохся рыбак, да и зарёкся больше не бегать так без толку.

Конечно, и ещё бегал, и кричал, да всё ленивее и безразличнее. Вскоре совсем остался один и без улова. Все запасы съел в доле с крысами. Сделался совсем зверем. Зайцем. Бересту да шишки еловые стал грызть. Не испугался рыбак, когда нечего стало есть. Испугался, когда вспомнил, как хорошо было летом, и нечем стало дышать.

Закутался парень в тулуп ещё плотнее, сгрёб весь свой скарб, что не сгрыз, и ушёл на зиму в землянку. Землянка в тайге, на берегу озера Йанк. Никто не знает, где это озеро, и почему так называется, но рыбак часто там бывал. Хотел рыбак завернуться в шкуры и уснуть, хоть бы даже навечно. Только никак, видимо, не уснуть такому человеку.

Поднялся он, кинул на нарты снасть, метёлку и пешню. Пошёл, значит, по тонкому льду за карасями. Встал на середине озера, размёл метёлкой

свежий снежок и глянул вниз. Под ногами стоит чёрт – кудлатый, страшный, щурится.

– От Солнышка убежал, от людей убежал, а только легче не стало? – И скалится, чертила, жутко.

– Уйди-уйди! – заорал рыбак. – От таких, как ты, легче и не становится! А чёрт только смеётся.

И на следующий день рыбак видел чёрта, и после тоже видел. Как в озеро ни глянешь – сидит уж там и поджидает, аспид. Несносно совсем стало парню, пошёл он на Девичью гору к Ыл-лунку.

Поднимался рыбак на холм по бурелому, а как поднялся – удивился: на вершине совсем голо, костёр большой и сбоку что-то чёрное. Это Ыл-лунк. Ни мальчик, ни старик, ни человек, ни животное – просто чёрт пойми что. Наверное, колдун, наверное, помочь может.

Рассказал парень Ыл-лунку всю свою историю. Лета коснулся, зимы, Солнца, рыбы. То зиму винит, то Солнышко, то себя, то ещё кого – запутался парень совсем. Ыл-лунк слушал его сутки, другие, третьи. Потом пожал плечами (или что там у него вместо плеч), выхватил из костра полешко и хватил им рыбака по голове.

Очнулся рыбак слегка пересолёным в чугунном казане. Виду не подал, что очнулся, залёг на дно. Спрятался среди грибов каких-то, мослов – какого только зачарованного хлама там не было. Ыл-лунк всё вокруг суетился, солил и прутиком помешивал. Когда прутик рёбра рыбака на дне пересчитывал, Ыл-лунк приговаривал озабоченно:

– Когда тебе плохо, это, конечно, хорошо, это, конечно, любопытно... Только вот так оно питательнее выходит...

Выждал, наконец, рыбак, когда Ыл-лунк отвернулся от казана – за солью потянулся. Рыбак высунулся, схватил топор, что подле костра лежал, и вдарил Ыл-лунку по темени обухом. От колдуна звёзды в разные стороны полетели, всякие пылинки, соль. А парень казан опрокинул и был таков.

В землянке только смог отдышаться и высохнуть. А как пришёл в себя рыбак, так и снова за карасями пошёл по озеру Ыанк – а чего ещё оставалось?

Только снег обмёл, только пешню в руки взял – глянул в озеро. Опять стоит внизу лукавый. Разозлился парень, замахнулся пешней и что есть сил ударил себе под ноги. Ухнулся под лёд головой вниз, только чирки стёганые сверкнули.

Под водой в том озере только тина и караси. Опустился рыбак на дно, и вдруг из темноты выходят семь богатырей. Давно легенды у остяков ходят, что богатыри на Ларьёгане жили, а потом ушли под землю. Вот рыбак и глядит – в каждом силы, как у медведя, одежда вся из железа, за спиной – лук, в руках – самострел, и всё верхом на мамонтах – они, как известно всем хантам, тоже под землёй живут.

Кинулись богатыри на рыбака, замахали дубинами. Рыбак только и успел пригнуться. Оказался прямо под мамонтами. Под водой и так темно, а под мамонтами вообще мрак. Ткнул рыбак пешней вверх, точно в брюхо мамонтам.

Больно им стало или щекотно, они заволновались и сбросили богатырей. Богатыри пешим строем пошли на рыбака. Самый низкий из богатырей ростом с двух рыбаков, саблей машет и дубиной помогает.

Рыбак и тут не растерялся. Спрятался за ногой мамонта и оттуда пешней по врагу тычет. Порох в самострелах отсырел, стрелы не летят в воде. Остался рыбак с богатырями в рукопашной. А богатырям в доспехах тоже не с руки воевать под водой, еле от пешни успевают уклоняться. Рыбаку хоть и не просто, да понимает парень, что тут жизнь его решается, потому и дерётся из последних сил, и богатырей валит, как сосны.

Да и в том толку мало: свалил одного, пока другого бьёт, первый уже поднимается опять. Богатыри за ним не успевают, вязнут в иле, друг о друга стучаются. Зато уж как попадут в рыбака дубиною хоть чуть-чуть, так он кувырком отлетает и ног своих не чувствует.

Приловчился рыбак и как-то сбил пешней всех семерых разом. Всё, ду- мал, конец битве, и выбираться ему пора наверх.

Куда уж там! Пузырей пустить не успел, как богатыри опять поднимаются! Залез рыбак по мамонтам, встал им на загривок и прыгнул вверх. Так и до кромки ледяной добрался.

Плюнул в прорубь и пополз в землянку греться, тулуп сушить.

Ничего ему плохого не сделалось, и чёрта он потом видел всё в том же озере, и Солнышко всё так же не ему светило, и Ыл-лунк ходил край озера, ворчал. Только сам рыбак уже пешней не махал, и слёз не лил из-за Солнышка, и к колдунам не ходил. Стало рыбаку всё-всё понятно, зажил он хорошо, и по лету не тосковал, и не воевал ни с кем.

Выйдет, бывает, ночью на улицу. Морозно или не очень – вздохнёт и стоит по целому часу. Смотрит на звёздное небо, и пытается учуять, как под оленьим тулупом, внутри, тлеет что-то живое и тёплое. Вдруг возьмёт, сам себе улыбнётся, снимет тулуп и повесит на облачке, словно ребёнок свою нелюбимую куклу.

Милана ГЛАДКИХ

ТОТ ВЕЧЕР

Иногда я думаю о том, что было бы, если бы мы никогда не встретились. Была ли моя жизнь такой же, какой она является сейчас? Увлекалась я бы всё тем же, чем и сейчас? Да, и самое главное – как именно всё изменилось бы?

Но не буду скрывать – жизнь моя осталась прежней. Та же рутина написания музыки, что и до этого. Возможно, появились некоторые изменения в моих текстах, но это всё потому, что он стал моей музой, вдохновляющей меня изо дня в день. Он со мной и на кухне за приготовлением свежего и ароматного кофе, и после возвращения домой с целым пакетом самых сладких персиков, которые я люблю. И особенно меня вдохновляют его глаза медового цвета. Глаза, излучающие искреннюю нежность, чуткость и обаяние, что в прошлом, что и сейчас.

Вот и в тот вечер я тихонечко наблюдала, как он глазами пробегает по строкам книги научной фантастики. Мне всё-таки удалось убедить его прочесть вместе со мной «Звёздный десант» Роберта Хайнлайна, оставив на время чтение занудных книг по философии. Вернее, читал только он.

Вслух. Я же, положив голову на руку, внимательно слушала, наслаждаясь его бархатным и таким успокаивающим голосом, чем-то похожим на мурлыканье большого дружелюбного кота.

До этого каждый раз, когда он так же мне читал любую свою книгу из домашней библиотеки, но только по телефону, он всегда через время замечал моё долгое молчание в трубке, медленно превращавшееся в сонное сопение, наверное, желал мне спокойной ночи и клал трубку.

Так и сейчас, я лежу на своей руке, погружённая в лёгкую дрему от его приятного голоса, и наслаждаюсь моментом, когда мы наконец-то, вдвоём, и ничего не мешает нам насладиться этим мгновением, кроме неизбежно-го времени закрытия библиотеки.

Я никогда не видела его родителей, но, по рассказам, люди они не из самых приятных. Они видят его исключительно успешным человеком, стремятся помочь ему поступить в университет, при этом максимально изолировав его от общества. Это, по-моему, уже слишком.

– Приём-приём, Земля вызывает Кейт! – голос моего чтеца сменился на дружелюбный и слегка шутливый тон.

Это заставило меня открыть глаза. И я увидела на его лице улыбку. Ах, эта улыбка. Мягкие губы, лёгкий прищур. А глаза... Карие глаза, в которых, казалось, нет ничего необычного, но каждый раз моё сердце начинает биться как-то иначе.

– Да-да, я тебя внимательно слушаю, – ответила я.

И он продолжил читать. До закрытия библиотеки оставалось меньше часа, а мой план так и не был пока реализован.

В тот вечер я хотела признаться ему в любви.

– Знаешь... – я протянула руки к его лицу, бережно сняла с него очки.

Не ожидав такого поворота событий, мой парень положил книгу на стол, озадаченно посмотрев на меня.

– Кейт, но я же не смогу дочитать тебе главу... – с улыбкой тихо произнёс он.

Конечно, я знала, что без своих очков он словно слепой котёнок. Потянувшись в мою сторону, Лоуренс хотел поскорее вернуть свою собственность, но я лишь дальше отодвигала их от него, наблюдая за реакцией, смеясь его нелепыми попыткам одолеть меня. К своему сожалению, в тот момент я потеряла бдительность. Его рука неожиданно сменила маршрут, дотронувшись до моего лица, сняла мои, надев очки Лоуренса мне на нос. Реальная картинка окружающей обстановки тут же помутнела.

– Что ты делаешь? – с улыбкой прищурив глаза, дабы увидеть более чёткое очертание Лоу, я смотрела, куда же он дел мои очки. – Верни-ка их на место!

– Нет, ты первая, – ответил он мне с хитрой улыбкой.

«О, слышу в его словах вызов на дуэль! Ну что же, мой дорогой дуэлянт, я принимаю твоё предложение!» – подумала я и улыбнулась.

Аккуратно толкнув его в плечо, отчего Лоуренс слегка пошатнулся на стуле, я попыталась совершить обманный манёвр. Понимая, что я начинаю игру, он в ответ попытался вытащить стул из-под меня, что, впрочем, ему не удалось.

– Молодые люди, – встревоженный голос уже довольно пожилого библиотекаря прозвучал за нашими спинами. – Простите, но в читальном зале неприемлемо так себя вести.

– Пожалуйста, простите нас, всё-всё, мы уже уходим. – выхватив у Лоуренса свои очки, я встала и, взяв его за руку, направилась к выходу. – Правда, пойдём уже, а то автобус пропустим.

К счастью, наш автобус ещё не приехал. Мы ждали его, сидя на лавочке автобусной остановки, скучающе смотря себе под ноги. Прогноз погоды утром обещал ливень, но дождь больше был похож на грибной. Солнце уходило куда-то далеко за горизонт, пытаюсь там спрятаться от людей до нового дня. Закат сегодня был особенно хорош.

– Мы повели себя, как дети, – с чувством вины произнёс Лоу.

– Знаешь, иногда даже взрослым можно веселиться, – улыбаясь произнесла я в ответ.

Впервые мне хотелось продлить это ожидание как можно дольше. Возможно, оттого, что мне важно было именно в этот момент побыть с ним ещё немного вместе, или же я всё-таки сегодня решусь на признание? Конечно, это можно было сделать и в другой день, но мне казалось, что потом я точно не осмелюсь. Я посмотрела на Лоуренса, подумав, что он даже и не подозревает, что сейчас должно произойти.

Почему-то сейчас вспомнила, как, уже после моего признания, в ночном клубе у меня проходил концерт с парнями из моей группы, с которыми мы дружим с детства. Они у нас в городе – лучшие музыканты. Лоуренс в тот вечер не на шутку разозлился на меня. Не знаю даже, за что – то ли я себя вела как-то не так, то ли он приревновал меня? Знаю точно одно: парни из моей группы ни в чём не были виноваты.

Лоу крепко взял меня за руку и вывел на улицу для серьёзного разговора. Ощущалось, будто вокруг его головы возникла чёрная дымка. Не буквально, конечно, абстрактно. «Ему что-то не нравится, – подумала я. – А я даже не догадываюсь, что именно». Лоуренс стоял передо мной, недовольно хмуря брови. Цвет его глаз был темнее, чем обычно, лицо побледнело, а привычный румянец исчез.

– Кейт, – новый для меня тон не предвещал ничего хорошего, – я долго терпел такое отношение к себе, но это, правда, уже переходит все границы.

– Слушай, если ты про нашего второго солиста, то это были простые, дружеские объятия, – смущаясь, попыталась я прояснить ситуацию.

– Знаешь, меня раздражает его прилипчивость. Я не хочу, чтобы к тебе кто-либо прикасался, не хочу ни с кем тебя делить, Кейт. Понимаешь?

Любая девушка после таких слов сразу бы бросила парня, для театральности ещё и дав тому пощёчину, но у меня в тот момент словно что-то щёлкнуло внутри. Ладони вспотели, щёки пылали, а сердце жгло в груди. Тогда я поняла, что этот хмурый зазнайка останется со мной в этой жизни надолго.

«Так, давай, Кейт, тебе просто нужно сказать пять простых слов, в этом нет ничего сложного, да? Но только при мысли об этом кровь в жилах стынет. Никогда мне ещё не было так страшно. Ну что тут такого? Ты сможешь озвучить ему обычное, весьма несложное предложение встретаться...» – цепенела я от волнения.

– Кейт, вставай уже, автобус уедет без нас, – его голос заставил мой ура-

ган мыслей и переживаний в тот момент стихнуть, довольно быстро вернув меня в реальность.

Фары автобуса освещали одиноких пешеходов, переходивших дорогу. Вскочив со скамейки, мы забежали в автобус и сели на свободные места.

– Фух, успели вроде! Ты чего? – я удивлённо посмотрела на Лоуренса.

– Ничего, – сухо бросил он.

– Как скажешь, – будто расстроенным голосом ответила я.

Это сразу напомнило мне чувство неловкости при нашей первой встрече. В нашей библиотеке ровно два года назад я, ещё совсем юная, семнадцатилетняя девушка, неотрывно наблюдала за пареньком, который усердно готовился к экзаменам. Ему на вид было лет шестнадцать, вокруг на столе горы книг и конспектов. Даже не знаю, чем именно он зацепил меня тогда. Скорее всего, внешностью? Или своим ответственным подходом к подготовке к экзаменам?

Я в тот момент что-то рисовала на небольшом листке бумаги. Станным для меня самой казалось то, что я слишком долго смотрела на него.

«Ой, кажется, он это заметил. Вот же... Как неловко! Так, Кейт, иди уже отсюда!», – очнулась я.

Уходя из читального зала, я не удержалась и прошла мимо стола красивого парня, небрежно кинув на его открытую тетрадь свой рисунок с номером телефона в уголке листка.

«Ого, ты флиртуешь!» – пронеслось в моей голове.

Да. Не будь этого рисунка, сейчас мы не ехали бы вместе в автобусе...

– Лоу, послушай, мне нужно поговорить с тобой кое о чём.

Это свершилось. Наконец настал тот момент, когда перехватывает дыхание, воздуха становится меньше, чтобы закончить фразу.

«Давай, Кейт, скажи это!» – почти кричала я на себя внутри.

– Кейт, конечно, я тебя слушаю. – Лоуренс внимательно на меня посмотрел.

– У меня есть кое-что, что мне давно хотелось тебе сказать...

– Да, не томи уже?! – нетерпеливо, почти испуганно произнёс Лоу.

Глубокий вдох и выдох.

– Ты мне нравишься. Очень. Давай... встречаться?

Эпилог

Меня всегда окружает много разных людей. Но именно Лоуренс подарил мне настоящие любовь и заботу, которую до этого я чувствовала только от моих мамы и папы. Что тут скажешь, мой парень – из особенных людей, мне приятно, что он всегда со мной и готов помочь в трудную минуту.

Он – моя муза. Иногда я представляю, как мы поженимся. Может быть, уже стоит намекнуть ему о свадьбе? Может, даже стоит сходить присмотреть обручальные кольца? Кто знает... Всё решит время.

Как когда-то в нашей с ним истории всё решил тот вечер.

Оксана ОСТАНИНА

ДОРОГОЙ ПРЕДКОВ (отрывок)

– Ложись! – прогремело над самым ухом.

Рядовой Пашка Копылов рухнул на землю, прижался к сухим остовам прошлогодней травы. Ухнул взрыв, отозвался звоном в ушах и затих. Что-то тяжёлое упало сверху, больно упёрлось в спину. Пашка скосил глаза вправо. Рядом лежала рука комвзвода Васильича. Слева, впритык к Пашкиной, безвольно свесилась его голова. Пашка посмотрел вперёд. Метрах в десяти вновь взлетели к небу чёрные комья. Мир оглох, потерял звуки, но продолжал крутить немое кино из бегущих и падающих товарищей.

«Только вперёд», – подумал Пашка, сжался тугой пружиной, рывком скинул тело Васильича. Серое весеннее небо отразилось в остекленевших глазах комвзвода. Автомат ППШ, прижатый к груди, ощерился чёрным дулом. Пашка рванул оружие, но рука комвзвода не раскрылась, вцепилась в ремень. «Папашу» нельзя бросать. Магазин, похожий на консервную банку, почти полный. Автомат да трёхлинейка – хорошая пара, выигрышная. Копылов достал засапожный нож, резанул по ремню, выдернул ППШ и побежал сквозь застилающий дым.

Фриц возник неожиданно, напоролся на дуло, открыл рот, словно пытался докричаться до оглохшего Пашки. Рядовой Копылов уставился на испуганного врага. Палец сжал спусковой крючок. Фриц осел, продолжая смотреть на Пашку. Пришлось ударить прикладом. «Рогатая» каска сбилась назад, потянув за собой хозяина. Впереди прямо на Пашку бежало ещё пятеро «рогачей». Рядовой Копылов стиснул зубы и принялся палить, пока автомат не заглох. Пашка замешкался, снимая с плеча винтовку, почувствовал, как обожгло плечо, а затем ногу. Земля уткнулась в лицо. Пашка закрыл глаза и увидел маму. Она стояла на вокзале и махала рукой уходящему поезду.

– Мэка тők! – услышал Пашка крик, похожий на клёкот. – Мэка тők!

Открыв глаза и пытаясь сосредоточиться на звуке, Пашка заметил девушку. Пальто её было подбито мехом и вышито рваным орнаментом. На голове поверх тёмных волос проходила разноцветная тесьма. «На медсестру не похожа, на местную тоже», – думал Пашка, разглядывая незнакомку. Щемящее чувство захватило грудь, добралось до горла, зажгло в глазах. Время замедлилось, воздух завибрировал.

– Мэка тők! – произнесла девушка и поманила рукой.

Пашка помотал головой, опустил веки и промычал:

– Я не могу. Уходи.

– Иди за мной! – крик взорвался в тяжёлой голове, и Пашка открыл глаза. Лицо девушки было так близко, что он мог рассмотреть собственное отражение в карих, слегка раскосых глазах. Взмахнув руками, она превратилась в красногрудую птицу и отлетела поодаль, продолжая клекотать: «Тők ты». В голове гремела одна и та же фраза: «Иди сюда». Пашка двинул вперёд здоровым плечом и взвыл. Ползти было тяжело.

«Тők ты, тők ты», – не унималась птица, отлетая каждый раз, когда Пашка подползал к ней на расстояние вытянутой руки. Поле сменилось

подлеском, а пичужка всё звала за собой. Наконец-то Пашка схватил надоевшую птицу. В глазах потемнело. Мир схлопнулся, превратившись в кусок мокрых перьев.

«Курлык-курлык!» – услышал Пашка и очнулся. Высоко в небе, еле заметные через игольчатое кружево векового кедра, летели журавли. Холод пробрался под шинель, мучил ноющую ногу. Пашка повернул голову. Рядом с лицом колыхались присыпанные хвоей засохшие веточки черники.

– Авéшпал, – услышал Пашка знакомый голос и попытался сосредоточиться на источнике звука.

Меховые сапоги, тонкая бледная рука, срывающая ягоды и сующая Пашке в рот:

– Авéшпал.

Пашка тянулся губами и жевал сморщенные ягоды, пока тьма не забрала его с собой. Свет. Яркий и звонкий до боли. Звон колокольчиков, обжигающие руки и клёкот красногрудой птицы, бьющейся с лебедем-смертью.

Пашка очнулся от жажды. Ночной морозец пощипывал руки, шею, лицо. Где-то рядом журчал ручей, но до него надо ползти, а последнее страшило больше всего. Тяжёлые веки давили на глаза, но чей-то пристальный взгляд изучал ослабевшего Пашку. Пришлось приподнять ресницы. Напротив, в плетённой из бересты люльке-пите, сидел пожилой мужчина в парке, расшитой железными пластинами.

– Карра, – произнёс Пашка, узнав на одной из них изображение журавля.

– Карра, – подтвердил мужчина. – Пашмак, очнись, иначе земля заберёт твоё тепло. Дочь Солнца уже навещала тебя, просила отца о свадьбе. Пашмак, ты должен подняться.

– Пашмак?

– Я дал тебе это имя, когда ты лежал в колыбели. Теперь она стала лодкой между мирами. Ну́рэгу. Паэ! – закричал мужчина.

«Вспомни!» – разорвало звуком голову, и Пашка открыл глаза. Нож. Материнский подарок, сунутый впопыхах, завернутый в грубую ткань. Пашка носил его в голенище. Прятал. Не хотел, чтобы знали, стеснялся грубо отёсанной ручки с кривыми рисунками, словно сделанными нетвёрдой детской рукой. Пашка прижал к себе лезвие и застонал еле слышно. Остаётся одно – воткнуть себе в сердце, чтобы больше не мучиться. Куда он такой? Пашка тронул плечо. Пуля прошла навывлет. Потянулся к ноге. Значительно хуже – засела в голени, торчала наружу сердечником. Пашка потрогал пулю: «Подковырнуть бы ножом или дёрнуть рукой». Пальцы шевельнули кусок свинца. Озноб пробежал по спине. Пашка взвыл и отключился.

Солёные капли стекали по губам, проникали в рот через приоткрытые зубы, растворялись на языке. Пашка открыл глаза. Красногрудая птица держала в клюве красные камни.

– Что это? – из последних сил спросил Пашка.

– Твоя кровь, – заклекотала птица. – Я собрала её.

Пашка вздрогнул и очнулся. Утреннее солнце играло на тонкой изморози, покрывшей сухие стебли. «Я должен подняться», – подумал он и тихонько пополз спиной по шершавому стволу могучего кедра.

Подмосковный лес, окутанный золотыми лучами, сиял белыми ство-

лами берёзы, качал тонкими прутьями ивы, играл изумрудными иголками разлапистых елей. Такой же родной, как под Томском, за тысячу километров отсюда.

Надо вытащить пулю. Здоровая нога стянула сапог с больной. Зубы сжали подобранную с земли кедровую ветку. Кончик ножа скользнул по свинцовому боку, подцепил и взмыл вверх. Челюсть сжалась до хруста. Смятый сердечник упал на траву. Улыбка скривила лицо, из глаз брызнули слёзы. Пашка соскрёб со ствола кедра смолу и засунул липкий кусок в рану. Время остановилось, словно даря возможность набраться сил.

Холодно. В метрах пятнадцати ельник. Лапник согреет. Спасёт от проказ игривого апреля, меняющего жару на снег. «Маленькой ёлочке», – запел Пашка и подался вперёд, сантиметр за сантиметром. Вот и зелёные иголки, осталось лишь замахнуться, срубить несколько веток и остаться в тени высокого дерева. Талый снег, спрятанный под нижними лапами, стал лучшей наградой. Пашка ел, не чувствуя хруста песка, и смотрел на белые облака, несущиеся по небу к родному дому. «Тёк ты!» – запела красногрудая птица, зовя за собой. Пришлось вернуться к кедру. Пичуга настырная, не отстанет.

Зелёные лапы обдали жаром, затрясли ослабшее тело. «Мама, мама!» – прохрипел Пашка и провалился в вязкую тьму. Стало легко. В центре берестяного чума тихо потрескивал очаг. Пашка почувствовал, что парит над мхурым отцом и серой от горя матерью. Вот и люлька, ставшая лодкой.

* * *

Кералча Рябинин, коренастый остяк-селькуп, камлал в светлом чуме, отчего звали его тэтыпы-сомбырни. К седьмому десятку шаман вошёл в полную силу. Парка Кералчи обросла железными пластинами с выбитыми журавлями. В центре гагара с питой на спине – пропуск в любые пространства, добротный нагрудник, шапка с пиками, устремлёнными к небу, для защиты от нехороших духов. Пояс тяжёлый. На нём две связки шакка – трубчатых подвесок с удлинёнными витыми черешками и два капшита – колотушек для бубна: одна подбита мехом с оленьего лба, другая – мехом с медвежьей лапы. Имя шамана определило путь на земле – танцевать с длинноногими птицами. Они спрятались в бубне, срослись с внутренней стороной обечайки, летели к небу с каждым ударом. У сильных сомбырни была ещё сабля-кида. У Кералчи когда-то был нож, но остался только топорик.

– Если бы я тогда понимал, – оправдывался перед Кералчи Виктор Копылов, – не увёз бы сына с женой.

– Ты трус, – сказал Кералчи, расстилая на противоположной стороне чума шкуру лося.

– Азы, – обратилась к своему отцу Айна, мать Пашки. – У Виктора бронь.

– Он трус не потому, что сам не воюет, а оттого, что сына желает спрятать. Сначала забрал у меня, а теперь захотел у народа. Всё равно Пашмака не увидишь. Не успел я его всему научить, передал дар от деда к внуку, но этого мало, практика нужна, знания, что кожей от дыхания леса впитываешь. Сложно теперь ему придётся.

Айна не сдержала слёз.

– Не реви, дочь станет тебе утешением. Понесла ты недавно, оттого

сильнее чувствуешь сына. Как прижало – вспомнили об отце, не стыдно теперь, что он тэтыпы-сомбырни?

– Вы должны понять, я доктор, университет закончил, а вы... – вновь принялся оправдываться Виктор.

– А у меня свой университет, – усмехнулся Кералча. – Что было, то было. Время моё на исходе.

Айна уставилась на отца.

– Это последнее камлание, – продолжил Кералча. – Через три дня я уйду. Похороны по закону. Ты, – посмотрел он на зятя, – вещи мои Пашмаку передашь. Он вспомнит, что делать.

– Азы, – встала Айна и обняла отца. – Прости!

Кералча погладил дочь по голове и посмотрел на стоящего за ней духа:

– Пора!

Айна вернулась на место у костра, взяла мужа за руку. Бубен издал звон. Сначала тихо, потом всё сильнее и сильнее. Воздух задрожал, обрёл упругость, разошёлся над костром. Айна закричала, увидев у высокого кедра раненого сына. Только Виктор непонимающе смотрел то на тестя, то на жену, говоривших на незнакомом ему языке.

– Я всё подготовил, – сказал Кералча. – Дочь Земли спасла Пашмака от дочери Солнца.

Шаман снял с пояса шакку и ударил по ней топориком. Раздался звон, и Айна увидела рядом с сыном могучего воина, закованного в железные доспехи.

– Богатырь защитит Пашмака, пока он слаб, затем о нём позаботится Нина. Ты не увидишь невестку и внуков, просто знай – сын в хороших руках.

Айна кивнула и, борясь со страхом, спросила:

– Когда я умру?

– Не скоро. Твоя любовь – это плата за жизнь. Теперь уходите. Я буду биться с тем, кто хочет забрать у нас Пашмака.

Айна встала, потянула за собой мужа и вышла на улицу. Лёгкий ветерок ворошил выбившиеся из-под платка пряди волос, а ласковое солнце играло на глади небольшого озера, недавно скинувшего лёд. Весна кралась по тайге, расстилала ещё тонкое зелёное покрывало.

– Пашмак будет жить, – уверенно произнесла Айна на русском.

– Он... – Виктор хотел было поправить жену, но осёкся. Не сейчас.

Пашмак... что это за имя? Двенадцать лет прошло, как он увёз жену и сына от тестя. Не хотел, чтобы Кералча забивал им голову суевериями да таскал Пашку по тайге. Сын должен учиться в школе, стать доктором. Да и время пришло. Отработал Виктор своё в глухом поселении, можно вернуться в город, в цивилизацию, к шуму машин и трамвайчиков, электричеству, водопроводу. Вести приём в поликлинике а не в избе, назначать лекарства без уговоров их принимать. Не придётся соперничать с тестем, который «лечил» по старинке. Многие пациенты шли после Виктора к Кералче, запирались в берестяном чуме и били в бубен, как дикари.

Виктор и сейчас был против вернуться в район, но Айна так убивалась, что муж не выдержал, дрогнул, даже пытался наладить общение. Совсем

плох стал старик. Зять предлагал осмотр, даже лекарства, которые всеми неправдами выбил в командировку. Ему даже машину дали. Да тесть упрямый, не согласился.

Кералча умер, как говорил. Так и не вышел из чума. Айна собрала вещи отца в железный ящик и спрятала в лабаз – сарай, стоящий на высоких сваях. Шамана переложили в гроб, выдолбленный из цельного ствола дерева, накрыли крышкой, сбитой из досок, и унесли в тайгу. Установили гроб на шесты, чтоб не достали дикие звери, и оставили так. Виктор внутренне чертыхался, но сдержался. Что с них взять, лесные племена: ни гигиены, ни Христа за душой. Всё-таки вовремя он увёз Пашку подальше от языческих пережитков.

* * *

«Вставай, пора!» – услышала Нина, и проснулась. Бабушка, умершая накануне войны, часто навещала во сне осиротевшую внучку. Родители ушли ещё раньше, в тридцать седьмом, едва ей исполнилось двенадцать. Дочери врагов народа выделили дом, одиноко стоящий в конце деревни, да приставили к ней бабку Евдокию – сестру родной бабушки. Так они и жили. За спиной лес, впереди покосившиеся избы нерадивых хозяев. Уехали в город на заработки, да так и не вернулись.

Поначалу Нина плакала: от школы далеко, да и подружки теперь косились, обходили стороной. Бабка Евдокия, видя мокрые глаза, сердилась:

– Ты им ещё спасибо скажешь.

Нина хлюпала носиком и кривила розовые губки:

– За что?

– Поживёшь, узнаешь. Ты про кедр и Пашмака помнишь?

Нина кивала и злилась. Совсем старая из ума выжила.

– Запомни, – талдычила бабка. – Ты его жизнь. Он твоё спасение.

Вот и сейчас бабка за своё. Даже на том свете всё про Башмак говорит.

В одном Евдокия оказалась права. Есть Нине за что спасибо говорить. В их околоток немчура не совалась. Нечего брать, да и на постой не шибко захочется.

Нина потёрла заспанные глаза и отодвинула серую занавеску, висевшую на окне. Апрель нынче суров: днём жарит, к ночи морозом с ног валит. Вдалеке залаяли псы, послышался рёв автомата. Говорили, что наши близко. За лесом слышался грохот, который то стихал, то снова нарастал. Но до них свои ещё не дошли.

Нина перекрестилась и посмотрела в угол, где когда-то стояла икона. Надо бежать. Схорониться, пока патруль рядом с домом. Кто знает, что у немчуры на уме. Захаживают редко, да враз может стать метко. Одна в доме девка, некому защитить.

Схватив вытертый полушубок, Нина выскочила из дома и огородами пошла к лесу. Там есть чем заняться. Медвежий лук поднялся – всё еда. А там крапива да щавель – не пропадёт, дотянет до ягод.

Нина посмотрела на берёзу и опять вспомнила Евдокию. Говорили, та лечить могла, знала, какая травка от чего. Бабка говорить о том не любила. Когда совсем хиреть стала, таскала Нинку за собой то в поле, то в лес, да бубнила:

– Вот эту рябенькую мне нарви, поясница совсем замучила. Да не эту, совсем сдурела. От такой только животу легче становится.

– Бабусь, как эта травка называется? – интересовалась Нина.

Но бабка только ворчала:

– Как называется, тебе Галка-учительница скажет, а мне одно надобно: сорви да принеси.

Нина спрашивала учительницу по биологии, и даже собрала гербарий, выучив все окрестные травинки да былинки. Вот и сейчас Нина шла по лесу, проговаривая про себя названия знакомых трав. Высоко в небе закурлыкали журавли, отчего на душе сделалось благодно. Нина подняла голову, проследила за вернувшимися домой птицами и уткнулась глазами в верхушку кедра.

Вновь вспомнились слова Евдокии, но Нина заупрямилась. Что там искать? «А вдруг?» – подумалось ей, и ноги сами понесли в глубину леса. Корни могучего дерева были завалены еловыми ветками. Нина подошла ближе. Видать, чей-то схрон. Любопытство взяло верх, и рука сама потянулась к веткам: «Небось муку припрятали». Нина давно не ела белого хлеба, даже ржаным не баловалась. Представив пышную горячую краюху, она подавилась слюной и резко дёрнула одну из веток, ойкнула и отскочила.

На земле в серой рваной шинели лежал свой, родненький, солдатик. Один сапог его был снят. На ноге была рана с воспалёнными краями. Отбросив ещё пару веток, Нина взяла его за руку, прижалась ухом к груди. Дышит, но больно горячий.

Парень застонал и приоткрыл глаза.

– Опять станешь птицей? – прошептал он едва слышно.

– Нет, – так же тихо ответила она. – Жар у тебя. К себе не дотащу, да и опасно это. Жди меня. Я мигом.

Солдатик не ответил, задрожал, тщедушный. Нина вернула на место ветки и помчалась обратно. Уже на границе с полем нарвала берёзовых серёжек. Берёза – хорошее дерево: в нём тебе и сок, и лучина, и чай от любой хвори. Оглядевшись по сторонам, она тихонечко пробралась к дому, и только тогда поняла, что забыла про валежник. Последних дров едва хватило.

Нина растопила печку, нагрела воды, и плоские камни Евдокии, которые та использовала как грелку, завернула в холстину, отвар аккуратно поместился в бутылку. Больше взять нечего.

Обратно шла, оглядываясь, не торопилась, хоть ноги и несли к высокому кедру. Узнают – расстреляют и её, и солдатика.

– Живой? – спросила она, боясь откинуть лапник.

– Живой, – еле слышно ответил парень.

– Тогда пей, тихонько, не обожгись. Как жар спадёт, холод почувешь. В холстине грелка. Скинешь тряпку-то, и теплее станет. Я к тебе завтра приду.

Набрав сухостоя на обратном пути, она минула очередной патруль с серой злющей собакой, вырывавшейся из рук немца. Тот, высокий и крепкий, проводил девушку взглядом, что-то крикнув вслед. Девушка уткнулась в колкие ветки и прибавила шаг, чувствуя лёгкость. Там, в самом сердце леса, Нина разделила свою жизнь на двоих, обменяла её на надежду.

Климент ГОРЮХИН

КРЕПКИЕ КОСЦЫ ОТ КОМСОМОЛА

– Коси-ка, сука, сено! Коси-ка, сука, сам!

Почти японская поговорка

В сентябре далёкого 76 года после производственной практики я с друзьями, Сашей Седиковым и Николаем Савиновым, решили отдохнуть на выезде. Собрались мы застать бархатный сезон в славной столице Советской Аджарии – городе Батуми. Путёвки от горкома ВЛКСМ в молодёжный лагерь «Цисарткела» были не у всех. А только у Саши и двух наших кемеровских подруг-студенток Раисы и Гали. А у нас с Николаем была чешская гитара Стетона, большая по тем временам редкость, и молодые лужёные глотки. Ещё была бесконечная уверенность в том, что весь мир будет лежать у наших ног, стоит только запеть под эту самую гитару.

Решено: полетели рейсом Томск – Краснодар на флагмане Аэрофлота того времени – турбовинтовом «ИЛ-18». И так бездарно попались с курением в высотном туалете... Затем мы поездом легко достигли города Батуми и быстро нашли ЦК комсомола Аджарии. Он расположился на проспекте Сталина в княжеском дворце с колоннами и усатым милицейским сержантом на входе. Сержант давно не утюжил брюк и форменной рубашки, разомлел на жару и нёс службу вяло – мы легко его миновали.

Мелкий, в том числе ростом, клерк в высоченном кабинете покосился на нашу гитару.

– Сту мари, гхват саа, – гость от бога, – пробурчал клерк... Затем он небрежно сунул в карман наши драгоценные 60 рублей за две путёвки и сел звонить в лагерь. Самих путёвок, чеков или квитанций он нам почему-то не дал....

– Поезжайте в лагерь, скажете там, что вы от Реваза. И будете агитбригадой ЦК комсомола Сибири, или как там у вас называется комсомол, – клерк снова покосился на гитару. – Раз уж вы с гитарой!

Клерк Реваз оказался вторым секретарём ЦК, куратором всех двух молодёжных лагерей автономной советской республики. Разместившись в лагере на Зелёной Горе, мы принялись интенсивно плескаться в Чёрном море. Ещё стали кататься по живописным городкам побережья и на озеро Рица. И, конечно, употреблять местные вина и знакомиться с аборигенами, не забывая петь по вечерам на три голоса «Тбилисо» и другие хиты.

И вот в один недобрый пасмурный день меня вызвали к телефону в штаб лагеря. На проводе Реваз, который бессовестно использовал своё служебное положение.

– Приедет дедушка Дато, вы сделайте всё как надо, и он вас не обидит... – буркнул второй секретарь, и отключился – такой занятой!

Дедушка его оказался небритым, таким же мелким и суховатым, почти что русско-молчащим. С помощью кастелянши-переводчицы Мананы и активной жестикуляции выяснилось, что на мандариновой плантации

у деда Дато выросла трава, а пора собирать урожай. И что нужно её – траву – срочно скосить. Почему Реваз послал деда именно к нам, трём студентам из Сибири, осталось загадкой. В лагере отдыхали ещё 200 таких же потенциальных косцов со всей страны.

Первое моё резонное замечание, что косить следует ранним утром, по мокрой траве, не поимело успеха. Ещё косы нужно отбивать и точить. Дед сказал, что мы и так поедem рано, и чтобы мы не беспокоились – инструмент будет уже на плантации. Похоже было, что дедушка Дато – это бригадир колхозников, или агроном местного совхоза. Потому мы и согласились в пасмурный день немного помочь колхозникам – нам не трудно! Но всё оказалось гораздо сложнее...

На следующий день дед Дато приехал на выдавшей виды пузатой «Волге», «ГАЗ-21» неопределённого цвета от множества красочных заплаток шпатлёвки на кузове. Но хромированный олень огнём горел на капоте – а как же! И мы выдвинулись на покос.

Машина внутри была такая же красочная – дед перевозил на заднем сиденье всякий кроличий сельхозгруз, да и самих длинноухих – тоже. Об этом говорил, нет, кричал едкий кроликовый дух.

Тащиться по серпантинам пришлось часа полтора со скоростью 30 км/час. Ведь движок у «Волги» безбожно «троил» и постоянно грозил заглохнуть. У деда на носу чудом держались толстенные окуляры с верёвочкой на ухе. Поэтому ехал он всё время посередине дороги, а иногда кренился вправо всем телом вместе с рулём, уворачиваясь так от встречного транспорта.

Прибыли мы к мандаринам, когда уже солнце вовсю палило. И никакие тени от него не спасали. Плодовые деревья сидели в твёрдом бурого цвета грунте квадратно-гнездовым способом. Роса, на которую мы так надеялись, давно высохла. Плантация показалась нам безграничной, а трава сочной и высокой – местами чуть ли не до пояса. Рельеф тоже удивил – деревья в 2-3 метра и трава росли вертикально вверх на довольно крутом склоне. Колхозников нигде не было видно.

Мы втроём прилично загрустили – покос уже не казался лёгкой прогулкой... Но отступить было поздно. Косы-литовки, стоявшие в сарайчике без замка, оказались не отбитыми и не точёными. Чего и следовало ожидать! Хуже было то, что у деда не оказалось ни оселка, ни бруска, ни даже напильника! Наша задача стала трудной, почти невыполнимой. Дед десять раз переспросил, приложив ладонь к уху – чего нам от него нужно? Потом закивал часто-часто и сбегал к сторожу соседней плантации за бруском. А пока мы точили инструмент, сбегал куда-то ещё и принёс мятую алюминиевую бадейку литров на пять с чем-то жидким – видимо, с водой.

Показав направление косьбы, он утарахтел на своей одноглазой «ласточке» по кривой дороге между мандариновых деревьев. Эти деревья нахально помахивали мелкими, кое-где зелёными мандаринами... Такого количества цитрусовых, да ещё и на ветках, да ещё и спелых, мы отродясь не видывали. В новогодних целлофановых пакетиках-подарках от папиного профсоюза всегда было одно и то же. Для нас, детей 60-х, там лежала одна мандаринка, одно яблоко и 100-граммовый шоколад «Алёнка». Ещё было 10 штук конфет – шоколадные «Мишка на Севере» да «Мишка косолапый». А остальные – ирис «Кис-кис» да слипшаяся карамель «Земляничная».

В заботах про заточку инструмента мы совершенно упустили вопрос пропитания и времени окончания трудового процесса. Но вода в бадейке была, да и мандарины вполне успели – есть не хочу!

Выбрав направление движения – вниз по склону, мы встали на исходную позицию «крылом». Николай – первый, чуть сзади Саша, а я – замыкающий. Так научил меня когда-то батя Евгений Яковлевич. Он был деревенский парень, выучившийся в ТГУ (Томский государственный университет) «на инженера».

Таким образом мы захватывали разом полосу в четыре метра склона. И так, прижимая пятку косы к земле, с каждым нелёгким взмахом продвигались вниз – «вжииик-вжик-уфф»... Затем поднимались вверх с литовками на плечах, и всё повторялось.

Мандарины были не из Марокко – скорее кислые, чем сладкие, и нам быстро надоели. Только Николай, как самый запасливый, нарвал мелких зеленоватых плодов целую сетку-авоську.

– Пospеют по дороге, ничего, что зелёные, – оптимистично пояснил Коля на немой вопрос «зачем?».

И вот, после часа работы, мы решили освежиться водичкой из бадейки, стоявшей в тени. Но вдруг выяснилось, что дед заботливо налил в неё не воды, которая была в дефиците, а вина, которое повсюду лилось рекой... Вино, хоть и сухое, но от этого не менее кислое, быстро утекало в наши сухие глотки. Сторож соседней плантации подходил, цокал языком, что-то непереводаемое вещал.

– Гочах бичебо! – наверное, хвалил.

Совершенно мокрые от пота, слегка одуревшие от дедовской бадейки, мы почти «на автомате» повторяли «танец косца» по склону вниз и упрямо ползли вверх.

По стройотрядовскому опыту мы знали: на монотонной работе нельзя останавливаться – не сможешь снова встать. Верхонок нам дед не дал. И вот уже руки, привыкшие к авторучке и перебиранию гитарных струн, грозили прорваться кровавыми мозолями... Но скошенная трава с субтропическими цветами буквально на глазах подсохла. Её дурманящий аромат вместе с лёгким ветерком с моря кое-как скрашивал наше бедственное положение крепостных косцов!

Вот солнце закатилось за гору, и почти сразу стало темно. Посреди купола южного неба три заморенных нетрезвых косца вдыхали, лёжа на траве, наркотические ароматы Юга и ощущали себя песчинками мироздания...

Дед Дато наконец-то притарыхтел, увидел в последних солнечных лучах результаты покоса и чему-то сильно удивился. С участием того же соседского сторожа он пояснил, что мы делали прокосы слишком далеко вниз и прилично залезли на чужую, не дедовскую, территорию.

– Дзалиан адад! Дзалиан...– плохо наше дело, ой, плохо! – причитал дед...

Но поднимать траву обратно уже не было сил, и «Волга» двинулась в обратный путь. Когда машина тронулась с места, стало видно, что светит только одна, да ещё и правая фара, а приборная доска совсем никак не освещена. В кромешной тьме, почти без ближнего и дальнего света, мы вы-

ехали с плантации с полуслепым и глуховатым дедом Дато, который всю дорогу мурлыкал грузинскую мелодию. Натерпевшись жуткого страха, когда машина резко сворачивала на очередном вираже, в мыслях и устно мы проклинали аджарских плантаторов-латифундистов.

– Чтоб вам бесплатно косить в колхозе «30 лет без урожая!» – честили мы высокую траву, мелкие мандарины и всю автономную республику в целом. Только через два часа «Волга» поднялась по горе в лагерь. Кухня давно «ушла», но на горе работало нехитрое кафе на открытом воздухе.

– Сагол, бичи! – Молодцы, парни! – дед Дато не слишком-то расщедрился и выдал Саше, как самому солидному, три мятых синих пятирублёвки на всех, и утарахтел вниз.

В 76-м это были приличные деньги. Хотя, если бы знать заранее, ни за что бы не вписались в эту ночную езду по горам с риском для жизни...

Но настало утро, и к нам в столовую-кинозал на завтрак нагрнуло комсомольское начальство с Ревазом, первым секретарём ЦК и хозяином соседней плантации. Это у него мы ошибочно скосили всю траву. Назревал скандал – ведь мы уничтожили своими косами чужую собственность... Но всё обошлось! Этот здоровенный сосед-плантатор оказался большим начальником, и все пожилые комсомольцы смотрели ему в рот.

– Дорогие друзья! Сегодня мы от всего сердца благодарим наших юных гостей из Сибири, – большой начальник вовсе не разгневался на наше самоуправство, а даже наоборот! Чудно!

Дальше немолодой комсомольский секретарь попросил тишины, вызвал нас троих на сцену, пожал руки и вручил большую именную грамоту ЦК комсомола Аджарской АССР «За активное участие в культурной жизни лагеря «Цисарткела».

– Мы все живём в дружной семье советских народов, – большой начальник-плантатор снова сказал слова о дружбе и взаимопомощи между республиками Союза. Хотя какая нам помощь от грузин? Кроме мандаринов в новогодние подарки.

Но – самое главное – он интеллигентно, одновременно с пожатием наших забинтованных рук, вручил каждому по конверту. Еле дотерпев до конца церемонии, мы заглянули в конверты и – о чудо! В почтовом конверте «АВИА» лежала только одна бумажка, но какая! Зелёный цвет её поистине ласкал взор, это были целые 50 рублей! Тут мы разом поразились и щедрости плантатора, и скупости деда Дато.

Впоследствии наши местные друзья рассказали, что батумские и сухумские мандарины – это единственные цитрусовые, растущие в открытом грунте на территории СССР. И хозяйева этих довольно невзрачных тогда мандаринок сдают их тоннами на государственный заготпункт, выручая каждый год стоимость трёх «Волг». А если не ленятся, то грузят урожай в «Колхиду», и в Москве, или даже в Тюмени продают его на базаре в течение ноября-декабря за совершенно фантастические суммы. И так – каждый год!

Играть на гитаре мы смогли только через неделю. И вскоре покинули гостеприимную Аджарию и незабываемый лагерь «Цисарткела», что значит – «Радуга».

А к Новому, 1977 году из Батуми каждому из нас пришёл по почте уве-

систый фанерный ящик с дырками. Там были невиданные в Сибири чурчхела, пеламуши, козинаки и мандарины! Каждая мандаринка была завернута в салфетку. От мороза! Да ещё и по красному блоку контрабандного «Marlboro».

Это аджарские друзья поздравили нас из своего субтропического далёка! Мы тоже в ответ отправили кедровые орехи и шишки, но не нашли понимания и были вынуждены письменно объяснять, как ими «пользоваться». Один из наших друзей-аджарцев – пловец Сосо Абашидзе стал чемпионом Грузии и членом сборной Союза по водному поло. Он долго ещё подписывал Саше, как коллеге по плаванию, цветные открытки, отправляя их из разных стран.

Присланные мандарины неожиданно оказались крупными и сладкими, хотя и подмёрзли слегка на долгом зимнем пути. Ну а сигареты «Marlboro» выдавались студентам ТИСИ поштучно и только по большим праздникам!

Юрий Степанов

ОТКРОВЕННО ГОВОРЯ

фрагменты воспоминаний

«Когда я был маленьким, у меня тоже была бабушка...» Наше поколение хорошо помнит замечательную кинокомедию «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещён!», в которой товарищ Дынин в исполнении Евгения Евстигнеева со слезой в голосе произносит эти слова. У меня тоже была бабушка, даже две, как и положено нормальному пацану. Одна из них, мамина мама – Гатинская (Фурман) Сарра Яковлевна. Под воздействием дремучих стереотипов, сохранившихся и после революции, а порой просто мракобесия, в своё время она превратилась в Серафиму Яковлевну. Так, посчитали, будет проще в жизни. Сначала о ней. Жили мы совсем рядом и заботы обо мне, когда мама с отцом уходили на работу, ложились на неё. Я гораздо лучше помню её дом и двор на Большой Подгорной, чем нашу квартирку на улице Розы Люксембург, где наша семья поселилась в 1959 году, после возвращения в Томск из Забайкалья. Это был большой двухэтажный дом, скатанный в конце XIX века из добротных брёвен, с брандмауэром. На окнах первого этажа были ставни, которые на ночь обязательно запирались. Было, значит, зачем. Населяло этот дом много разного, в основном еврейского народа. Жила там, например, тётя Нюра (?), тоже еврейка, то ли наша дальняя родственница, то ли близкая подруга бабушки. Дверь в её комнатку располагалась в одном из общих коридоров, где в том числе был вход в туалет, на котором красовалась фасонистая (как сейчас говорят, в стиле «модерн»), в эмали, табличка: «Ватеръ клозетъ». Никакой он, конечно, был не «ватеръ», обыкновенный, просто тёплый сортир с круглым аккуратным «очком». Но я не об этом. Бабушка с тётей Нюрой были очень дружны.

Когда меня оставляли на попечение (было мне года два-три), управившись с домашними делами, бабушка спешила к подруге. Меня, естественно, брала с собой. Чтобы я не мешал общению, мне давали что-нибудь поиграть. Например, была там большая пёстрая жестяная коробка, царская, конечно, которая мне очень нравилась. Женщины в это время оживлённо беседовали. Коробка – вещь, конечно, полезная, но в это же время я внимательно вслушивался в разговор... и не понимал ни одного слова. Поначалу это производило на меня шокирующее впечатление, пока я не получил разъяснения, что разговор вёлся «на еврейском». Думаю, скрывать им от меня особо было нечего, но... мало ли о чём могут говорить между собой, наедине ещё совсем не старые (по крайней мере, по нынешним временам) женщины. Было им в ту пору чуть за шестьдесят. Хотя жизнь успела вместить в эти шестьдесят столько событий... совсем не способствующих сохранению молодости и здоровья. Погром 1905-го года, «Империалистическая», революция, Гражданская война, наконец, Отечественная. «Лихая им досталась доля!»

За домом, с противоположной от улицы стороны, был большой двор, на краю которого размещались сараи (дровяники), а уже за ними, ближе к Воскресенской горе – огороды. А как без них? Огороды тогда были практически у всех, кто имел дом или хотя бы угол в доме. Даже когда в 1962 году мы получили отдельную благоустроенную квартиру, тот огород, на Подгорной, исправно снабжал нас овощами. Помидоры, например, были невероятно вкусные.

Начало шестидесятых. Конечно, в своём ещё совсем сопливым возрасте я не мог полноценно осознавать глобальные «оттепельные» процессы, происходившие в Державе. Ближе и интереснее были дела земные. Например, проезд во двор «золотаря», на телеге, с громадной деревянной бочкой, запряжённой лошадёнкой, далёкой от чистых кровей. Сам «мастер», по-научному «черповой», тщедушного вида мужичок, в ветхом ватнике и повывавшем виды треухе, вооружённый длинным шестом с прикреплённым к одному его концу ведром. С помощью этого нехитрого, но проверенного инвентаря он и чистил дворовый нужник. Опорожня одну ёмкость и наполняя другую. Отъезжая затем на своём благоухающем экипаже далее, по маршруту. Не менее значительным событием была колка дров. Топили печи только дровами, никакого угля. Упаси бог! Печи-то русские. На них варили, парили, жарили... а от угля пыль да сажа. Короче, не то. Дровокола нанимали со стороны, поскольку вся семья у бабушки была женской: она сама, её старшая дочь, моя тётка Анна (коммунистка, директор школы, «железная советская леди»), да две её дочери Ольга и Светка, входившие в то время в подростковый возраст. Один из них (дровоколов) некто дядя Вася. Прямо скажем, не «Ерус-лан». Конечно, это завораживающее действие не могло не привлечь мальчишеское внимание. Мне уже, наверное, года четыре было. Я упорно «нарезал» круги вокруг этого дяди Васи, сопровождая просмотр заунывным нытьём «дать мне попробовать».

Настолько, видимо, я ему надоел, что в итоге он сдался и вручил мне колун (!), справедливо полагая, что я его просто не подниму. Но я поднял. И ударил по здоровенной чурке, служившей ему подставкой, для удобства. Тупой тяжёлый колун, ударившись о сырой берёзовый чурбак, как ему было и положено, отскочил прямо соискателю в лоб. Спасла шапка (дело было осенью) и то, что обух прошёл вскользь, содрав кожу на лбу и левой брови. Потрогав место ушиба и обнаружив на пальцах кровь, я огласил двор рёвом отчаяния и обиды. Уж не знаю, чем закончились разборки у бабушки с дядей Васей, но я был подвергнут порке. Экзекуция происходила дома, в сенях, где почти всё пространство занимал здоровенный сундук «с музыкой». Разместив меня на нём задницей кверху, бабушка лупила меня... сорговым венником. Даже учитывая эмоциональную остроту момента и кровавую рану, я про себя недоумевал: «Вообще не больно!».

К слову, колка дров на протяжении всей жизни остаётся для меня одним из наиболее любимых занятий. Вот так!

Бабушка, бабушка... Для меня, в памяти, очень пожилая женщина, характерной еврейской наружности. Уж ни убавить, ни прибавить! Нипочём не спутаешь. Я, будучи единственным внуком (трое остальных были внучки), почивал на лаврах любимчика. С бабушкой у нас были доверительные, даже

деловые отношения. К последнему я относился так себе, по обстоятельствам. Например, ходить с ней за мясом на базар, мягко говоря, недолго любил. Гостиные ряды старого томского базара, этакий бастион, представляющий собой добротную прямоугольную двухэтажную кирпичную постройку конца XIX века, во внутреннем дворе которой размещались овощные и фруктовые ряды и даже стояли бочки с вином, из которых «на розлив» торговали «красненьким» среднеазиатского происхождения. Аромат стоял...

На втором этаже, устроенном в виде галереи, располагались магазинчики со всякой всячиной. В одном из них, под вывеской «Мужские сорочки», работала моя вторая бабушка, Степанова (Родионова) Анна Александровна. Ну а первый этаж был под мясо и рыбу. У входа в торговый зал с большими мраморными столами-прилавками сидел устрашающего вида мужик с громадным зобом и торговал старыми газетами для упаковки товара. Дядька этот, без которого завсегда таи рынка его и представить себе не могли, думаю, тоже был еврей. Занять такую нишу в торговой жизни города какой-нибудь Иванов или Петров был просто не в состоянии. В этот «мраморный зал» и лежал наш путь, а там начиналось... Выбор мяса и его покупка занимали по времени никак не меньше часа (или мне так казалось). Бабушка в ходе этого ответственного процесса представала передо мной в совершенно неожиданном облике. Всегда спокойная и уравновешенная, умудрённая жизнью, с ненавязчивым и уместным еврейским юморком, здесь превращалась в расчётливую, агрессивную и сварливую пожилую тётку. Мясо, а нужно было разное мясо, подвергалось осмотру со всех сторон, обнюхиванию, встряхиваниям и тому подобным манипуляциям. Всё это сопровождалось ворчливыми замечаниями и упрёками торговцам, не желавшим, по её глубокому убеждению, соблюдать баланс цены и качества. Мне всё это быстро надоедало, я ныл «под руку», что у меня живот болит или что-то в этом духе, но тщетно, в эти минуты развести бабушку на жалость было невозможно. Как и во всём подлунном мире, стремящемся к балансу и равновесию, нужно признать – готовила бабушка отменно. Это был небольшой относительно набор вроде бы традиционных блюд, составлявших основу меню миллионов простых семей: борщ, жареная картошка, пирожки и что-то подобное, но это были шедевры простой домашней кухни. Конечно, все мы склонны идеализировать и наделять воспоминания о детстве превосходными, необычными свойствами, но, сдаётся мне, что вкуснее «бабушкиных пирожков» я ничего и никогда в жизни не ел. Спасибо тебе, баба Сарра!

Родилась бабушка в далёком 1896 году. За год-два до переезда её родителей из Мариинска в Томск. Её отец, Яков Фурман, в полном соответствии с фамилией, занимался извозом, держа для этого несколько лошадей. В семье кроме бабушки было ещё пятеро её братьев да престарелые родители отца. По тем временам нормальная (никак не многодетная) семья. Жили, судя по всему, не богато, но и не бедно. Сужу об этом по отрывочным сведениям из маминых рассказов и нескольким сохранившимся фотографиям. Бабушка была младшим ребёнком и, в отличие от братьев, закончила двухлетнее женское народное училище на деньги еврейской общины. Была она в юные годы, я бы сказал, красивой. Да, наверное, не только я. И в 17 лет должна была выйти за-

муж за симпатичного еврейского парня Лёню Гатинского, но тут грянула война. Первая мировая.

Думаю, немногие мещане-провинциалы, наверное, не только мещане и не только провинциалы разделяли ура-патриотические настроения столиц и тех персонажей, кто проливать кровь не собирался, но гнал народ на убой. Не разделял и Лёня Гатинский. В гробу он видел эту войну, когда такая невеста ждёт! И решил он «откосить». Добрые люди посоветовали, что и как нужно сделать. «С гарантией!» И он сделал. Какая-то бабка, промышлявшая разнообразными «медицинскими» услугами, недоступными в казённых больницах, проколола ему вязальной спицей барабанную перепонку. Откосил. Сепсис и быстрая смерть. По каким-то еврейским обычаям и традициям, или по уговору родителей, баба Сарра вышла замуж за младшего брата Леонида – Ефима. И по иронии судьбы вытянула счастливый билет.

Я многое слышал об этом человеке. От самой бабушки, от мамы, дяди Миши (младшего маминого брата), ещё от кого-то, в один голос все твердили одно: прекрасный человек! Ефим Моисеевич, 1894 года рождения. В 1915-м тоже был рекрутирован. Сохранились две фотографии, его и бабушкина, которыми они обменялись перед его отправкой на фронт. «На позицию», как он подписал свою. Бравый паренёк, фуражка набекрень, в ладно сидящей форме. Как будто не ополченец какой-то, а уже понюхавший пороху боец. Даже сапоги «бутылочками». Наверное, взял у кого-то сфотографироваться. Ну а бабушка... слов нет! Юная загадочная красавица. Один взгляд чего стоит!

Странно, но никто никогда в родне не упоминал о том, где дед был на «империалистической». Ни слова. Как, впрочем, и о втором моём деде, Степанове Николае Ильиче, послужившем в Гражданскую в РККА и демобилизованном из неё в 1923 году. Эти скупые сведения значатся в формуляре Центрального архива Вооружённых Сил. Что там было? Этого, к сожалению, не узнать уже никогда. А жаль.

Вернувшись «с позиций», Фима свой бравый вид не посрамил. И один за другим у него с молодой женой появились на свет, на Большой Подгорной, трое ребятишек. Первый Лёня (Йонтов Липа), затем Аня (Хайя Роха), а потом и моя мама, Фрида (Фрейда Лея). И в 1934 году, у зрелых уже родителей (папе сорок, маме тридцать восемь), родился последыш – Миша (Моисей). Вот что интересно, дядя Миша увидел свет божий в самый что ни на есть атеистический этап истории страны, середина тридцатых, когда гонения на церковь приобрели наиболее агрессивный и бескомпромиссный характер. Попы, равнины и муллы находились на задворках социальной иерархии, на ролях лишенцев, изгоев и просто посмешищ. А вот поди ж ты... дядька-то у меня был обрезанный! Вот и думай, как Советы недосмотрели?

Здесь повествование требует небольшого отступления. Многодетные еврейские семьи в середине XIX века (т. е. времени, с которого мне приблизительно известна история моих предков) были явлением абсолютно обыденным, как, впрочем, и у других народов, проживавших по соседству в России и в Сибири в частности. Орденов и медалей тогда за это не давали. Ни тебе материнского капитала, ни льготной ипотеки. Растили и воспитывали в боль-

шинстве случаев в спартанских условиях. Дорогу в жизнь прокладывали себе сами. Основным достоянием, в наследство от родителей, были мудрые житейские советы и тревожные воспоминания о регулярных порках за детские и юношеские прегрешения, иногда производимые авансом. «Чтоб служба мёдом не казалась!» Многим этого багажа вполне хватало, чтобы выйти в люди. Вот и ломай голову над философской аксиомой, гласящей: всё познаётся в сравнении. Нынешняя молодая поросль, имея многое, о чём мои деды-прадеды даже не мечтали, и половины добиться не в состоянии. Может, пора к поркам вернуться?

Были у моей бабы Сарры двое дядьёв, сродных братьёв её отца. Близкая родня, одним словом. Дух авантюризма, замешанный на исконной еврейской предприимчивости и бродящих в народе слухах о сказочных возможностях, открывающихся в Америке, подтолкнул их к путешествию через океан. Подробности не располагаю, но Атлантику они пересекли благополучно. «Кривая вывела» их почему-то не в Штаты, а в Аргентину. Судьба, значит, была такая. В этой симпатичной стране они занялись животноводством, и преуспели, заведя ранчо и выращивая там коров, быков, может, кого ещё. Всё это знаю из сбивчивых рассказов родных и близких, компилируя информацию и эмоции, проявленные в ходе повествования. Некоторые, к слову, говорили, что оказались братаны в Австралии. Но самая примитивная логика заставляет из двух вариантов сделать выбор в пользу Западного полушария. Долго ли, коротко, об этом история также умалчивает, но оба аргентинских сибиряка (или сибирских аргентинца) отошли в мир иной. Что с ними случилось и почему, также неясно.

Оставшееся же после них имущество, недвижимое и движимое, по суровым аргентинским законам, через установленное время было подсчитано, сконвертировано и оформлено как наследство. Оставалось найти наследников. Наследниками оказались братья Фурман и их единственная сестра, баба Сарра. Время на дворе стояло суровое, сталинское. Тут не то что за империалистическое наследство, нажитое каторжным трудом эксплуатируемого аргентинского крестьянства, за мешок муки, подвезённый пару кварталов на твоей телеге, можно было «присесть» на пару лет. Что, собственно, и произошло с моим дедом Ефимом. Но бумаги в Томск пришли, и на этом основании пригласили братьёв, а затем и бабу Сарру с ними ознакомиться. Даже не очень богатого образования им хватило, чтобы сообразить, что к чему. И, крестя мысленно (несмотря на иудейское происхождение) столоначальников в габардиновых кителях, от миллионов дружно отказались. Наотрез.

Нужно сказать, что тема эта обсуждалась в семье неохотно. Остаётся додумывать. По закону сохранения материи деньги бесследно исчезнуть не могли. Вполне резонно предположить, что молодое Советское государство не упустило возможности пополнить свои закрома. Что, впрочем, логично.

Четверо детей, в доме мир и покой. Мама часто мне рассказывает об этом времени. Понятно, что её воспоминания со временем всё больше приобретают эмоциональную окраску. Ей всё-таки уже девяносто семь. Рекордсменка, дай бог ей здоровья. Хотя... Как-то, было мне, наверное, в ту пору лет семь-восемь, мы с отцом, прогуливаясь по городу (скорее всего, возвращались с фут-

бола), встретили крепко подвыпившего старичка с гармонью. Отец тепло поприветствовал его, они перебросились несколькими фразами, и мы пошли в своём направлении, а дедок, наигрывая на гармошке, в своём. Отец улыбнулся и сказал мне:

– Дядька мой. День рождения справляет, сто лет...

Так вот, дети у Гатинских шли своими дорогами. Старший, Лёня (или Иона), учился на фотографа. Чем не еврейское ремесло? Года два-три назад, разбирая очередную кипу старых любительских фотографий, попадающих ко мне в оборот регулярно, наткнулся на одну, запечатлевшую трёх молодых парней, один из которых очень походил на моего дядьку (которого я никогда, кроме как на фото, не видел), на обороте карандашом было подписано: «Гошка, Зоил, Фотограф». Я, конечно, сразу обратился к маме, это действительно был Леонид. Тётя Аня поступила и успешно училась в Томском университете, на геолого-географическом. Мама была круглой отличницей в школе, а младший, Миша, помаленьку осваивал свой мальчишеский ареал. Время репрессий, посадок, амнистий, новых посадок. Краем своих жерновов всё это задевало и нашу еврейскую слободу. Как я уже писал, деда арестовали, осудили и посадили на два года за то, что он подвёз на своей телеге (работал он в «Торге» возчиком) какого-то мужика с мешком муки, оказавшейся ворованной. Соучастник, стало быть.

Примерно в это же время случилось более значительное событие – пожар. По рассказам, поджог жилого дома был поставлен на карточный кон какими-то местными уркаганами. Вот они и подожгли дом (соседний с нашим), причём со входов. Деревянный Томск... Иногда пожары выжигали улицы целиком. Горел соседний дом, значит, мог загореться и твой. Люди выпрыгивали из окон, кто-то, завернув в одеяла и подушки детей, выбрасывал их со второго этажа. Потенциальные погорельцы-соседи спасали своё добро. В узлы летело всё более-менее представлявшее какую-то ценность, а то и просто что попало под руку. Всё это в «пожарном» порядке выволакивалось во двор. Когда огонь угас, пожитки стали возвращать по местам. Узлы, которые вытаскивали в одиночку, еле поднимали вчетвером. При обследовании содержимого оказалось, что ни одна чашка или тарелка не разбились.

Были, конечно, и радости. Новые фильмы, демонстрации, праздники, нехитрые обновки, семейные уютные застолья с песнями и патефоном. При каждой моей встрече с мамой я слышу от неё одну и ту же фразу: «Как мы хорошо жили!».

Повествование моё хочешь не хочешь но привязано к хронологической оси, хотя иногда своенравно выбивается из этой логичной последовательности. Это я к тому, что планета с фатальной неизбежностью приближалась к самой кровавой за свою историю войне. А страна наша – к тому, чтобы занять в этой вселенской бойне особое место. Главной мученицы, а затем карающего меча отмщения. Геополитика, нацизм, коммунизм... Всё это в определённой степени понятные слова, но очень уж далёкие от народа. От простых людей, живущих своей жизнью и занятых своими простыми, обыденными, но важными для них делами. И люди эти, в подавляющем своём большинстве, не мог-

ли взять в толк истоки этой суеты вселенского масштаба. Но не оказаться в этой каше были уже не в силах.

Гром грянул. Сейчас, с расстояния многих десятков лет, начитавшись, насмотревшись и наслушавшись, начинаешь осознавать, какая тогда на нас навалилась беда. Жестокая и беспощадная. Красная Армия – любимица народа, воспетая и взлелеянная великолепно отлаженной и блестяще организованной пропагандой, умываясь кровью, откатывалась на восток, устилая горький путь бесчисленными потерями. И ведь не скажешь, что бежали! Нет, не бежали. Проигрывали во всём, не в силах противостоять железному валу страшно-го цунами. Отбивались с отчаянием и безнадёгой, ложились под танки, шли в рукопашную... но удар был настолько мощный и коварный, что в итоге оказались под Москвой. Такая получилась арифметика с географией.

Дедам моим к тому времени было сорок семь Ефиму и сорок один Николаю Ильичу. Оба были мобилизованы. Ну, сорок один ещё куда ни шло, но сорок семь – даже сейчас не самый подходящий для пехоты возраст. Для начала в пехоту он и не попал. На фронт отправляли не только людей, но и лошадей. Для тех и «в пир и в мир» работа находилась. Вот со своей лошадкой в одном эшелоне и двинул Ефим Моисеевич в октябре 1941-го на запад. К слову, звали лошадку Зайчик. В семье есть предание, что в ночь, когда дед со своими однополчанами шёл через город на погрузку, дорога пролегла мимо родного дома. Пользуясь случаем, он забежал во двор и оставил на крыльце два железных ведра: пригодятся в хозяйстве. Так наверняка думал он, так же истолковали находку утром домашние. Время показало, что несла она в себе иной смысл. В дороге дед про лошадей не забывал, бегал на полустанках за водой, подкармливал, как мог. Животине-то вообще невдомёк, с чего весь этот кипеш.

Если поднапрячь фантазию, наверное, можно себе представить октябрь 1941 года. Но как ни напрягайся, только очевидцы и участники знают, «почём фунт лиха». И попал наш Ефим вместо предполагаемого обоза прямо на передний край. Нетрудно понять: какой на хер обоз! Винтовку в руки – и в окоп! Чудо ещё, что живым оставался четыре месяца. Просто провидение господне. Или как там у евреев? Достала пуля деда в феврале 1942-го. Где-то под Москвой. Сосед, с которым они уходили из одного двора, оказался свидетелем его гибели. Вернувшись живым, он и рассказал родным, как было дело, да передал фотографию, где перед самым уходом на фронт вся семья на крыльчке родного дома. Фотография та цела, хранится у меня.

Пишу это и вспоминаю один из многочисленных рассказов Владимира Ивановича Юрина (некогда главного тренера «Томи», коренного торпедовца) о своих футбольных путях-дорогах. Сейчас будет понятно, в чём дело. Сначала сам эпизод. Примерно так, от первого лица:

...Играли в Тбилиси, с «Динамо». Стадион битком, восемьдесят тысяч! Болеют как сумасшедшие! Вышли на поле, колени дрожат, ничего не получается, хоть плачь! Гоняют нас, как котов помойных. Двадцатая минута, 0:2, и сделать ничего не можем, какие-то обречённые. Ну, я смотрю на это, я же капитан, и такая во мне досада и злость поднимаются на беспомощность нашу, и я включаю эту досаду и злость и начинаю их в центре «выжигать»! Один

подкат, второй, третий... гляжу, наши потихоньку просыпаются, заводятся, глядя на меня. Начинаем единоборства выигрывать, переламываем ситуацию, и уже их гоним. Закончили 2:2, и ещё, честно говоря, «отпустили», должны были выигрывать.

Это к тому, что чистые победы приходят редко. Здесь войну и спорт легко отождествлять. Настоящие победители рождаются не вдруг. Как правило, они проходят все стадии закалки, огонь, воду, бесконечно сыплющиеся на тебя удары. Кто может, научился держать удар, только тот достоин Победы и способен победить. Так и было на Великой войне. Мои деды и много-много миллионов таких, как они, простых мужиков, работяг, отцов семейств держали эти первые, самые страшные удары. Дойдя до какой-то черты, они воплотили в себе досаду и злость, упёрлись и повернули кровавое колесо вспять – на запад. Мне не ведомы чувства бабушки, я только могу догадываться о горе-горьком женщины, матери четверых детей, держащей в бессильных руках похоронку. Возможно, тяжесть утраты хоть как-то разбавлял поток таких же казённых бумажек, сотнями и тысячами приходивших в тихие томские дворики. Уже по одному этому люди понимали ужасающий масштаб битвы, в которую вступила Держава.

В Томск хлынул поток эвакуированных. Одних заводов переехало в наш невеликий, прямо скажем, городок, аж тридцать два. А госпиталей, военных училищ и «прочая и прочая»... Куда их всех? Мама рассказывала, что у них, на Большой Подгорной, квартировало семеро (!) новых жильцов. Спали, понятно, на полу. Тяжело представить, даже учитывая богатый казарменный и полевой опыт бытового экстрима, как всё это было. Общая большая беда объединила людей, нивелировала многое – неудобства, дискомфорт, лишения. Мама даже, по-моему, немного удивляясь, рассказывает, что жили дружно, по-честному деля тяготы. Что интересно, среди «новеньких» тоже были евреи. Одному из них, некоему Лёве, бабушка ночью посыпала кудри каким-то «проверенным» порошком, борясь со вшами. А что в них тогда было особенного? Добра этого хватало. Не только в окопах. Но боролись и с этой напастью. И побеждали!

Заглянем к другой моей бабушке, на Набережную реки Томи, дом 7, где проживала семья Степановых. Итак: бабушка Аня (многие называли ее Ньюрой (?), её муж, мой дед – Степанов Николай Ильич, и двое сыновей, Геннадий и Герман. Геннадий был старшим, 1922 года, а Герман, мой папа, родился в 1927-м. Подчиняясь веяниям мещанских (народных) традиций, сыновьям дали имена, начинающиеся на одну и ту же букву. Геннадий – тут без вопросов, но кто мог себе представить тогда, в 1927-м, хоть на мгновение, что безобидное вроде имя, которое, например, носил известный пушкинский герой, принесёт отцу вскоре кучу проблем.

Но это так, к слову. Что касается нарицательного в советское время прозвания «мещане», то в данном контексте по-другому и не скажешь. Дед мой был портным. Мужским портным-надомником. На заре Советской власти, вернувшись с Гражданской в 1923-м, состоял в коммуне собратьев по профессии, которой даже выделили для проживания шикарный старинный дом на берегу Томи, по улице Карла Маркса, № 1. Скорее всего, портным дед стал ещё

до войны, а когда гром отгремел, возобновил нужное для всех дело. Неплохим, видно, был мастером, коль выделили ему вскоре отдельное жильё.

Квартиру ту, на Набережной, я отлично помню. В ней присутствовали все обязательные элементы интерьера, свидетельствующие об определённом достатке, наличии вкуса и чувства стиля, соответствующих социальному положению и эпохе. Диван, с высокой спинкой и валиками, слоники на нём, кровать с шарами, репродукция с изображением то ли мушкетёра, то ли гренадера, дедовский ножной «Зингер», и т. п. Окна комнаты (а была ещё большая кухня с русской печью и широкой кроватью, на которой, видимо, спали братья) выходили на реку. До неё было метров 20–30. Из них было отлично видно дебаркадер пристани с рестораном на втором этаже и регулярно стоявшие у причала пассажирские теплоходы «Мария Ульянова», «Михаил Калинин» и «Патрис Лумумба». Это были сказочной красоты корабли. Гордость томского речного флота. Они поблёскивали медными начищенными деталями, лениво покачиваясь на речной волне. С верхней палубы неизменно звучала музыка... Я подолгу глядел на них, и, конечно, видел, как они, давая протяжный прощальный гудок, уходили вниз по Томи, на север.

В сорок первом, сорока одного года от роду, дед отправился на фронт. Бабушка осталась на хозяйстве. Где-то работала с утра до позднего вечера. Время военное, даже вдалеке от «позиций», было трудным, голодным. Отцу к июню 1941-го было четырнадцать лет. Он об этом времени вспоминал, конечно, но не очень охотно. Чаще всего я слышал от него, после пары стаканов портвейна, как он, влекомый голодом, тырил с чужого огорода репку или какой другой овощ, обмывал в реке, тем и пробивался. Старший, Геннадий к тому времени оказался «на северах», завербовавшись в охрану. Была такая страница в семейной биографии. На север, кстати, он через какое-то время вернулся, осуждённый за убийство. То ты охраняешь, то тебя... Диалектика. Долго сидел в лагерях.

В воспоминаниях мамы и тётки Ани это был красавец мужчина, атлетического сложения, походивший, по единодушному признанию, аж на самого Джека Лондона. Особенно восторженно говорила об этом тётка Аня, как она однажды встретила его в городе, в «ковбойке», галифе и хромовых сапогах. Грудь, бицепсы, шея, голубые глаза... Интонации скрыть трудно, если вообще возможно, особенно, когда они используются в отношении симпатичных тебе людей. Кстати, скульптурное сложение дядьки моего объяснить не сложно. Мой прадед Александр Родионов, то есть отец бабушки Анны, был цирковым борцом. По крайней мере, регулярно выступал на томской арене в различных турнирах по «французской» борьбе. Об этом свидетельствуют многочисленные объявления в томских газетах. За достигнутые успехи был удостоен чести сфотографироваться вместе с Иваном Поддубным во время его первого (был и второй) визита в Томск. Хочешь не хочешь, спортивная элита! За выступления борцы получали довольно приличные гонорары. Народ в цирк валом валил. Борьба была гвоздём программы. В Томске же дед оказался в конце XIX века, в ссылке из Княгининской волости Нижегородской губернии, где, по рассказам отца, ударом кулака убил сельского старосту. За что, судя по всему, был осуждён и, отсидев положенное в тюрьме, а может, на каторге, оказался

в Сибири. Вообще, об этой ветви моей родословной остались очень скудные и отрывочные сведения. Первоисточники, вечная им память, давно оставили мирскую суету. Но и то, что осталось, волнует воображение своим полумифическим содержанием. Но и реальным в том числе.

Из реальных, даже опубликованных в томских газетах, – побег на фронт (Первой мировой) родной сестры бабушки Ани, Александры Родионовой, 15 лет от роду, на тот момент шестиклассницы томской Мариинской женской гимназии. Как она преодолела пять тысяч километров, остаётся только догадываться. Но преодолела, и примкнула, переодевшись в мужское платье, к какой-то маршевой части. Природные данные, видимо, щедро доставшиеся ей от отца, позволили попасть аж в разведку. И вот эта пятнадцатилетняя гимназистка ходила за линию фронта, брала языков (!) и разоблачена была (в прямом и переносном смысле) лишь после ранения, в госпитале. Из госпиталя же, через Варшаву, её и ещё двух таких же амазонок, отправили по домам, но перед этим представили и наградили Георгиевскими крестами. Такие дела! А мы «Гусарскую балладу» смотрим и восхищаемся. А сколько ещё подобных сюжетов об удали русской лежит «под сукном»?!

Другая моя двоюродная бабушка, по той же Родионовской ветви, вышла замуж за представителя одной из самых известных томских фамилий, сына почётного гражданина Томска, купца первой гильдии Евграфа Королёва – Николая. От этого брака появился на свет мальчик – Евграф Николаевич, протянув ко мне ниточку кровного родства.

Деду Степанову бежать на фронт было не нужно, его туда и так отправили в числе других, почти полутора сотен тысяч томичей. Портной – не извозчик. Профессия редкая, и окопов на передовой дед избежал, сразу оказавшись в дивизионной мастерской. Были и такие. Через какое-то время её возглавил. Дивизия, по тем временам, – порядка пятнадцати тысяч, это сколько штанов да гимнастёрок надо?! Нового обмундирования не напасёшься, потому чинили, перелицовывали, латали бэушное. С убитых да раненых в том числе. Кроме этого, хоронить павших было нужно, в трофейных командах шустрить... Да мало ли на войне и кроме стрельбы хлопот. Думаю, и пострелять случалось, кто его знает. Дед не рассказывал. Сопливый я ещё был. Бабушка и отец тоже помалкивали. Но в комод, в верхнем ящике, в обитой бархатом шкатулке со стеклянной крышкой, лежали дедовские награды. Орден Красной Звезды, медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За Будапешт», ещё несколько. Они тянули к себе как магнитом! Иногда, когда взрослые были увлечены застольем, мне разрешали нацепить их на себя и покрасоваться на улице. Тяжёлое боевое серебро оттягивало рубашонку чуть не до колен, но я был счастлив и горд, испытывая магическое ощущение сопричастности.

Дед Степанов был небольшого росточка, худощавый и лысый. Воспоминавший собственных о нём осталось совсем немного. Помню, любил он ходить по грибы и был в этом деле знатоком. Отпечаталась в памяти мизансцена: дед в кепке и брезентовом дождевике, с корзиной грибов на плече появляется в дверях. Ещё он был страстным любителем бегов. Постоянным посетителем ипподрома. Был в Томске ипподром, с какой-то уникальной, говорят, дорожкой (треком, по-нынешнему), со зданием, построенным по проекту Константина

Лыгина в «русском стиле». Насколько известно, единственным деревянным строением, вышедшим из его мастерской. Здание с ажурными деревянными украшениями и башенками было встроено в трибуну, судя по фото, не меньше чем на две тысячи мест. Ипподром снесли... В начале семидесятых – эпоху правления Лигачёва Е. К. На этом месте (другого же не было !!!) воздвигли Дворец зрелищ и спорта. Типовой, стандартный, как из-под топора Урфина Джюса. Получилось, что Дворец снесли, а «дворец» построили: подумаешь, Лыгин! Да хрен с этим Лыгиным! Нечего тут навозом вонять, в центре умного города!

А вот почему, допустим, в Москве ипподром не снесли? Тоже самый центр.

Дворец спорта, кстати, в начале своей истории, под руководством талантливого руководителя – Моисея Мироновича Мучника (чувствуете?!), был вместительным и культуры, и спорта. Сюда, в Томск, приезжала аж сборная СССР по фигурному катанию, с самой Ириной Родниной, на тренировочный сбор. Но короток оказался век «дворца». В 1992 году, то есть меньше чем через двадцать лет, его двери закрылись для хоккеистов и фигуристов и уже не открывались никогда. Зато широко распахнулись для челночников и иных подобных коммерсантов, расплодившихся быстро, как тараканы, и так же быстро превративших единственную в полумиллионном городе ледовую арену в примитивную барахолку. Чего руководителям наших народных профсоюзов (в чьей собственности «дворец» находился), только было и надо. Капусту они там шинковали, не покладая рук. И ведь всё с этих рук им сошло. Мудрые и заботливые руководители города и области искусно делали вид, что ничего не происходит. По крайней мере, ничего особенного. Да что там Дворец спорта?! Всё ушло с молотка: нефть, газ, лес... Ну где нам, сирым да убогим, такими богатствами рулить? Вот в столицах это умеют, не чета нам... И раскатились наши столоначальнички, как Колобки из известной сказки, кто куда. От греха подальше. Вроде так всё и было. Может, конечно, где-то лиса и притаилась, да подзачерствели они с тех пор.

Но вернёмся к деду Степанову. Любитель он был бегов! Играл, конечно, на тотализаторе. Это, к слову, официально было. Был и буфет. А там и представительницы прекрасной половины Томска в шляпках да крепдешинах. Не знаю, грешить на деда или нет, но однажды он так прихорашивался перед зеркалом, поправляя галстук китайского шёлка, собираясь на ипподром, что бабушка в праведном негодовании (вот ведь родионовская горячая кровь!) вывалила ему на лысину и бостоновый костюм кастрюлю молочной лапши. Резюмируя акт возмездия русским народным вердиктом: «Твоей кобыле морду набили!».

Пришлось деду и присесть ненадолго, в начале пятидесятых. По уголовной, судя по всему, статье. В семье об этом никогда не говорили, но не так давно мама отдала мне отцовские письма, написанные ей из Забайкалья. В одном из них есть несколько строк о том, что «...отец стал жертвой тяги к спиртному и излишней доверчивости...», в связи с чем, собственно, и находится в лагерях. Что там было на самом деле, сейчас и не узнать. Ходил дед и на футбол. Но почему-то сам, без нас с отцом, тоже заядлых болельщиков. Однажды после игры мы зашли по пути домой на набережную Томи, а минут через десять пришёл и дед. В этот вечер наши проиграли пермской «Звезде»

0:1, и горю моему не было границ. Тут, честно, переживал я от души, иногда до слёз. Отец, конечно, подшучивал надо мной, но тоже был не в лучшем расположении духа. А дед, попыхивая сигареткой в мундштуке, прищурившись и покачав головой, изрёк:

– Ну что, пермяки-солёны уши обделали сибирских чалдонов?!

Сохранилось ещё одно семейное предание о нём. Вернувшись после своей отсидки, он, переступив порог родного дома, сказал:

– Ну вот, Нюра, я и вернулся, накрывай на стол!

На что Нюра ответила:

– Так не на что накрывать-то, Коля...

Тогда дед подошёл к кровати, о которой я уже писал: зелёная, перламутровая, с шишечками и набалдашниками, открутил один набалдашничек, засунул в отверстие палец и извлёк оттуда тугой рулончик советских денежных знаков разного достоинства. А значит, стол всё же был накрыт!

От одной бабушки на Большой Подгорной до другой на Набережной Томи неспешным шагом минут десять. Томск – городишко небольшой. А до войны, несмотря на своё губернское прошлое, вообще был, по строгому счёту, захудалым, оставаясь на задворках Сибирского края, в тени стремительно растущего Новосибирска. Но никогда, ни одного раза у меня не возникало ощущения захолустной провинциальности моего города, даже в сравнении с десятками отечественных и зарубежных мегаполисов, бывать в которых мне доводилось не раз. Наоборот, неспешные деревянные улочки, несколько приземистый старый центр, с раннего детства знакомые места, пусть и не выдающейся (а иногда и выдающейся) архитектурной стати, особенно на чужбине рождали в душе неповторимое тёплое чувство.

Мама «засиделась в девках». До двадцати пяти лет и выпуска из ординатуры. Если бы не сорок девять килограммов миниатюрного телосложения, по тем годам чистый «перестарок». Нет, женихи, конечно, были. Неплохие вроде ребята. Один лётчик, другой физик. Короче говоря, по-нынешнему, «в тренде». Но на поверку, по-мужски, оказались слабаками. Что один, что другой. И первому и второму соискателю брак с еврейкой запретили родители-отцы (!). Мама, конечно, об этом мне рассказывала не без грусти и горечи. Может, даже больше переживала за их бесхарактерность. Я много думал об этом, как такое могло произойти? В стране победившего социализма... Возможно, не было любви? А возможно, семейные устои, традиции и стереотипы дореволюционной, патриархальной России были ещё слишком сильны. Сколько там лет после семнадцатого прошло? Не так уж и много. Наше поколение скроено по новым лекалам, мои дети – вообще другая история.

Расставшись по очереди с обоими женихами, мама ждала распределения. По её рассказам, «... уже сама оперировала...», должна она была отправиться аж в Якутск, в только что открывшуюся глазную клинику. Находясь «на старте», в один из летних дней 1952 года, прогуливаясь по центру Томска, она встретила мою вторую бабушку – Степанову Анну Александровну. Из разговора выяснилось, что никто не женат и не замужем... «А Гера в отпуске»... Через пару часов отпускник с цветами был на Большой Подгорной, чтобы сде-

лать предложение. И оно было принято! В отличие от потенциальных, но не состоявшихся свёкров, Николай Ильич Степанов (знаток, что ты!) при всяком удобном случае утверждал: «Невестка у меня красавица!».

Знакомы мама с отцом были достаточно давно, с ноября 1944 года, когда студенческой компанией на Большой Подгорной отмечали 7 ноября и своё поступление в институты. Сдаётся мне, что отец с того самого момента был в маму влюблён, и, даже будучи человеком безалаберным, без особого стержня, чувство это пронёс через всю жизнь, ни разу ему не изменив. Но, между нами, особо за суженую и не бился. Как китайцы говорят, «сидел на крыльце своего дома...», и всё само собой состоялось. Мама же, зная отца к тому времени достаточно хорошо, сочла «партию» соответствующей моменту.

Хотя жил и работал отец даже не «у чёрта на куличках», а чуть дальше. Объединение «Союзолово», прииск Шумиловка, Хилокский район Читинской области. Потом – рудник Куналей, это ещё дальше в сопки, откуда до прииска, старшего по ранжиру административного образования, девять часов верхом, по «припою», узкой тропинке между скалой и обрывом. Это я к тому, что мама знала, куда придётся ехать к любимому. В полном смысле в «шалаш». Но поехала. Родила там двоих детей. Мою сестру, Наталью, затем меня. Кстати, перед свадьбой отец, набравшись решимости, спросил невесту:

– Ты хоть представляешь, куда придётся ехать?

На что последовал ответ:

– Ничего, везде люди живут.

Отец проработал в Забайкалье девять лет. Мама семь. При этом, наряду с рассказами о том, как зимой при помывке пола за тряпкой тянулась тонкая ледяная корочка, или о том, как ей, окулисту (единственному врачу на весь рудник, а это больше тысячи человек), приходилось принимать роды, вооружившись учебником по акушерству («...ни один ребёнок не умер!»), она всегда добрым словом вспоминала нехитрый быт, простоту и сердечность живших там людей и восхищалась девственной красотой суровой забайкальской природы. Папа был старшим маркшейдером рудника.

Должность непростая, ответственная. От него напрямую зависел кпд забоев и шурфов. Платили, кстати, неплохо. Под чутким маминым финансовым контролем сумели даже накопить на квартиру в Томске. Хотя папа выпивал... Рудничные называли его «наш культурный пьяница». Был он человеком образованным, аккуратным, а в чём-то даже педантичным. Обладал великолепным мужским почерком, именно мужским, буква к буквке. Вся рабочая документация была у него в образцовом состоянии. Из его писем на «большую землю» известно, что в период подготовки отчётов главный маркшейдер прииска (объединявшего несколько рудников) выписывал Германа Николаевича к себе на «базу», где тот и выполнял значительную часть работы. Добывали на «нашем» руднике вольфрам и молибден. Сохранилось множество фотографий того, забайкальского, периода. Отец приобрёл фотоаппарат и серьёзно увлёкся этим делом. В тех условиях – все эти проявители, закрепители... Я точно не смог бы сосредоточиться на этой рутинной, скрупулёзной, хотя и интересной работе. Да, не моё это... Разглядывая снимки забайкальских пейзажей, в изобилии сделанных отцом, я иногда думаю, что он, наверное, мог бы неплохо ри-

совать. Но, видимо, этот специфический вид досуга не вписывался в суровый быт горняков (...).

Вернулась наша семья из Забайкалья в родной Томск в феврале 1959 года. На первое время поселились на улице Розы Люксембург, возле второй школы, в двух кварталах от бабы Сарры, купив половину небольшого дома у некой тёти Симы. Еврейки, само собой, старой бабушкиной знакомой. Отопление печное, вода из колонки, дощатый, аккуратно побеленный сортир в огороде, на вольном воздухе. На огороде этом произрастали разные сибирские овощи и ягоды. Многое из этого периода я помню уже хорошо. Некоторые эпизоды врезались в память на всю жизнь.

Например: начало зимы, не холодно, валит крупными хлопьями снег. Отец в ватнике и сбитой на затылок шапке чистит «пихлом» (сибирское название лопаты для уборки снега) дорожку к воротам. Тут же во дворе стоит запряжённая в сани лошадка, от неё из «произведённой» ею пирамидки блестящих кругляшей валит густой пар. Я кручусь рядом, настроение отличное, столько событий! Отец сооружает лопатой в сугробе ровное углубление, наподобие духовки, помещает туда несколько «клубней» и сообщает мне, что это печь с пирогами. Или – солнечное утро, отец тискает меня, едва открывшего глаза, и говорит:

– Вставай уже! Всё спишь, а в это время человек в космос полетел!

Вот ещё один запомнившийся эпизод. Не знаю, зачем, скорее, просто так, вооружившись по недосмотру родителей ножницами, залез я под кровать, и в этом потаённом месте «подправил» себе причёску, откромсав всю левую часть чёлочки. Получилось не очень эстетично, а ко всему больно и обидно. В момент стрижки отец вытянул меня из укрытия и, придерживая одной рукой, другой выдернул из брюк ремень... Взвившись змеей, он опустился на мою задницу, сопровождая этот магический момент жгучей болью и рёвом «парикмахера». Короче, «опыт – сын ошибок трудных», лучше не скажешь.

Дома того давно уже нет. Хотя место после его сноса осталось пустовать. Пустует до сих пор, занимая часть территории второго роддома. Через забор от нашей избушки располагалась вторая (!) средняя школа. Это учебное заведение, построенное ещё до революции в качестве народного училища, тесно связано с нашей семьёй. В нём училась ещё бабушка (баба Сарра), потом и все остальные по этой линии, а в довершение и я. Десять лет, «от звонка до звонка». Об этом обязательно, но чуть позже.

В 1962 году в семье нашей произошло важное событие, мы переехали в новую, благоустроенную квартиру, по улице Пролетарской 43а. Квартиру выделили отцу от работы. Это был дом, который строился примерно в одно время с «хрущёвками», но всё же не «хрущёвка». Во-первых, он был трёх-, а не пятиэтажным, во-вторых, на кухне была самая настоящая печь, полезный элемент русского быта, от которого не отвыкли до сих пор. Помню свои первые шаги по новой квартире. Всё затмил унитаза. Ростом я тогда был немногим выше этого коммунального чуда. Вот это был настоящий «Ватерь клозетъ». Прожить в этом доме и этом дворе мне предстояло тринадцать лет. До того момента, когда ранним июльским утром 1975 года я покинул его, отправив-

шись поступать в военное училище, в Новосибирск. Мама вышла проводить меня до калитки (да, были в том дворе и калитка, и ворота. Без электронных замков). Отойдя несколько шагов, я оглянулся, мама стояла, глядя мне вслед. Такой маленькой и уже старенькой она тогда показалась, что защемило сердце от грусти и от неясных тревожных предчувствий долгого-долгого пути, пройти который мне предстояло. А ведь было ей в ту пору всего сорок восемь лет. Ну что это за возраст по сегодняшним-то временам?!

Во дворе, рядом с нашим, стоял ещё один дом. Наш на два подъезда, второй с одним. Двор был чистым и опрятным, с заасфальтированными дорожками, обилием клумб и цветов на них. Не припомню, чтобы хоть однажды он произвёл на меня впечатление неухоженности. Там всегда кто-то наводил порядок. Наверное, сами жильцы. Дворников не было. И стоял тот дом прямо у озера, что безусловно, было его неповторимой особенностью. Много у нас по России, а тем более в Томске, жилых домов на берегу озёр?

Озеро называлось Ереневским (и сейчас так называется, правда, серьёзно «скукожившись» в размерах), увековечив фамилию известного томского купца, проживавшего некогда в большом, кирпичном, трёхэтажном особняке с мезонином. Он располагался как раз напротив нашего дома, через дорогу. Какие-то последователи усовершенствования городской инфраструктуры (не везёт Томску с ними после 1917 года) и архитектурных зачисток старого города снесли его в восьмидесятых, возведя на этом месте убогое строение «без окон, без дверей», словно сознательно стремясь подчеркнуть свою воинствующую тупость и примитивизм.

Еренев не был «миллионщиком», имел хозяйство и производство рядом с родовым гнездом по улице, именовавшейся так же, Ереневской. Слыл известным в городе меценатом. К примеру, построил на свои деньги народное училище, которое со временем стало 16-й школой, и до сих пор составляет лучшую часть её архитектурного облика. (...)

Мы подрастали, двор-двором, но и за его пределами было много чего интересного. Однажды, например, а было это в 1971 году, власти решили оригинальным способом освободить площадку под новый драматический театр. Город уже тогда был «умным». Нужно театрами прирастать! Очаг культуры решено было воздвигнуть на площади Ленина, через переулок от завода резиновой обуви, который по стечению обстоятельств, «гремел котлами» под сводами одного из томских храмов. Кресты и колокола, правда, сняли. Короче говоря, смычка производства с высокой культурой. Отстоял пролетарий смелу у конвейера с калошами и – через дорогу в театр! Немного, конечно, ёрничаю, но глупость, граничащая с мракобесием, большим руководителям покоя не даёт по сей день. На том самом месте, где запланировали воздвигнуть храм Мельпомены, оказались «Гостиные ряды» старого рынка. Не велика проблема! Как в известном с детства стихотворении: «Убрать! сказал немецкий генерал».

Точно, написал и подумал, что пойти на эту «рокировку» из любых, самых благих намерений мог только вредитель. Памятник архитектуры XIX века, кондовое, функциональное строение, которое ещё служило бы и служило томичам и украшало старый центр. Но, скоро сказка сказывается... Начали «ряды» ломать, да руки оказались коротки. Не брала старый кирпич и на ку-

риных яйцах замешанный раствор современная техника и «кавалерийские наскоки» воинствующих дилетантов. Что делать? Опять, как в старом анекдоте: «Трясти надо!». Решено было объект взрывать! Самый центр города...

Маму, как и многих других томских докторов, предупредили о необходимости быть готовыми выехать для оказания помощи. Короче, рванули. Что-то обвалилось, но далеко не настолько, как ожидали. Долго ещё потом стояли руины за дырявым забором. Новый объект построили только в 1977 году, а первый спектакль состоялся ещё почти через год... «Вы видели тот театр?» Местные остроловы тут же окрестили его «элеватором». Отрицать тяжело, похож. Но я о другом. Такое значительное событие пройти мимо нас не могло. Естественно, мы совершили на место взрыва экскурсию. Проникнуть за условный забор было делом плёвым. Во внутреннем дворе (я уже писал), стояли торговые ряды под навесами, а по земле вдоль рядов были настелены тротуары. Вот эти тротуары нас и интересовали больше всего. Точнее, то, что под ними: деньги! Советские денежные знаки, бумажные и железные. Различного достоинства. Не скажу, что гребли их лопатой, но минут за сорок активных поисков добыли несколько бумажек и приличную пригоршню мелочи. Рублей десять, не меньше. Что по тем временам для нас, шпаны, десятка? Это десять килограммов леденцов или сорок бутылок лимонада, двести булочек с помадкой или столько же сахарных петушков на палочке, или сто двадцать порций мороженого. В тот день Пролетарская, точнее, наш двор, гудел! (...)

Купание, рыбалка, рогатки, лодки-плоты, и прочая, и прочая... Всему мы находили время и уделяли внимание на основании справедливых коллегиальных решений. Но был футбол! Он стоял особняком. Он возвышался на пьедестале мальчишеских пристрастий и развлечений, снисходительно оглядывая сверху вниз своих значительно более мелких конкурентов. Но никакого снобизма и чванства! Эта игра была предметом нашей бескорыстной любви и преданности. И времени ей уделялось соответственно – львиная доля. Играли там, где только позволяло пространство. Перед домом была небольшая площадка, на которой сушили бельё и дровишки, «чурочки» (отходы производства карандашной фабрики). На тот момент во дворе на тридцать шесть квартир был только один гараж, и тот мотоциклетный. Как только площадка освобождалась, её занимали мы. Даже ворота почти настоящие соорудили, и сплели для них сетку из алюминиевой проволоки. Иногда играли «на одни ворота». С экипировкой, конечно, были определённые проблемы, но в пределах трёх рублей можно было купить китайские кеды, и за те же деньги «треники» – трикотажные спортивные штаны. Застал я ещё время, когда «для спорта» носили сатиновые шаровары. Их матери и бабушки отшивали самостоятельно. Кстати, вполне функциональная была одежда.

Сложнее было с главным снарядом – мячом. Перебивались «клизмами», детскими резиновыми мячами. Как-то отец осчастливил нас, притащив откуда-то профессиональный ватерпольный мяч. Он был небольшого размера, литой, тяжёлый, из толстой резины. Зато износостойкий, и подкачивать его не требовалось. Им играли довольно долго. Ноги отбивали нещадно! Сломали им несколько брусков в воротах, ведущих во двор. Но это всё равно было лучше, чем детская игрушка. Редко (и ненадолго) у нас появлялись настоящие

футбольные мячи. Продавались они в спорттоварах. Стоил такой мяч три рубля, ещё тридцать копеек камера к нему. Всем сообществом мы несли его через дорогу в четвёртое автохозяйство, к вулканизаторщикам. Там мужики без лишних разговоров (понимали, что к чему!) накачивали его компрессором до нужного состояния. Затем при помощи проволоочной петли мяч шнуровался тонкой сыромятной ленточкой... Он был ровный и блестящий, от него исходил волшебный запах настоящего футбола! Счастливый обладатель нёс его обратно на вытянутых руках, остальные, очарованные торжеством момента и волнительными ожиданиями, на подобающем расстоянии, как почётный эскорт, – следом. И начиналась игра...

Играли, как правило, не на время. Какое время? Счастливые часов не наблюдают. Чаще по счёту, допустим, до двадцати голов. Кто первый преодолел этот порог, тот и победитель. Имелся и определённый кодекс: «Не куваться!», подножки, игра рукой, «апсай» и прочие кондовые законы большого футбола соблюдались свято. Нарушитель, конечно, зачастую отрицал вину, валил всё на соперников. Наиболее активных спорщиков называли «глотниками» и подвергали всеобщей обструкции. На улице, точнее, на отрезке улицы Пролетарской, расположенном вдоль озера, от улицы Розы Люксембург до переулка Зырянского, стояло двенадцать таких, как наш, домов. Пацанов, примерно одного возраста, жило там достаточно. Поэтому футбол наш дворовый неизбежно перешёл на новый, более высокий, организованный уровень. Через дорогу, чуть на отшибе, располагался стадион «Мелькомбината». Честно скажем, слово «стадион» было довольно условным термином. Тем не менее это действительно был стадиончик. В послевоенные годы в Союзе спорт был в почёте. Его развитие и состояние на любом мало-мальском заводике, учебном заведении, иной организации было мерилем работы руководителей разного ранга. Вот и строили стадионы, площадки и тому подобные сооружения. Невесть какие, но вполне функциональные.

В трёх кварталах от нас был стадион карандашной фабрики «Темп». Что касается «нашего», то он по разным причинам пустовал, пока его не стали использовать по прямому назначению мы. Стадион есть, игроки есть, желания – вагон, надо выходить на серьёзный уровень. И было сформировано аж три команды, по дворовому принципу. Наши два дома присвоили своей статусное наименование «Динамо». Наши киевские одноклубники в ту пору были законодателями мод в СССР. Тут всё понятно. «Немецкие» дома (заселены они были чуть раньше наших реабилитированными немцами Поволжья, и игроки соответственно, носили экзотические фамилии Ревшнайдер, Роудт, Вилюдт), «заявили» на чемпионат команду «Тарпеда». Да, именно в таком написании. Простим легионерам незначительную ошибку, которую ошибкой можно и не считать. Парней там было побольше, были они чуть постарше, поэтому и досталась им единственная «раздевалка». Неказистое строение из неструганных досок – то ли будка для водокачки, то ли подсобка... Но тем не менее. На стене, снаружи, крупными буквами мелом было начертано название клуба – владельца недвижимости. Кстати, играли земляки Мюллера и Беккенбауэра очень даже неплохо. Лучше всех на улице. Третья команда из домов напротив выбрала себе название «Луч». Почему, не знаю. Таких и команд-то не было в

стране, разве что во Владивостоке. Турнир проходил без регламента и лишних бюрократических обременений. В течение светового дня. До полного изнеможения и истощения терпения родителей.

По собственной инициативе мы поддерживали на стадионе порядок. Убирали мусор, подметали бровки, даже поливали, чтобы не было слишком пыльно. Но однажды, ранним летним утром, как раз после «субботника», мы пришли на свою «арену», а на ней, прямо посередине поля, стояли несколько здоровенных грузовиков и из них автокран разгружал пакеты досок. Оказалось, что с этого дня здесь будет базироваться промплощадка строительства новых корпусов завода резиновой обуви, которое развернулось тут же, за забором. Чемпионат доигран не был, распавшись на несколько мини-турниров, по месту жительства. Делать нечего, играли во дворах. Или команда на команду, а когда народа не хватало, в одни ворота. Иногда в «жопу». Увлекательная, скажу вам, игра! Тут не схалтуришь! На кону, можно сказать, честь и достоинство. Каково это – выстроиться всей проигравшей командой на «ленточке», к «лесу передом», и, согнувшись «буквой Г», на виду у всего двора, ожидать ликования победителей от смачных ударов мяча по нестройному ряду тощих мальчишеских задов. Кстати, количество ударов можно было уменьшить либо избежать их совсем.

Делалось это так. Сначала мяч набивали (чеканили) победители, затем проигравшие могли «согнуть» сумму экзекуции. Если количество становилось равным, приговор в законную силу не вступал, и игра возобновлялась. Это был футбол в одни ворота. Одна из команд, каждый игрок по очереди, наносили удары по воротам, которые защищала всем составом другая команда. Если мяч удавалось взять «намертво», бил другой игрок, если отбивали за пределы штрафной площади, то тут уже шла настоящая игра. По всем правилам. Выигравшая команда получала заветное право расстреливать униженного соперника, а в следующем кону первой бить по воротам. Проигравшие, соответственно, занимали оборону. Азарт, крик, гам, смех! И болельщики (-цы), конечно, как такое зрелище пропустить?!

Но был в нашей жизни и большой футбол. На стадионе «Труд». Лет с девяти-десяти родители отпускали нас туда одних. Детский билет стоил десять копеек. Более чем доступно. Наши ранние походы на «Труд» совпали с успешными для команды мастеров временами. Называлась она тогда «Томлес». По наименованию патронирующей организации. Структура серьёзная, мощная, тогда регионообразующая. Но дело, конечно, не только в этом, да и не в этом вовсе. Деньги на спорт партийные и советские руководители в то время изыскивали, вариантов не было. Ещё раз: спорт в державе был в фаворе. А «Томлесом» тогда руководил Губинский Вениамин Михайлович. Человек неординарный, умный, решительный. Зная о нём лишь понаслышке, недавно наткнулся в мемуарах одного крупного томского руководителя на воспоминания об этом человеке. Не вдаваясь в подробности, можно лишь констатировать: личность была яркая. Неуютно они с Лигачёвым чувствовали себя в одной берлоге. Мир праху их...

Вот и гремел в ту пору «Томлес». Томичей в команде было немного, но всё же были. А рекрутировали в неё – на хорошие деньги – добротных игроков со

всего Союза. Одних мастеров спорта было с десяток. Вот и чесали всех подряд! Правда, первыми не стали ни разу, но «Труд» был битком. Двенадцать-пятнадцать тысяч – рядовое событие. На деревьях в горсаду и крышах окрестных домов размещались не попавшие на трибуны. Наши места были на «южной». Уж десятник на это получали у родителей без укоров. Туда-обратно пешком. Трибуна была деревянная. Доски от времени, солнца и влаги слегка рассыхались, образуя люфт с местом крепления к каркасу. Этот дефект и использовался нами, как предтеча отрежиссированных перфомансов нынешних фанатов. Когда назначали опасный штрафной или угловой в ворота соперника, вся «южка» дружно лупила пятками по доскам, создавая оглушительный треск, подчёркивая остроту момента и безоговорочную поддержку наших. Говорят, о забитом мяче слышали аж на площади Ленина. Я, например, верю.

Вообще в футбол я играл всегда. Где бы ни был. В школе рубились чуть не каждый день, бросив портфели и подкатав брюки. В военном училище, затем в войсках. Где только позволяла возможность, была и игра. На «целине», пару раз даже в Чернобыле сыграли. Потом и в академии, пока провидение судьбы и звёзды не указали мне путь к моему любимому делу, которому я служил искренне и с неподдельным азартом. Чуть не написал – бескорыстно... Но всё познаётся в сравнении. «Кому щи жидкие, кому жемчуг мелкий».

Опять вынесло из колеи... Возвращаемся обратно.

Тёплая пора, благодать, помноженная на длиннющие летние каникулы, которые всё равно пролетали незаметно. С облупившимися носами и выгоревшими макушками, вытянувшиеся на положенные сантиметры, мы возвращались на школьную скамью. За парту, непременный атрибут школьной мебели. Сидеть и писать за ней было очень удобно. Чтобы встать или сесть, можно было откинуть доску, закреплённую на шарнирах. На крышке были специальные углубления для ручек и чернильниц-непроливаек. Первые четыре класса писали специальными ручками со вставленными в них пёрышками «звёздочка», а весь первый класс осваивали предмет «чистописание». Весьма полезная была дисциплина. Школа – величина постоянная. Ходить в неё или не ходить, выбирать не приходилось. «Учились понемногу...» Осень же нам дарила новое ожидание: лёд. С нетерпением и волнением мы стерегли первые, более-менее серьёзные морозы. Хотя бы градусов двадцать. И чтобы не было снега! Тогда озеро наше, а было это, как правило, в самом конце октября, чаще – в начале ноября, за ночь превращалось в гигантский каток с ровным и гладким, как зеркало, льдом. Выходили на него сначала с опаской, пробовали, делали несколько шагов, топали ногами, почувствовав надёжность покрытия, разбежавшись, катились по тёмному гляncу.

Сергей ЯКОВЛЕВ

ГОСПОДЬ НЕ СКУП

«Тайфун стыда меня сейчас настиг...»

Сергей Васильев

Стоит пиит в раздумии великом,
Простор кругом недружественно дик,
Пиит стоит, пылая красным ликом:
Тайфун стыда его в сей час настиг.

А дело в том, что снова он подумал,
Как несуразно пишет впопыхах...
И вот сначала лёгкий ветер дунул,
Потом тайфун взревел, увы и ах!

Но, впрочем, это очень даже мило,
И пусть смешок не выскочит ничей:
Известно, Русь веками наплодила
Полным-полно бесстыжих рифмачей.

Сей грех теперь на славу искупился,
Несправедливость подлую прервав, –
На этот раз Господь не поскупился,
Столь мощный стыд пииту даровав!

САГА О ПРОБЛЕМНЫХ МЕСТАХ

*«Назначьте мне февраль
Подкожно, внутривенно.
Натрите четвергом
Проблемные места...»*

Юрий Татаренко

Чёрт знает от кого
Какую-то заразу
Как раз под Новый год
Я где-то подцепил.

Точнее, стал страдать
Проблемными местами,

Желая эту боль,
Естественно, унять.

И вот в конце зимы
Связался я с врачами:
Назначили мне курс
Инъекций февраля.

Проблемным – хоть бы хны,
Проблемными остались,
Хоть в марте четверги
Втирали мне туда ж...

В итоге всё опять
Как мёртвому припарка.
Что делать – делать что? –
Я втайне возопил.

Проблемные места
Наперечёт интимны...
Всю душу норовят
Вверх дном перевернуть.

Пошлю-ка я врачей
Куда-нибудь подальше,
Назначу сам себе
Апрельский курс любви!

ЛЕТЯТ УТКИ

*«Плавно над суровою долиной
Проплывает уток гоготок...»*

Геннадий Скарлыгин

Что ты посуровела, долина,
Что за думы хмурые гнетут?
Аль печаль гогочущего клина
Омрачила травы там и тут?
Ты зачем, долина, в горе жутком?
Что с тобой? Тебя и не узнать...
Аль простить не можешь этим уткам,
Что гусями взялись гоготать?!

Анатолий Пшеничкин

«СЛЕДЫ» АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА ИВАНОВА НА ГЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ СИБИРИ

В журнале «Вокруг света» № 9 за 1956 год была опубликована статья журналиста Т. Машкевича «Прежде чем строить завод», в которой описывалась железорудная база Якутии и рассказывалось о том, как было вторично открыто одно из крупнейших месторождений железа республики – Хатымское в бассейне реки Алдан, которое ещё осенью 1930 года попутно открыл и описал молодой геолог А. И. Иванов, проводя геолого-съёмочные работы на золото. В статье было сказано, что якутскими геологами «...была вторично разведана знаменитая Хатымская аномалия, найденная А. И. Ивановым и на годы потерянная для науки и производства после его смерти... По следам Иванова пришли геологи Якутского филиала Академии наук. Они осуществили... первую предварительную оценку железорудных месторождений Алдана... Руда оказалась с высоким содержанием железа и легко доступна – лежит прямо на поверхности. Запасы её оценены в сотни миллионов тонн, которые обеспечат потребность крупного металлургического завода».

В апреле 1957 года редактор журнала «Вокруг света» получил письмо, в котором было написано: «...Опубликованная статья товарища Машкевича «Прежде чем строить завод» глубоко взволновала меня: с одной стороны, приятно сознавать, что это открытие действительно было мною сделано 27 лет тому назад осенью 1930 года, а с другой, немного досадно, что меня уже не считают живым, хотя я непрерывно в течение 27 лет работаю руководителем предприятий в золотой промышленности. В настоящий момент являюсь директором Саралинского рудоуправления треста «Енисейзолото».

Вот такие бывают иногда необычайные события в жизни геологов.

30 октября 1958 года на имя директора Саралинского рудоуправления А. И. Иванова был прислан Протокол № 4 от 27.09.1957 Заседания постоянно действующей комиссии по делам первооткрывателей при Южно-Якутской комплексной экспедиции по рассмотрению материалов открытия и разведки Сивагинского (Хатымского) железорудного месторождения. В сопроводительном письме сообщалось: «Уважаемый товарищ Иванов А. И., Вы признаны одним из первооткрывателей Сивагинского (Хатымского) месторождения. Согласно протоколу Центральной комиссии «Главгеологии» РСФСР, Сивагинское (Хатымское) месторождение отнесено к IV группе и установлен размер денежного довольствия в 30 тыс. рублей. В соответствии с протоколом комиссии по первооткрывательству при ЮЯКЭ и приказу начальника «Главгеологии» РСФСР от 6.09.58 г. Вам установлен размер денежного вознаграждения в 3000 рублей. В ближайшее время Вам будет выслано денежное вознаграждение почтой. И. о. главного геолога ЮЯКЭ В.Ф. Козлов».

Как говорится: награда нашла героя!

Но оказывается, что об открытии железных руд на Хатыни в Якутии ещё в 1947-м было напечатано в книге «Геология СССР. Т. XVIII», где на стр. 603 сказано: «А. И. Ивановым в бассейне р. Хатым в 1930 г. обнаружен крупный шток гематита, имеющий в диаметре около 150 м».

Эти и ряд других документов и фотографий мне передал сын А. И. Иванова Вячеслав Александрович, выпускник ФТФ ТПИ 1963 года, работающий на Сибирском химическом комбинате в должности начальника ПТО Реакторного завода.

А познакомились мы с Вячеславом Александровичем в клинике НИИ фармакологии имени Е. Д. Гольберга, где лежали в одной палате. И он мне много рассказывал об отце, Александре Ивановиче. Мне было тем более интересна история его отца-геолога, так как, выполняя тематические хоздоговорные работы с ПО «Енисейзолото» в 70–80 годы прошлого столетия, мы проводили исследования на ряде рудников – Саралинском, Балахчинском, Артёмовском, где в 40–50-е годы работал Александр Иванович в должности директора этих рудников и где прошло детство его сына Вячеслава. В фондах рудников мы постоянно встречали производственные отчёты за подписью А. И. Иванова.

Александр Иванович родился 15 августа 1909 года в деревне Горностаево Барабинского района Томской губернии (сейчас Новосибирская область) в крестьянской семье. Отец его, Иван Петрович, в 1914 году был призван рядовым в действующую армию. За проявленный героизм и мужество на полях сражений Иван Петрович был награждён орденами «Георгиевский крест» трёх степеней, и ему было присвоено офицерское звание. По существующему тогда Уставу царской армии все офицеры, вплоть до генералов, должны были первыми отдавать честь Георгиевскому кавалеру! В 30–40 годы Иван Петрович работал лаборантом по контролю за радиоактивными водами на курорте Белокуриха. Умер Иван Петрович в 1948 году.

Александр Иванович в 1926-м окончил Болотнинскую школу-десятилетку (Новосибирская обл.) и поступил в Томске в Первый Сибирский политехникум имени К. А. Тимирязева. Политехникум был открыт ещё в 1911-м на базе Томского коммерческого училища по предложению начальника Сибирского горного управления Н. С. Боголюбского и горячо поддержан первым деканом горного отделения Томского технологического института профессором В. А. Обручевым. В коммерческом училище было открыто горное отделение для подготовки горных техников для бурно развивающейся в Сибири горнорудной промышленности.

Многие преподаватели с горного отделения ТТИ по совместительству для учащихся-политехников читали лекции, вели практические занятия и летние геологические практики. Уровень преподавания был очень высок.

Первым заведующим горного отделения политехникума, по рекомендации В. А. Обручева, был назначен Дмитрий Александрович Стрельников – выпускник 1908 года горного отделения ТТИ, имеющий диплом горного инженера № 1, будущий заслуженный деятель науки и техники РСФСР, награждённый ор-

денами Ленина и Трудового Красного Знамени и удостоенный звания горного генерального директора III ранга.

Д. А. Стрельников положил много сил и энергии на организацию учебного процесса и связи техникума с производством, на организацию и проведение полноценных производственных практик студентов на рабочих местах горно-рудных предприятий Сибири. Нарком просвещения А. В. Луначарский после посещения политехникума в книге отзывов оставил запись: «С удовольствием осмотрел интересное учебное заведение имени Тимирязева... уверен, что оно с честью послужит хозяйственной мощи социалистического отечества. 24 мая 1923 г.».

Вот в таком техникуме учился Александр Иванов. Конечно, учиться было и трудно, и интересно. Программа обучения в политехникуме мало чем отличалась от программы подготовки студентов на горном отделении Томского технологического института. За три года Александр освоил и сдал зачёты и экзамены по 41 предмету, где больше половины были специальные дисциплины. Одно только название некоторых из них чего стоит: энциклопедия горного искусства, горное искусство, маркшейдерское искусство, пробирное искусство, горная геометрия, золотое дело и другие специальные предметы – от кристаллографии, минералогии, петрографии до месторождений полезных ископаемых, основ разработки каменноугольных месторождений, производства поисковых и разведочных работ россыпных, рудных, пластовых месторождений и других предметов, формирующих будущих высококлассных специалистов – горных техников.

Александр Ивану посчастливилось слушать лекции по многим геологическим дисциплинам известных профессоров технологического института и университета – В. А. Обручева, И. А. Молчанова, Б. Л. Степанова, В. А. Хахлова и других видных учёных и специалистов-производственников. Учился Александр хорошо и как успешный студент получал стипендию.

Производственную практику после второго курса Александр проходил в течение двух с лишним месяцев на шахте в Анжеро-Судженском рудоуправлении «Сибуголь». Здесь он детально ознакомился с системой проходки подземных горных выработок, способов отработки угольных пластов, буровзрывными работами. На преддипломную практику был направлен на Саралинский рудник (Хакасия) треста «Союззолото», где в течение четырёх месяцев работал техником-геологом и занимался документацией скважин и штольни, проходимых при разведке Андреевской и Каскадной жил. На руднике Александр получил хорошую производственную практику и собрал необходимый материал для дипломного проекта «Геология и детальная разведка Андреевской золото-кварцевой жилы Саралинского рудного поля». Государственная экзаменационная комиссия, где кроме преподавателей техникума присутствовали специалисты с производства, оценила дипломный проект А. Иванова на «отлично». В свидетельстве об окончании техникума за № 1849 от 23.04.1930, подписанном директором политехникума инженером-экономистом Хромовым, помощником директора по учебной части горным инженером Мелеховым и заведующим горным отделением рудничным инженером Заостровским записано: «На основании распоряжения Главпрофобра НКП РСФСР от 13.12.1929

г. за № 3322-1 гражданину Иванову Александру Ивановичу присваивается квалификация Горного техника по геолого-разведочной специальности».

В конце свидетельства об окончании политехникума имеется интересная приписка, напечатанная мелким шрифтом, подписанная директором и заверенная печатью: «Состоя учащимся политехникума, гражданин Иванов Александр Иванович в течение 16 месяцев получал государственную стипендию и подлежит действию декрета СНК РСФСР от 24 марта 1926 года за № 16 о порядке возмещения расходов, понесённых государством на содержание учащихся стипендиатов».

Конечно, Александр Иванович сполна расплатился с государством за своё обучение в техникуме, и не только деньгами за стипендию, но и всем своим подвижническим трудом геолога на благо Родины.

После окончания техникума Александр Иванов был направлен на работу в Якутскую АССР в распоряжение треста «Якутзолото». И с 1 мая 1930 года началась его трудовая деятельность на Алдане, где он проработал почти двадцать лет. Молодого горного техника назначили помощником начальника Нимгеро-Тимптомской геолого-поисковой экспедиции. А это о многом говорит. Значит, не зря упорно учился, проходил многомесячные производственные практики, набирался теоретических знаний и приобретал практический опыт. И руководство треста «Якутзолото» увидело в молодом специалисте достойного кандидата на такую высокую должность.

Это надо было оправдать. И Александр Иванович всей своей жизнью и плодотворной работой оправдал это доверие.

Под руководством опытного полевика, начальника экспедиции инженера-геолога Н. И. Зайцева Тимгеро-Тимптомская экспедиция должна была провести геолого-топографическую съёмку. Тогда не было ещё ни вертолётов, ни самоходок. Забрасывались отряды на места работ или ещё по зимнику, или на лошадях, оленях, или на лодках по рекам мускульным способом, т. к. лодочных моторов не было. Раций, чтобы оперативно поддерживать связь с основной базой экспедиции или трестом, тоже не было. Кругом тайга, гнус и звери, которые тогда водились в изобилии. Нередко не с кем было даже посоветоваться. И ты один за всё в ответе до конца полевого сезона.

В одном из маршрутов Александр вместе с промывальщиком продвигались к верховью речки Сивагии, левого притока р. Хатыми, проводя опробование речных отложений на золото. По мере продвижения вверх по течению в лотке у промывальщика начало резко увеличиваться количество чёрного магнитного шлиха, содержание которого на лоток в определённом месте достигло почти 90 %. Затем, по мере продвижения вверх по течению реки, количество чёрного шлиха начало уменьшаться. Это обстоятельство заставило Александра вернуться назад и тщательно обследовать склоны речки с целью обнаружения коренных выходов магнитного железняка. По мере обследования с компасом и молотком в руках Александр вышел в тайге на слабо залесенный участок, покрытый редким березняком. Здесь стрелка компаса как «взбесилась». Она уже не показывала север-юг, а резко склонялась вниз к поверхности земли – вот она, магнитная аномалия! Первые же удары геологическим молотком показа-

ли, что здесь на земную поверхность выходят сливные магнитные руды. Проведя глазомерную съёмку с компасом и геологическим молотком, Александр нанёс на карту выявленную магнитную аномалию. По возвращении в г. Алдан в зимний камеральный период эти материалы А. Ивановым были обработаны, изложены в отчёте о полевых работах за 1930 год и сданы в фонды треста «Якутзолото».

Якутские геологи тогда на открытие Ивановым железных руд не обратили должного внимания. Трест занимался поисками золота, а железные руды в его компетенцию не входили. Стране нужно было золото, много золота – для выполнения планов первой пятилетки, для закупки за границей современных машин, механизмов, технологий.

И только спустя четверть века геологи Якутского филиала Академии наук обнаружили в фондах треста «Якутзолото» отчёт А. И. Иванова, где описана магнитная аномалия в бассейне реки Хатыми. И с помощью местного охотника якута Гревцева, которому Иванов в 1930 году показал место открытых им железных руд, вторично открыли и разведали магнитную аномалию. А президент Академии наук СССР А. Н. Несмеянов, выступая на XX съезде КПСС, доложил, что якутскими геологами открыто крупнейшее Хатымское железорудное месторождение с запасами в сотни миллионов тонн, которое обеспечит потребности крупного металлургического завода на востоке страны на десятки лет.

В 1931–1938 годах А. И. Иванов в должности начальника Учурской геолого-поисковой экспедиции (техник!) проводил изыскания в самом труднодоступном участке южной Якутии – в бассейне реки Учур. Огромная территория Учурского бассейна, равная по площади почти двумстам тысячам квадратных километров, была совершенно не изучена и представляла белое пятно в геологическом плане. Экспедицию Иванова трудности преследовали на каждом шагу. Без дорог и троп, часто по затёсам охотников-промысловиков или старателей отряды Иванова обследовали эту обширную территорию. Выручали олени, которые позволяли делать маршруты в десятки и сотни километров. Карт, тем более геологических, не было. Их надо было ещё составить. И, как поется в песне (и песни этой ещё не было):

«На это место уж нету карты,
Идём-плывём по абрису!».

Душой экспедиции в этих дальних и трудных маршрутах был проводник-оленьевод Куприян Яковлевич Александров, которого А. И. Иванов постоянно брал проводником на летний полевой сезон. Его неиссякаемый оптимизм, преданность делу, отличное знание тайги помогали скрашивать нелёгкий труд геологов-поисковиков.

В результате работ Учурской экспедиции здесь впервые были нанесены на карту хребты Лурикан и многие реки, открыт и разведан Учурский золотоносный район, давший стране многие тонны золота. Александр Иванович является первооткрывателем Учурского золотоносного района.

Иногда в экспедиции случались неприятные истории. Так, летом 1932-го при возвращении с верховий реки Учур сплавом на плоту и лодке экспедиция

потерпела аварию в районе устья реки Хайкан. Плот наскочил на большой валун, был разбит. Утонуло всё полевое снаряжение и продовольствие, а люди были на волосок от смерти. В лодке остались только куль муки, сеть, ружья и канцелярский ящик с геологической документацией. Но с помощью неунывающего проводника Куприяна Александрова экспедиция благополучно добралась до своего лабаза с продуктами, а затем и до Алдана.

Второй неприятный случай произошёл на другой год, когда зимой проводились разведочные работы Учурского месторождения. Из-за отсутствия овощей и витаминов к весне 150 рабочих заболели цингой. Транспорта не было, и 90 человек в тяжёлом состоянии на носилках через тайгу были доставлены на реку Чульбю, а по весне на плотках сплавлены до реки Чагды, откуда баржами доставлены в больницу Алдана.

Благодаря знаниям и профессиональному опыту молодой геолог А. И. Иванов быстро продвигался по служебной лестнице. В январе 1934 года по рекомендации треста А. И. Иванов назначается техническим руководителем, затем – помощником управляющего, главным инженером и, наконец, начальником Учурской конторы Якутского отделения Всесоюзного золотоплатинового геологоразведочного треста «Золоторазведка».

В 1934 году в трудах научно-исследовательского института геологии и минералогии (г. Москва) А. И. Иванов опубликовал большую научную статью «Геологический очерк бассейна верхнего течения р. Учур», где им обобщён обширный материал, собранный в полевые сезоны 1931–1933. При обработке материалов и подготовке статьи к печати Александр Иванович приезжал в свой отпуск в Томск и консультировался с профессорами Сибирского технического института (ТПИ) Ю. А. Кузнецовым, А. М. Кузьминым, И. А. Молчановым и другими.

В предисловии к статье, написанном главным геологом треста «Якутзолота» М. Я. Столяром, сказано: «Горный техник А. И. Иванов является пионером исследований бассейна Учуре, придя сюда в 1931 году. Серьёзный экспедиционный опыт, большая внимательность и тщательность в работе дали возможность А. И. Иванову собрать геологические сведения исключительной ценности, не говоря уже об установлении промышленной золотоносности в ряде участков на Учуре».

Правительство высоко оценило работу А. И. Иванова по поискам и разведке золота в Якутии. По приказу народного комиссара тяжёлой промышленности С. Орджоникидзе от 28 июля 1936 г. Александр Иванович был награждён Почётной грамотой и нагрудным серебряным знаком «Стахановец золотоплатиновой промышленности».

В середине 1937 года руководство треста «Золоторазведка» направляет А. И. Иванова на шесть месяцев в Москву на курсы по повышению квалификации при «НИГРИЗолото». Напряжённая учёба, работа в библиотеках, зачёты, рефераты, экзамены, а в свободное время – посещение театров, музеев, ВДНХ. Быстро пролетели шесть месяцев. И снова – Якутия. А здесь его переводят в трест «Главзолото», где он курирует работу по золоту северо-востока Якутии.

В 1938–1939 годах Александр Иванович свой очередной отпуск проводил в

Томске (надо сказать, что отпуск тогда у якутских геологов был почти шесть месяцев). Как и раньше, когда приезжал в Томск, он посетил своих наставников, профессоров ГРФ ТПИ Ю. А. Кузнецова, А. М. Кузьмина, И. А. Молчанова. Они живо интересовались успехами в работе Александра Ивановича и последними данными по золотонности Якутии.

У заведующего кафедрой разведочного дела профессора И. А. Молчанова в это время были большие проблемы с преподавательскими кадрами, особенно – знающими золотое дело, и он уговорил Александра Ивановича поработать у него на кафедре во время отпуска. И с ноября 1938 по апрель 1939 А. И. Иванов вёл практические занятия и читал лекции по поискам и разведке золота. На занятиях Александр Иванович, крупный специалист по поискам и разведке россыпных месторождений золота, делился со студентами своим богатым опытом работы геолога в горно-таёжных условиях, методами поисков и разведки золота.

Кроме того, в этот приезд в Томске А. И. Иванов провёл большие подготовительные работы по сбору и обобщению материалов для написания инструкции по проведению поисково-разведочных работ на золото. Необходимость такой работы диктовалась тем, что проводимые на территории Якутии поисково-разведочные работы на золото как силами самих золотодобывающих предприятий, так и силами сезонных партий и стационарных контор центральных организаций (тресты «Золоторазведка», «Главзолото», институт «НИГРИЗолото») велись по своим ведомственным инструкциям. Существующий разницей в приёмах и методах ведения геологоразведочных работ и документации горных выработок и скважин вносил сумятицу и снижал качество разведок. Поэтому была поставлена задача: обобщить и узаконить наиболее рациональные, технически и геологически грамотные приёмы и методы разведок золоторудных месторождений, а также документации, связанной с производством этих работ. Основная работа по составлению инструкции была выполнена геологами треста «Якутзолото» А. И. Ивановым, А. Н. Вельяшиным и В. Т. Андриановым с привлечением материалов других трестов и геологов института «НИГРИЗолото».

С разрешения заведующего кафедрой профессора И. А. Молчанова Александр Иванович, как говорится, «обкатывал» на студентах-геологах ГРФ черновой вариант этой инструкции. Она не утратила своей актуальности и до настоящего времени. Эту библиографически редкую книгу мне подарил сын Александра Ивановича – Вячеслав Александрович.

В летний полевой период 1941 года, когда началась Великая Отечественная война, поредевшие геологические отряды уходили в тайгу на поиски и разведку золота. Стране нужно было золото для закупки военной техники у Англии, США. И разведчики-поисковики под руководством А. И. Иванова работают с удвоенной энергией за тех, кто ушёл на фронт, работают, не останавливаясь перед трудностями, работают упорно на разгром врага. Отряды Иванова ведут геоморфологические изучения ранее открытых россыпей в Центральном Алдане с целью уточнения их промышленного значения и направления дальнейших геологоразведочных работ.

В годы Великой Отечественной войны якутские геологи в тяжелейших ус-

ловиях вели поисково-разведочные работы не только на золото, но и на другие виды полезных ископаемых, обеспечивая оборонные предприятия страны необходимыми видами минерального сырья.

В послевоенные годы как коммуниста и организатора производства А. И. Иванова назначают директором рудников в Якутии, а в 1949-м переводят из Якутии на юг Красноярского края и назначают директором одного из крупных золотодобывающих рудников – Артёмовского, где на его плечи легла большая ответственность по обеспечению бесперебойной работы рудника и наращиванию запасов золота за счёт разведки Медвежьего, Константиновского и других месторождений Ольховско-Чибисекского рудного поля. С поставленными задачами Александр Иванович прекрасно справился.

В 1954 году Александр Иванович был переведён в Хакасию.

В середине 50-х годов, в связи с открытием крупных россыпных месторождений золота на востоке Сибири – в Якутии, Магадане, было принято решение правительства СССР о консервации мелких «нерентабельных» рудников. Многие небольшие рудники в Сибири были законсервированы. Александру Ивановичу пришлось принимать участие в этом неприятном для него мероприятии при закрытии Балахчинского рудника, где он был в это время директором.

По состоянию здоровья Александр Иванович в 1963 году был вынужден оставить работу на рудниках и перейти на партийно-советскую работу, тем более, что ему, члену КПСС с 1944 года, она была хорошо знакома. Последняя его работа (до 1971 года) – председатель Абаканского городского комитета народного контроля.

Персональный пенсионер, первооткрыватель месторождений железа и золота, Александр Иванович за свои заслуги перед Родиной награждён орденом Трудового Красного Знамени, нагрудным серебряным знаком «Стахановец золотоплатиновой промышленности» и многими другими правительственными и ведомственными наградами.

Его уважали рабочие и коллеги за порядочность, честность, принципиальность. А за его знания и профессионализм руководство треста «Якутзолото» постоянно двигало его по служебной лестнице, хотя по образованию он был всего горный техник. Вот таких специалистов высокого класса готовил Первый Сибирский политехникум им. К. А. Тимирязева, которые в тяжелейших условиях 30-40 годов прошлого столетия осваивали огромные территории Сибири и своим самоотверженным трудом создавали минерально-сырьевую базу и обеспечивали стратегическую безопасность Родины.

Умер Александр Иванович 5 июня 1972 года и похоронен в г. Абакане.

У Александра Ивановича было два сына – старший, Валерий, и Вячеслав. Оба в разное время окончили Томский политехнический институт. Вячеслав окончил ФТФ ТПИ в 1963 году и всю жизнь проработал на Сибирском химическом комбинате. Внук Вячеслава – Максим пошёл по стопам деда и тоже окончил ФТФ ТПУ.

**Сергей Николаевич
БОРИСЕНКО**

Родился в городе Сарань Карагандинской области Казахской ССР в 1954 году. Детство и школьные годы провёл в соседнем шахтёрском городке Абай. Окончил машиностроительный факультет Томского политехнического института. Отслужил в армии офицером. Более тридцати лет отработал на Томском заводе режущих инструментов, был мастером, секретарём комсомольской организации завода, руководителем диспетчерской, инструментальной службы, службы охраны труда, возглавлял цех, занимал должность заместителя директора по кадрам и быту. Работал в ПО «Сибэлектромотор», руководил цехом. Занимался бизнесом, был заместителем директора по производству в частной фирме. В настоящее время пенсионер.

Живёт в Томске.

**Владимир Демьянович
ВАСИЛИНЕНКО**

Родился в 1942 году в Иркутске. Окончил высшие курсы режиссёров и сценаристов при Госкино СССР в Москве, работал режиссёром на Дальневосточной студии кинохроники, Восточно-Сибирской и Западно-Сибирской киностудиях, Горьковской студии телевидения, в телекомпании «Велес».

Издано несколько книг прозы. Автор пьес «Сбежавший наследник», «Две Екатерины», «Заложники любви» и сборника стихов «Высокий день».

Член Союза кинематографистов и Союза писателей России.

Живёт в Хабаровске.

**Евгений Анатольевич
ВЯЗАНЦЕВ**

Родился в 1948 году в Новоалтайске Алтайского края. Окончил историко-филологический факультет Томского университета. Автор семи книг лирики, поэм, стихотворений в прозе и афоризмов. Переводы стихов издавались в Сербии и Черногории в различных журналах и антологиях. Две поэтические книги вышли в Сербии на сербском языке.

Живёт в Барнауле.

**Елена Николаевна
КИРИЛЛОВА**

Родилась в Хабаровске. Закончила Томский государственный университет, физический (1981) и психологический (2001) факультеты. Кандидат физ.-мат. наук. Доцент

кафедры теоретической физики Томского педагогического университета. Автор трёх поэтических сборников (Томск): «Смотреться лишь в ночные зеркала» (1999), «Ты вышел в путь – уже потерян» (2004), «Летит в темноту одуванчик» (2012). Член Союза российских писателей (2005), председатель томского представительства Союза российских писателей.

**Елена Викторовна
КЛИМЕНКО**

Родилась в 1962 году в селе Первомайском (Пышкино-Троицком) Томской области в семье учителей. Окончила Томский приборостроительный техникум. Училась на факультете прикладной математики ТГУ.

В настоящее время инженер лаборатории развития образования ТГПУ. В 2008 г. награждена медалью ТГПУ «За заслуги в области образования».

Публиковалась в литературных изданиях Томска, Кемерово, Новосибирска, Красноярска, Мельбурна, Магнитогорска, Ставрополя, Самары. Автор шести поэтических книг.

Член Союза писателей России.

Живёт в Томске.

**Владимир Михайлович
КРЮКОВ**

Родился в 1949 году в селе Пудино на севере Томской области. Окончил историко-филологический факультет Томского государственного университета.

Автор нескольких сборников стихотворений, книг прозы, книги воспоминаний «Заметки о нашем времени». Член Союза российских писателей.

Живёт в селе Тимирязевском под Томском.

**Людмила Фёдоровна
КУТЕРГИНА**

Со школьной скамьи увлекается поэзией, танцами.

Руководитель литературного объединения «Гармония» (г. Северск).

Стихи и проза печатались в коллективных сборниках Томска и ЛИТО «Гармония».

Много времени уделяет творческим встречам со школьниками, студентами и ветеранами города. Ветеран труда. Награждена общественной медалью за активную гражданскую позицию и патриотизм.

Изданы два авторских сборника прозы «Живите с любовью» и «Разве сердце заставишь молчать».

**Елена Евгеньевна
ЛАНКИНА**

Родилась в 1960 году в г. Усть-Каменогорске. В юности посещала ЛИТО «Костёр», работала внештатным корреспондентом областного радио и ТВ. Завершила школу с золотой медалью, музыкальное училище (фортепиано), музыкально-педагогический факультет ВКГУ с отличием, аспирантуру. Посещала литобъединения поэтов «Устье» и «Парус» в Бийске.

Преподавала в университетах Усть-Каменогорска, Бийска, Томска. С 2022 года преподаватель ТГПК. Авторские сборники стихов: «Спектр чувств», «Как цветы сияйте», «За всё Спасителя благодарю», и в соавторстве – «Вдохновение Алтая». В 2024 году на родине издан сборник «Елена Ланкина. Избранная лирика».

С 2005 года живёт в Томске.

**Анатолий Яковлевич
ПШЕНИЧКИН**

Родился в 1936 году в с. Варгатёр Чаинского района Томской области. В 1943–1951 годах воспитывался в Кругловском детдоме Колпашевского района. В 1955-м окончил Осинниковский горный техникум (Кемеровская обл.), после службы в армии (1955–1958), в 1968 г., окончил заочно ГФ ТГУ по специальности «геологическая съёмка и поиски полезных ископаемых». Он – один из основателей Томской школы минералогов.

В январе 2020 года вышло второе издание антологии стихов о минералах «Поэтическая минералогия». Первое издание «Поэтической минералогии» (2014) получило заслуженное признание на международных книжных выставках-ярмарках в Москве (2014), Париже (2015), Лондоне (2017), Барселоне (2018), Нью-Йорке (2019), Гонконге (2019), Вене (2019).

**Елена Александровна
СИДОРЕНКО**

Родилась в 1963 году в Красноярске. Окончила биолого-почвенный факультет ТГУ, затем Академию госслужбы. Работала помощником депутата, занималась общественной деятельностью по защите прав избирателей. В 2017 году получила третье высшее образование по специальности «педагог-психолог».

Вице-президент ТРОО «Женский голос», помогает женщинам и детям, пострадавшим от домашнего насилия, попавшим в трудную жизненную ситуацию. Пишет стихи и прозу.

Живёт в Томске.

**Юрий Германович
СТЕПАНОВ**

Родился в 1958 году в Читинской области, где по распределению работали родители. В 1959 семья вернулась в Томск. Закончил 2-ю среднюю школу в 1975. Поступил и в 1979 закончил Новосибирское Высшее военно-политическое училище. Служил в рядах ВС СССР.

С марта 1992 работал в футбольном клубе «Томь» администратором, затем гендиректором. В настоящее время занимается антикварным и букинистическим бизнесом, зам. директора магазина «Букинист Суздальский».

**Станислав Петрович
ФЕДОТОВ**

Родился в 1938 году, сибиряк, окончил радиотехнический факультет и аспирантуру Томского университета, член Союза писателей с 1973 года, автор поэтических книг, романов и пьес, лауреат Международной премии имени Валентина Пикуля и премии «Рукопожатие», член редакционного совета литературного журнала «Берега».

Живёт в наукограде Реутове Московской области.

**Оксана Борисовна
ЧАЙКОВСКАЯ**

Родилась в селе Кожевниково Томской области. Журналист, окончила ТГУ. С 1989 года работала в газетах Томска, в журнале «Персона». Член Союза журналистов с 1992 года.

Стихи сочиняет с детства, первая публикация – в 16 лет. Стихи и проза публиковались в журналах «День и ночь», «Мурзилка», «Начало века», альманахах «Сибирские Афины», «Каменный мост», «Ключевое слово». В 2007 году вышла первая поэтическая книжка «Перо птицы Феникс», в 2019-м – вторая, «Зимняя девочка», оформленная собственными иллюстрациями.

Член Союза российских писателей.

**Сергей Константинович
ЯКОВЛЕВ**

Родился в 1950 году в селе Воронина Пашня Асиновского района Томской области. Окончил Литературный институт имени М. Горького, где учился в семинаре Владимира Кострова. Автор книг стихов «Красноподье», «Дикая роза шиповник», «Берестень» и других.

Член Союза писателей России.

Живёт в Томске.

НАЧАЛО ВЕКА

Литературный и краеведческий журнал

Издание томских писателей

Главные редакторы

Г. Скарлыгин

В. Крюков

Технический редактор

О. Карташов

Корректор

И. Киселёва

Редакция журнала принимает к рассмотрению авторские работы в электронном виде, набранные на компьютере на страницах формата А4, размер шрифта 12–14 кегль, гарнитура Times New Roman или Cambria.

Расширение файла doc, docx или rtf. Материалы, представленные в других форматах (txt, pdf, tif, jpg и т. д.), редакция не рассматривает.

Редакция знакомится с письмами читателей,
не вступая в переписку.

Адрес редакции: г. Томск, ул. Шишкова, 10.

E-mail: kryukov-49@mail.ru

© Составление и оформление: «Начало века», 2025 г.

Формат 70x108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 18,2. Тираж 100 экз.

Дата выхода журнала 11.08.2025 г. Цена свободная.

Отпечатано в ООО «Томская полиграфическая компания»,
г. Томск, ул. Пушкина, 40/1